М Бакунинъ.

Кнуто-германская имперія и Соціальная революція

1907.

М. БАКУНИНЪ.

КНУТО-ГЕРМАНСКАЯ

ИМПЕРІЯ

И

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Книгоизд. «Fraternité».

Типография „Соколъ", Москва, Тверская, Глинищевский пер., д. Бахрушина

1907 Г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ послѣднему французскому изданію 1907 года.

Уѣзжая изъ Ліона 29 сентября 1870 г., въ сопровожденіи Валенція Ланкіевича *). и направляясь въ Марсель, послѣ неудачнаго революціоннаго выступленія наканунѣ, Бакунинъ написалъ Паликсу **) письмо ***), наиболѣе существенные отрывки изъ котораго слѣдующіе:

Мой дорогой другъ!

Я не хочу уѣхать изъ Ліона, не сказавъ тебѣ послѣдняго «прости». Осторожность не позволяетъ мнѣ придти пожать тебѣ руку въ послѣдній разъ. Теперь здѣсь мнѣ нечего болѣе дѣлать. Я пріѣхалъ въ Ліонъ, чтобъ сражаться или умереть съ вами. Я пріѣхалъ потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ этотъ торжественный часъ, когда Франція должна рѣшить роковой вопросъ «быть или не быть», ея дѣло становится дѣломъ всего человѣчества... Я принималъ участіе во вчерашнемъ возстаніи и подписалъ свое имя подъ постановленіями Комитета спасенія Франціи ****) потому что для меня очевидно, что послѣ дѣйствительнаго, фактическаго разрушенія всей административной и правящей машины, только непосредственное и революціонное вы-

*) Валецкій Ланкіевичъ—молодой полякъ, типографъ, онъ былъ убитъ въ Парижѣ во время коммуны, сражаясь въ передовыхъ рядахъ противъ Версальцевъ.

**) Луи Паликсъ—портной, у котораго Бакунинъ нанималъ квартиру. Онъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей французскихъ соціалистовъ.

***) Это письмо было взято у Паликса въ октябрѣ 1870 г. и Оскаръ Тестю напечаталъ его (исключая конца, имѣвшаго частный характеръ) въ 1872 г. въ II томѣ своей книги „L'Internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe]. У Бакунина сохранился черновикъ этого письма, который и былъ найденъ въ его бумагахъ. что и дало возможность Неттлау добавить къ нему конецъ на стр. 512 біографіи Бакунина.

****) Комитетъ спасенія Франціи, наиболѣе смѣлымъ и дѣятельнымъ членомъ котораго былъ Бакунинъ, сорганизовался, имѣя цѣлью попытаться поднять революціонное возстаніе. Программа этого возстанія была опубликована 26 сентября въ видѣ красной афиши съ подписями делегатовъ отъ гг. Ліона, С. Етьена, Тарара и Марселя. Бакунинъ, хотя и иностранецъ, не преминулъ присоединить свою подпись къ подписямъ своихъ друзей съ тѣмъ, чтобъ раздѣлить съ ними ихъ опасности и ихъ отвѣтственность. Афиша, объявивъ что „административная и правящая государственная машина, пришедшая въ негодность, уничтожается“ и что „народъ Франціи вступаетъ въ полное распоряженіе самимъ собою“, предлагала образовать во всѣхъ отдѣльныхъ общинахъ комитеты спасенія Франціи и немедленно послать въ Ліонъ по два делегата отъ каждаго комитета, „чтобы образовать революціонный Конвентъ спасенія Франціи“.

Примѣч. переводч.

ступленіе народа могло бы спасти Францію.. Если-бы вчерашнее возстаніе удалось—и оно удалось-бы, еслибъ генералъ Клюзере не измѣнилъ народному дѣлу,—то, замѣнивъ Ліонскій муниципалитетъ, наполовину реакціонный и наполовину бездарный, революціоннымъ комитетомъ, руководимымъ непосредственно волею народа, это возстаніе могло бы спасти Ліонъ и Францію... Я покидаю Ліонъ, мой другъ, съ тяжелымъ сердцемъ, полнымъ грусти и мрачныхъ предчувствій. Я начинаю думать теперь, что съ Франціей дѣло кончено. Она сдѣлается нѣмецкимъ вице-королевствомъ. *На мѣстѣ ея живого, дѣйствительнаго соціализма у насъ будетъ доктринерскій соціализмъ нѣмцевъ*, которые станутъ говорить лишь то, что разрѣшатъ имъ прусскіе штыки. Бюрократическое и военное благоразуміе Пруссіи въ союзничествѣ съ кнутомъ *) Петербургскаго царя обезпечатъ общественное спокойствіе и порядокъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ на всемъ Европейскомъ материкѣ. Прощай свобода! Прощай соціализмъ и торжество гуманности! Пережившъ безвременье, Франція могла бы дать все это. И она дала бы все это, еслибъ французскій народъ, еслибъ Ліонскій народъ пожелалъ этого.

Но довольно! Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я исполнилъ свой долгъ до конца, Мои Ліонскіе друзья знаютъ это также; все же остальное я презираю. Теперь, милый другъ, я перехожу къ совершенно личному вопросу... **) Мнѣ остается лишь обнять тебя, а вмѣстѣ съ тобой высказать свои пожеланія и этой бѣдной Франціи, покинутой самимъ ея народомъ.

Въ Марселѣ Бакунинъ надѣялся найти элементы для другого революціоннаго возстанія; онъ даже думалъ, что новое возстаніе возможно въ Ліонѣ. 8-го октября онъ писалъ молодому другу, Емидіо Беллеріо: «Это дѣло только отложено. Друзья, ставшіе осторожнѣе и опытнѣе, дѣятельно работаютъ какъ въ Ліонѣ, такъ и въ Марселѣ, и мы скоро добьемся реванша у этихъ бородачей, пруссаковъ... Все, что я здѣсь вижу, подтверждаетъ мнѣніе, бывшее у меня доселѣ относительно буржуазіи: и представить себѣ невозможно, до чего она подла и глупа! Народъ такъ и рвется въ бой съ пруссаками, въ бой на жизнь и смерть. Они же, напротивъ, мечтаютъ о пруссакахъ, надѣясь въ глубинѣ своего сердца, что пруссаки избавятъ ихъ отъ народнаго патріотизма... По поводу этихъ событій я доканчиваю хорошо обработанную брошюру, которую я вскорѣ вамъ вышлю. Выслали ли вамъ изъ Женевы, какъ я просилъ, мою брошюру подъ названіемъ «Lettres à un Français»?

Черезъ нѣсколько дней Бакунинъ послалъ Ланкіевича въ Ліонъ съ письмомъ къ своимъ ліонскимъ друзьямъ, гдѣ онъ писалъ:

«Дорогіе друзья, Марсель поднимется только въ томъ случаѣ,

*) Уже въ этой фразѣ выражается идея заглавія „l'Empire Knouto-germanique, придуманнаго спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

**) Здѣсь, въ этомъ отрывкѣ, неопубликованномъ Тесто, Бакунинъ говоритъ о своемъ кратковременномъ арестѣ и о кошелькѣ, похищенномъ у него блюстителями порядка

если поднимется Ліонъ, или же когда Пруссаки будутъ на разстояніи двухъ дней отъ Марселя. Итакъ, еще разъ спасеніе Франціи зависитъ отъ Ліона. У васъ остается три или четыре дня, чтобъ поднять революцію, которая можетъ все спасти... Если вы думаете, что мое присутствіе можетъ принести пользу, то телеграфируйте Лун Комбу такія слова: *Nous entendons Etienne* (мы ждемъ Этьена). Я тотчасъ пріѣду».

Но Ланкіевичъ былъ арестованъ и бумаги, взятыя при немъ, дали возможность арестовать нѣсколькихъ ліонскихъ революціонеровъ. Вслѣдствіе этой досадной случайности марсельскимъ друзьямъ Бакунина также сталъ угрожать арестъ. И чтобы имѣть возможность въ случаѣ надобности ускользнуть отъ преслѣдованія полиціи, уѣхавъ въ Барцелону или въ Геную, Бакунинъ написалъ 16-го октября Огареву, прося его выслать необходимую для побѣга сумму. Въ ожиданіи денегъ, онъ воспользовался своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ въ укромномъ помѣщеніи (маленькая комнатка квартиры Фаро) чтобы написать брошюру, о которой онъ говорилъ Беллеріо, долженствовавшую служить продолженіемъ къ Lettres à un Français; затѣмъ онъ уничтожилъ нѣсколько страницъ (отъ 81 до 125) первоначальной рукописи, не находя ихъ болѣе отвѣчающими современности; и для вступленія къ этой новой брошюрѣ, объемомъ въ 114 стр., онъ воспользовался началомъ цитированнаго выше письма къ Паликсу отъ 29 сентября:

«Мой дорогой другъ,

Я не хочу уѣхать изъ Ліона, не сказавъ тебѣ своего послѣдняго прости» и т. д.

23-го октября онъ написалъ своему другу Сентпіону, отправлявшемуся изъ Барселоны въ Ліонъ съ тѣмъ, чтобы примкнуть къ готовившемуся тамъ вновь возстанію, письмо съ извѣстіемъ, что онъ покидаетъ Марсель. Въ письмѣ онъ писалъ между прочимъ:

«Я долженъ покинуть это мѣсто, потому что мнѣ тутъ рѣшительно нечего дѣлать, и я сомнѣваюсь, чтобы для тебя нашлось дѣло въ Ліонѣ. Мой дорогой, у меня нѣтъ болѣе никакой вѣры въ революцію во Франціи. Самъ народъ тамъ сдѣлался доктринеромъ, резонеромъ и буржуа, да! настоящимъ буржуа... Я покидаю эту страну съ глубокимъ отчаяніемъ въ сердцѣ. Я очень хотѣлъ бы разубѣдиться въ этомъ и предпочелъ бы думать попрежнему, что Франція гибнетъ, преданная Пруссакамъ бездарностью, подлостью и алчностью буржуазіи».

На другой день, 24-го, Бакунинъ переодѣтый отправился въ Геную: «Онъ сбрилъ свою бороду, остригъ свои длинные волосы, писалъ провожавшій его другъ, и надѣлъ синія очки. Увидѣвъ себя въ такомъ видѣ въ зеркалѣ, онъ сказалъ:

«Эти іезуиты придали мнѣ свой типъ»! Черезъ три или четыре дня, онъ былъ ужъ въ безопасности, въ Локарно.

Въ своемъ уединеніи. Бакунинъ тотчасъ же принялся за другую работу, оставивъ неоконченной рукопись въ 114 стран., начатую въ Марселѣ И этотъ новый трудъ также долженъ былъ

быть продолженіемъ къ «Lettres d'un Français» и также начинался съ воспроизведенія письма къ Паликсу отъ 29 сентября. Онъ уговорился съ своими женевскими друзьями, чтобъ книга, надъ которой онъ работалъ, была отпечатана тамъ въ кооперативной типографіи. Видно изъ письма къ Огареву отъ 19-го ноября, что въ то время онъ уже отослалъ ему часть рукописи и что у него еще оставалось около сорока уже оконченныхъ страницъ. Онъ писалъ: «Если я не посылаю ихъ тебѣ теперь, такъ это потому, что я долженъ имѣть ихъ у себя подъ руками, пока не разработаю окончательно одного очень важнаго *) вопроса; и я еще далеко не вижу конца своей работы... Это будетъ не брошюра, это будетъ цѣлый томъ. Знаютъ-ли объ этомъ въ кооперативной типографіи?.. Озеровъ **) мнѣ пишетъ, что ты берешь на себя корректуру. Пожалуйста, мой другъ, попроси Жуковскаго помочь тебѣ... и передай ему немедленно приложенное здѣсь письмо». Жуковскому ***) онъ писалъ: «Я теперь пишу и выпускаю не брошюру, а цѣлую книгу, и Огаревъ взялся напечатать ее и держать корректуру. Но одному ему не справиться; помоги ему, прошу тебя во имя нашей старой дружбы».

Однако не обдумавъ предварительно плана своей работы, Бакунинъ, по свойственной ему привычкѣ забывать иногда свою точку отправленія, совершенно уклонился отъ намѣченной первоначально цѣли; начиная съ 105 листа, рукопись получила ужъ новое заглавіе (поставленное авторомъ впослѣдствіи, когда онъ рѣшилъ дать этимъ страницамъ другое назначеніе): *Appendice, considérations philosophiques sur le fantôme divin, sur le monde réel et sur l'homme.* (Прибавленіе, философское разсужденіе о божественномъ призракѣ, о существующемъ мірѣ и человѣкѣ). Редактированіе этой рукописи доведено имъ до 256 стр.; потомъ, замѣтивъ, безъ сомнѣнія, что дальнѣйшее изложеніе не имѣетъ органической связи съ предшествующимъ, онъ измѣнилъ свой планъ, отказавшись продолжать начатое философское изслѣдованіе, (большею частью, это была критика системы Огюста Конта).

Изъ того, что онъ написалъ, онъ оставилъ 80 первыхъ страницъ, и отложивъ листы съ 81—до 256, онъ присоединилъ къ 80-й страницѣ новый 81-й листъ, который сталъ исходной точкой другого ряда идей; разработкой которыхъ онъ и занялся ****). Эта перемѣна фронта произошла въ февралѣ 1871 г.

Когда, затѣмъ, послѣ четырехмѣсячнаго перерыва у насъ вновь

---

*) Дѣло шло, какъ сейчасъ увидимъ, о метафизическомъ изслѣдованіи идеи Божества.

**) В. Озеровъ — русскій эмигрантъ, бывшій офицеръ, принимавшій участіе въ польскомъ возстаніи 1863 г. Потомъ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, занимаясь сапожнымъ ремесломъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Альбера сапожника Во время Нечаевскаго дѣла онъ переѣхалъ изъ Парижа въ Женеву и былъ однимъ изъ близкихъ друзей Бакунина.

***) Николай Жуковскій, молодой русскій эмигрантъ, поселившійся въ Женевѣ, былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ очень близокъ съ Бакунинымъ.

****) Листки 82—256 первой редакціи (81-й листокъ не сохранился) до сихъ поръ остались неизданными.

установились письменныя сношенія съ Бакунинымъ, около половины января 1871 года, я предложилъ ему свои услуги по наблюденію за изданіемъ его труда. Такъ какъ книга печаталась въ Женевѣ, то онъ попросилъ меня вмѣсто того, чтобы читать корректуру, просматривать его рукописи до типографскаго набора. Онъ мнѣ присылалъ съ 9-го февраля 1871 г. новые листы по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ писалъ, начиная съ 80-й страницы; я ихъ прочитывалъ и дѣлалъ нѣкоторыя грамматическія поправки; эти присылки продолжались до 18-го марта, когда онъ мнѣ переслалъ листки 273—283. Только двѣсти десять первыхъ листковъ рукописи были тогда закончены. Трудъ долженъ былъ называться: *La révolution sociale ou la dictature militaire.*

18-го марта Бакунинъ уѣхалъ во Францію, куда его вызвали личныя дѣла; онъ вернулся въ Локарно 3-го апрѣля. 5-го апрѣля онъ писалъ Огареву (по-русски, письмо напечатано въ его «Перепискѣ») по поводу Парижской Коммуны: «Что ты думаешь объ этомъ отчаянномъ возстаніи Парижанъ? Каковъ бы ни былъ исходъ, нужно признать, что это храбрецы. Въ Парижѣ нашлось то, чего мы тщетно искали въ Лионѣ и Марселѣ: организація и люди, рѣшившіеся идти до конца». Затѣмъ онъ писалъ о своей книгѣ, нѣсколько листовъ которой онъ получилъ черезъ Озерова отпечатанными: «Почему мою книгу печатаютъ на такой сѣрой и грязной бумагѣ? Мнѣ хотѣлось бы дать ей другое заглавіе: *L'Empire Knouto-germanique et la Révolution Sociale.* Если выпускъ еще не готовъ, перемѣните». 9-го апрѣля онъ писалъ еще: «Первый выпускъ долженъ состоять изъ восьми листовъ... Продолжаютъ-ли печатать, и хватитъ-ли денегъ, чтобъ оплатить эти восемь листовъ? Если не хватитъ, что предпринято, чтобъ раздобыть ихъ? Ты, старый дружище, позаботься, чтобъ отпечатано было хорошо, безъ ошибокъ».

16-го апрѣля онъ снова пишетъ Огареву. Это письмо одно изъ наиболѣе интересныхъ, и ниже мы приводимъ ту его часть, гдѣ идетъ рѣчь о настоящемъ трудѣ. Здѣсь любопытно мнѣніе самого автора о характерныхъ особенностяхъ и значеніи этого труда, а также и манера судить о самомъ себѣ (это письмо почему-то выпущено во французскомъ переводѣ Переписки).

«Ты мнѣ пишешь, что рѣшили сдѣлать первый выпускъ въ пять листовъ; но ты писалъ это, очевидно, прежде, чѣмъ получилъ мое послѣднее письмо, въ которомъ я умолялъ, я совѣтовалъ, я просилъ, *наконецъ, я требовалъ*, чтобы первый выпускъ содержалъ также всю исторію Германіи, включая сюда и крестьянское возстаніе, и чтобы этотъ выпускъ оканчивался передъ главой, которую я назвалъ «*Sophismes historiques des communistes allemands*». Гильомъ, кажется, измѣнилъ или даже вовсе вычеркнулъ это заглавіе, но во всякомъ случаѣ не настолько же, чтобы вы вовсе не могли найти его въ рукописи. Однимъ словомъ, выпускъ долженъ оканчиваться тамъ, гдѣ начинаются или, точнѣе сказать, прежде чѣмъ начинаются философскія разсужденія о свободѣ, человѣческомъ развитіи, идеализмѣ и матеріализмѣ и т. д. Прошу тебя,

Огаревъ, и всѣхъ васъ, кто принимаетъ участіе въ изданіи, сдѣлайте то, о чемъ я васъ прошу: это мнѣ абсолютно необходимо.

Вмѣщая въ себѣ всю исторію Германіи, съ крестьянскимъ возстаніемъ, этотъ первый выпускъ выйдетъ въ шесть, семь, можетъ быть въ восемь листовъ. Я не могу этого сосчитать здѣсь, вы же это легко можете сдѣлать. Если онъ выходитъ длиннѣе, чѣмъ вы предполагали, то пусть такъ. Вѣдь ты писалъ, что денегъ хватитъ для десяти листовъ. Но вотъ что можетъ случиться: рукопись, предназначенная мною для перваго выпуска, можетъ оказаться недостаточной для того, чтобы заполнить послѣдній листъ (6-й, 7-й или 8-й). Въ такомъ случаѣ вотъ что надо сдѣлать.

1. Пришлите мнѣ обратно всю остальную рукопись т.-е. все то, что не войдетъ въ первый выпускъ, до 285 стр. включительно.

2. Пришлите мнѣ въ то же время *послѣдній листокъ той части, которая должна составить первый выпускъ* (оригиналъ или копію съ указаніемъ страницъ, если кто-нибудь будетъ такъ любезенъ и перепишетъ этотъ листокъ). Въ то же время, попросите типографію, чтобъ она сдѣлала подсчетъ числа страницъ, необходимыхъ, чтобы заполнить листъ. Я прибавлю тотчасъ, сколько понадобится и черезъ два дня, не болѣе, я вышлю, что напишу. Но не забудь прислать мнѣ этотъ послѣдній листокъ, безъ котораго мнѣ невозможно будетъ писать продолженіе.

«Я прошу тебя, Огаревъ, сдѣлай одолженіе, исполни мою просьбу, мое законное требованіе, и устрой точно и быстро все, о чемъ я тебя прошу и какъ я тебя прошу. Еще разъ повторяю, для меня это необходимо, я объясню тебѣ почему въ наше будущее свиданіе, которое, надѣюсь, состоится въ недалекомъ будущемъ.

«Ты все требуешь у меня конца. Дорогой другъ, я безъ задержки вышлю тебѣ рукопись, переписанную для второго выпуска въ восемь листовъ, но это все еще не будетъ концомъ. Пойми же, я началъ, думая написать брошюру, а кончаю тѣмъ, что написалъ цѣлый фоліантъ. Это чудовищно, но что подѣлаешь, если я и самъ чудовище? Но это ничего, что вмѣсто маленькой брошюры я написалъ большую книгу: эта книга будетъ жизненна и полезна. Она уже почти написана. Остается только привести ее въ порядокъ. Это моя первая и послѣдняя книга, мое завѣщаніе. И такъ, мой дорогой другъ, не возражай мнѣ: ты знаешь, нельзя отказаться отъ дорогого проекта, отъ послѣдней идеи, или же измѣнить ихъ. Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно. Остается только вопросъ о деньгахъ Собрали на десять листовъ; будетъ же не менѣе восьмидесяти. Но не безпокойся, я принялъ всѣ мѣры, чтобы собрать нужную сумму. Главное, теперь достаточно денегъ для перваго выпуска въ восемь листовъ; итакъ, печатайте смѣло этотъ первый выпускъ такимъ, какъ я прошу (а не такимъ, какъ вы проектировали). Богъ дастъ день, дастъ и пищу.

«Мнѣ кажется, что это ясно; сдѣлайте же такъ, какъ я васъ прошу, точно и скоро, и все пойдетъ какъ по маслу.

«... И если еще это не поздно, озаглавьте такъ мою книгу: «*L'Empire Knouto-germanique et la Révolution sociale*» *).

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля брошюра вышла въ тысячѣ, экземпляровъ; въ ней оказалось семь съ половиною листовъ.

Увы! Когда Бакунинъ получилъ этотъ первый выпускъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Огромныя опечатки попадались почти на каждой страницѣ. Бакунинъ попросилъ меня тотчасъ же отпечатать и приложить къ книгѣ перечень отпечатокъ. По просьбѣ автора я отпечаталъ также красную обложку съ заглавіемъ «*L' empire Knouto-germanique et la Revolution sociale*» par Michel Bakounine. Premiere livraison. Genève, chez tous les libraires. 1871; и эта обложка замѣнила прежнюю, бывшую на брошюрѣ.

Бакунинъ прожилъ отъ 23 апрѣля до 29 мая 1871 г. въ Швейцарской Юрѣ и затѣмъ опять возвратился въ Локарно; онъ взялъ у меня 139—285 стран. своей рукописи, чтобы передѣлать ихъ; и черезъ нѣсколько дней послѣ своего возвращенія онъ принялся,—какъ мы узнаемъ изъ его записной книжки,—за составленіе *Предисловія* ко второму выпуску *Empire Knouto-germanique*; это предисловіе обрывается на четырнадцатой страницѣ. Къ несчастію, своевременно не удалось собрать необходимой суммы денегъ для изданія этого второго выпуска; и скоро, увлекшись другими дѣлами, своей полемикой съ Мадзини, потомъ своей борьбой съ Карломъ Марксомъ, Бакунинъ отказался отъ мысли издать этотъ трудъ, который одно время онъ такъ близко принималъ къ сердцу и который называлъ въ письмѣ къ Огареву «своимъ завѣщаніемъ».

Спустя одиннадцать лѣтъ, въ 1882 г. черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Бакунина, 149—247 стран. рукописи (за исключеніемъ утерянныхъ 211—213 стр.) были изданы въ Женевѣ заботами Карло Кафіеро и Элизе Реклю подъ названіемъ: *Богъ и Государство* **), придуманномъ ими самими; оба издателя не подозрѣвали, что отрывокъ, озаглавленный ими такимъ образомъ, составлялъ только часть манускрипта, долженствовавшаго составить второй выпускъ *l'Empire Knouto-germanique*. Страницы той же рукописи съ 248—по 285 еще не изданы. Кромѣ того Бакунинъ написалъ еще, не знаю когда, пятьдесятъ пять новыхъ листковъ, помѣченныхъ 286—340, образующихъ длинное примѣчаніе, относящееся къ послѣдней фразѣ 285-й страницы; содержаніе этихъ пятидесяти пяти листковъ было напечатано въ 1895 году Максомъ Неттлау подъ тѣмъ же названіемъ *Богъ и Государство* ***), въ томикѣ его сочиненій озаглавленномъ: Michel Bakounine: Oeuvres (Paris, Stock). Что же касается отрывка изъ четырнадцати страницъ, написаннаго въ іюнѣ—іюлѣ 1871 года

---

*) Эта просьба слишкомъ запоздала.

**) Въ русскомъ переводѣ изданіе „Равенства"

***) Въ русскомъ переводѣ изданіе „Логоса".

и составлявшаго *Предисловіе ко второму выпуску*, то начало его подъ заглавіемъ *La commune de Paris et la notion de l'Etat* *) благодаря заботамъ Элизе Реклю появилось въ «*Le Travailleur*» въ Женевѣ въ 1878 г.; полное содержаніе четырнадцати листковъ было потомъ издано въ Парижѣ въ 1892 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ Бернардомъ Лазаромъ въ «*Entretiens politiques et litteraires*». Другой небольшой неоконченный трудъ (48 рукописныхъ стран.) озаглавленный *Avertissement* и также предназначенный служить предисловіемъ или къ второму выпуску *l'Empire Knouto-germanique* или же скорѣе къ предполагавшемуся большому труду, включавшему и уже изданный выпускъ, было также написано во второй половинѣ 1871 г., послѣ Коммуны: это предисловіе до сихъ поръ осталось неизданнымъ.

Д. Гильомъ

*) Въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Первый опытъ соціальной революціи“, въ сборн. „Союзъ равныхъ“, изданіе „Равенства“.

КНУТО-ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРІЯ

И

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

РЕВОЛЮЦІЯ — СПАСЕНІЕ ФРАНЦІИ *).

Лионъ 29 сентября 1870 г.

Мой милый другъ.

Мнѣ не хочется уѣхать изъ Ліона, не поговоривъ съ тобой на прощанье. Осторожность не позволяетъ мнѣ еще разъ пожать тебѣ руку. Мнѣ больше нечего здѣсь дѣлать. Я пріѣхалъ въ Ліонъ для того, чтобы сражаться или умереть съ вами. Меня привела сюда непоколебимая увѣренность, что дѣло Франціи сдѣлалось въ настоящее время дѣломъ человѣчества, и что ея паденіе, ея порабощеніе режимомъ, который будетъ наложенъ на нее прусскими штыками, было бы величайшимъ несчастіемъ, какое только можетъ, съ точки зрѣнія свободы и человѣческаго прогресса, постигнуть Европу и весь міръ.

Вчерашнія событія захватили и меня, и я подписалъ свое имя подъ резолюціями Центральнаго Комитета спасенія Франціи, потому что для меня очевидно, что въ виду разложенія и разрушенія всей административной и правительственной машины вашей страны, для Франціи не остается другого средства спасенія, какъ немедленное возстаніе ея общинъ и ихъ самопроизвольная организація и федерація. внѣ всякой офиціальной опеки и руководства.

Всѣ эти обломки прежней администраціи страны, эти муниципалитеты, составленные большею частью изъ буржуа или изъ рабочихъ, обратившихся въ буржуа, людей рутины, лишенныхъ интеллигентности, энергіи и искренности; всѣ эти прокуроры республики, эти префекты и подпрефекты, а въ особенности экстраординарные комиссары, снабженные военными и гражданскими полномочіями, комиссары, которыхъ

*) Раздѣленіе на главы сдѣлано русскими издателями для удобства. Въ подлинникѣ текстъ идетъ непрерывно

проблематическая власть жалкой пародіи на правительство, засѣдающей въ Турѣ, только что облекла безсильною диктатурою—все это лишь для того, чтобы парализовать послѣднія усилія Франціи и передать ее пруссакамъ.

Вчерашнее движеніе, если бы оно восторжествовало,—а оно неизбѣжно-бы восторжествовало, если бы генералъ Клюзере, слишкомъ желавшій угодить всѣмъ партіямъ, не покинулъ такъ скоро дѣло народа,—это движеніе, которое опрокинуло бы бездарный, безсильный и на три четверти реакціонный муниципалитетъ Ліона и замѣнило бы его всесильнымъ и революціоннымъ комитетомъ, всесильнымъ потому, что онъ былъ бы не фиктивнымъ, а непосредственнымъ и реальнымъ выраженіемъ воли народа,—это движеніе, говорю я, могло бы спасти Ліонъ, а вмѣстѣ съ Ліономъ и Францію

Вотъ уже прошло двадцать пять дней съ тѣхъ поръ какъ провозглашена республика, и что же сдѣлано для того, чтобы приготовить и организовать защиту Ліона? Ничего, рѣшительно ничего.

Ліонъ—вторая столица Франціи и ключъ юга, а потому на немъ лежитъ двойной долгъ. Прежде всего онъ долженъ позаботиться о своей собственной защитѣ, а затѣмъ организовать вооруженное возстаніе Юга и освободить Парижъ. Онъ могъ, и теперь еще можетъ сдѣлать и то и другое. Если поднимется Ліонъ, онъ непремѣнно увлечетъ за собою весь югъ Франціи. Ліонъ и Марсель сдѣлаются двумя полюсами грознаго національнаго революціоннаго движенія, которое, поднявъ разомъ города и деревни, привлечетъ сотни тысячъ сражающихся и противопоставитъ организованнымъ военнымъ силамъ чужеземнаго нашествія всемогущество революціи.

И каждому, наоборотъ, должно быть очевидно, что, если Ліонъ попадетъ въ руки пруссаковъ, то Франція будетъ безвозвратно потеряна. Отъ Ліона до Марселя они не встрѣтятъ болѣе препятствій. И что же тогда? Тогда Франція сдѣлается тѣмъ, чѣмъ такъ долго, слишкомъ долго, была Италія по отношенію къ Австріи: вассаломъ его величества, германскаго императора. Возможно-ли пасть ниже?

Одинъ только Ліонъ можетъ избавить Францію отъ этого паденія и отъ этой постыдной смерти. Но для этого надо, чтобы Ліонъ пробудился, чтобы онъ дѣйствовалъ, не теряя ни одного дня, ни одной минуты. Къ несчастію пруссаки не теряютъ времени. Они разучились спать; систематичные, какъ истые

нѣмцы, они, съ приводящей въ отчаяніе точностью, осуществляютъ свои искусно скомбинированные планы, причемъ съ этимъ древнимъ качествомъ ихъ расы соединяютъ быстроту движеній, которая до сихъ поръ считалась исключительной привилегіей французскихъ войскъ: они рѣшительно и грозно подвигаются къ самому сердцу Франціи. Они идутъ на Ліонъ. Что-же дѣлаетъ Ліонъ для своей защиты? Ничего.

А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ Франція существуетъ, она никогда не находилась въ болѣе отчаянномъ, болѣе ужасномъ положеніи. Вся ея армія уничтожена. Большая часть ея военныхъ припасовъ, благодаря честности императорскаго правительства и императорской администраціи, существовала только на бумагѣ, а остальное, благодаря ихъ осторожности, такъ хорошо запрятано въ крѣпостяхъ Меца и Страсбурга, что, вѣроятно, скорѣе послужитъ для пруссаковъ, чѣмъ для Національной обороны. Для успѣха послѣдней прежде всего недостаетъ пушекъ, ружей, амуниціи, а всего болѣе, денегъ, чтобы купить ихъ. Не то, чтобы у французской буржуазіи былъ недостатокъ въ деньгахъ, наоборотъ, благодаря царившему столько лѣтъ протекціонизму, карманы ея полны: но деньги буржуазіи непатріотичны, и явно считаютъ за лучшее эмигрировать, а въ крайнемъ случаѣ даже подвергнуться насильственной реквизиціи пруссаковъ, чѣмъ содѣйствовать спасенію отечества

Во Франціи нѣтъ болѣе администраціи. Та администрація, которая еще существуетъ и которую правительство Національной обороны имѣло преступную слабость оставить на своихъ мѣстахъ, есть бонапартистскій механизмъ, созданный съ исключительной цѣлью служить интересамъ разбойниковъ второго декабря, а не для организаціи обороны. Подобная администрація какъ бы нарочито приспособлена, чтобы рядомъ измѣнъ и коварствъ предать Францію окончательно въ руки прусаковъ

Липенная всего, что составляетъ могущество государствъ. Франція больше не государство. Это—огромная страна, богатая, интеллигентная, полная природныхъ силъ и рессурсовъ, но совершенно дезорганизованная и осужденная среди этой ужасной дезорганизаціи защищаться противъ самаго губительнаго нашествія, которому когда-либо подвергалась нація. Что она можетъ противопоставить пруссакамъ? Ничего, кромѣ самопроизвольной организаціи огромнаго народнаго возстанія-революціи.

Здѣсь я слышу, какъ всѣ сторонники сохраненія общественнаго порядка во что бы то ни стало, доктринеры, адвокаты, всѣ эти эксплуататоры буржуазнаго республиканизма въ желтыхъ перчаткахъ и даже большинство такъ называемыхъ представителей народа, въ родѣ вашего гражданина Бріалона и ему подобныхъ измѣнниковъ народнаго дѣла, какъ всѣ эти люди, которыхъ жалкое, вчера рожденное честолюбіе толкаетъ въ настоящее время въ лагерь буржуа; я слышу, какъ они восклицаютъ:

«Революція! Но вѣдь это было бы верхомъ несчастія для Франціи! Это было бы внутреннимъ междоусобіемъ, гражданской войной въ присутствіи непріятеля, стремящагося раздавить и уничтожить насъ! Самое обсолютное довѣріе къ правительству Національной обороны; самое безпрекословное повиновеніе военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, которымъ оно вручило власть; самый тѣсный союзъ между гражданами самыхъ различныхъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ мнѣній, между всѣми классами и всѣми партіями,—вотъ единственныя средства спасти Францію»

II.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИНТЕРЕСОВЪ РАБОЧИХЪ И БУРЖУА: РАБОЧІЕ ХОТЯТЪ СПАСТИ ФРАНЦІЮ, БУРЖУА — СВОИ КАРМАНЫ.

Довѣріе порождаетъ единеніе, а единеніе создаетъ силу—вотъ истины, которыхъ, конечно, никто не вздумаетъ отрицать Но, чтобы эти истины не стали проблематичными, необходимы двѣ вещи: надо, чтобы довѣрчивость не переходила въ глупость, и чтобы единеніе противоположныхъ элементовъ, одинаково искреннее съ обѣихъ сторонъ, не было иллюзіей, ложью или лицемѣріемъ, прикрывающими эксплуатацію одной партіи другою. Надо, чтобы всѣ объединенныя партіи совсѣмъ забыли, - конечно не навсегда, но во всякомъ случаѣ на все время, на которое заключенъ ихъ союзъ,—свои исключительные, взаимно противорѣчащіе интересы; чтобы эти, въ обыкновенное время раздѣляющіе ихъ, интересы поглотились стремленіемъ къ одной общей великой цѣли. Въ противномъ случаѣ что же получится? Искренняя партія неизбѣжно сдѣлается жертвою наименѣе искренней или вовсе неискренней, будетъ одурачена

и увидитъ себя въ концѣ концовъ принесенной въ жертву не во имя торжества общаго дѣла, но къ явному вреду его, но за то къ вящей выгодѣ партіи, лицемѣрно эксплуатировавшей этотъ союзъ.

Для того, чтобы союзъ былъ реальнымъ и возможнымъ, не необходимо ли, чтобы, по крайней мѣрѣ, цѣль, объединяющая партіи, была одна и та же? Но имѣется ли это въ данномъ случаѣ? Можно ли сказать, что буржуазія и пролетаріатъ хотятъ совершенно одного и того же? Вовсе нѣтъ.

Французскіе рабочіе хотятъ спасенія Франціи какою бы то ни было цѣною; если бы даже пришлось для этого разрушить всѣ дома, сжечь всѣ города, разорить все, что такъ дорого сердцу буржуа: ихъ помѣстья, капиталы, промышленность и торговлю, однимъ словомъ, всю страну превратить въ огромную могилу, чтобы похоронить въ ней пруссаковъ. Они желаютъ смертнаго боя, жестокой войны, съ ножомъ въ рукахъ, если понадобится. Не имѣя никакихъ матеріальныхъ благъ, которыми они могли бы пожертвовать, они отдаютъ свою жизнь. Многіе изъ нихъ, а именно большая часть тѣхъ, кто состоитъ членами Интернаціональной Ассоціаціи Рабочихъ, вполнѣ сознаютъ высокую миссію, выпадающую въ настоящее время на долю французскаго пролетаріата. Они знаютъ, что если падетъ Франція, то соціальная революція будетъ отодвинута по крайней мѣрѣ на полвѣка. Они знаютъ, что они отвѣтственны за спасеніе Франціи не только передъ Франціей, но и передъ цѣлымъ міромъ. Эти идеи распространены, конечно, только въ самой передовой части рабочихъ; но всѣ безъ исключенія рабочіе Франціи инстинктивно понимаютъ, что порабощеніе ихъ страны подъ игомъ пруссаковъ было бы смертью ихъ надеждъ на лучшее будущее, и они рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ завѣщать въ наслѣдство своимъ дѣтямъ жизнь жалкихъ рабовъ. Поэтому они хотятъ спасенія Франціи какою бы то ни было цѣною и во что бы то ни стало.

Буржуазія, или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство этого почтеннаго класса, желаетъ какъ разъ обратнаго. Для нея важнѣе всего сохраненіе во что бы то ни стало ея домовъ, имѣній, капиталовъ; для нея важна не столько неприкосновенность національной территоріи, сколько неприкосновенность ея кармановъ, наполненныхъ плодами трудовъ пролетаріата, эксплуатируемаго ею подъ покровительствомъ національныхъ законовъ. Поэтому въ глубинѣ души, не смѣя со-

знаться въ этомъ публично, она желаетъ мира какою бы то ни было цѣною, если бы даже его пришлось купить цѣною упадка и порабощенія Франціи.

Но если буржуазія и пролетаріатъ Франціи преслѣдуютъ цѣли не только различныя, но совершенно противоположныя, то какимъ чудомъ могъ бы возникнуть между ними реальный и искренній союзъ? Ясно, что это такъ усиленно проповѣдуемое примиреніе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только ложью. Ложь убила Францію; можно ли надѣяться, что ложь вернетъ ее къ жизни? Сколько бы ни осуждали антагонизмъ противоположныхъ интересовъ, фактически онъ все-таки будетъ существовать, а разъ онъ существуетъ, то было бы ребячествомъ, скажу больше, было бы преступленіемъ съ точки зрѣнія спасенія Франціи, игнорировать, а тѣмъ болѣе отрицать его существованіе. Да, спасеніе Франціи требуетъ объединенія всѣхъ партій, требуетъ забвенія всѣхъ личныхъ и партійныхъ интересовъ и честолюбія; но во имя самаго этого спасенія, остерегайтесь всякихъ иллюзій, потому что при нынѣшнемъ положеніи иллюзіи смертоносны! Ищите союза только съ тѣми, кто такъ же серьезно, такъ же страстно, какъ и вы сами, хочетъ спасти Францію какою бы то ни было цѣною!

Когда люди идутъ навстрѣчу огромной опасности, не лучше ли идти въ небольшомъ числѣ, съ полной увѣренностью, что васъ не покинутъ въ пылу битвы, чѣмъ тащить за собою толпу малодушныхъ союзниковъ, которые измѣнятъ вамъ послѣ первой же стычки.

III.

ДИСЦИПЛИНА РАБОВЪ И ДИСЦИПЛИНА СВОБОДНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Что касается до дисциплины и слѣпого довѣрія къ руководителямъ, то эти весьма почтенныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ свойства становятся пагубными, какъ только власть переходитъ въ руки враговъ народа. Страстный поклонникъ свободы, я инстинктивно отношусь съ недовѣріемъ къ тѣмъ, у кого слово «дисциплина» постоянно на языкѣ. Особенно опасны любители дисциплины во Франціи, гдѣ дисциплина большею частью означаетъ деспотизмъ съ одной стороны, и автоматизмъ съ другой: во Франціи, гдѣ мистическій

культъ власти, любовь къ господству и привычка къ подчиненію уничтожили какъ въ обществѣ, такъ и въ огромномъ большинствѣ индивидовъ, всякое чувство свободы, всякую вѣру въ самопроизвольный и жизнедѣятельный строй, создать который можетъ одна только свобода. Заговорите съ подобнымъ субъектомъ о свободѣ, и онъ сейчасъ же станетъ кричать объ анархіи, потому что ему кажется, что съ того момента, какъ угнетающая и жестокая дисциплина государства перестанетъ давить индивидовъ, послѣдніе тотчасъ-же бросятся терзать и душить другъ друга.

Въ этой прирожденной боязни анархіи и заключается секретъ той рабской покорности, какую французское общество проявляетъ передъ всякой властью со времени своей великой революціи. Робеспьеръ и якобинцы завѣщали французскому обществу культъ дисциплины и государства. Этимъ культомъ до мозга костей пропитаны всѣ ваши республиканцы-буржуа, официальные и официозные, и онъ-то и губитъ въ настоящее время Францію. Онъ губитъ ее, парализуя единственный источникъ и единственное остающееся у нея средство освобожденія—свободное развитіе народныхъ силъ, и заставляя ее искать спасенія въ призрачной власти государства, представляющаго въ настоящее время не что иное, какъ шутовскую пародію на правительство, претенціозную и крикливую и въ то же время безпомощную.

Хотя я и врагъ всего того, что во Франціи называютъ дисциплиной, тѣмъ не менѣе я признаю все-таки, что извѣстная дисциплина, не автоматическая, а добровольная и обдуманная, безъ труда согласующаяся со свободой индивидовъ, всегда будетъ необходима во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда значительное количество свободно соединившихся лицъ предпринимаютъ какой-нибудь коллективный трудъ. Тогда эта дисциплина есть не что иное какъ добровольное, обдуманное, взаимно-координированное направленіе всѣхъ индивидуальныхъ усилій къ общей цѣли. По мѣрѣ развитія дѣйствія, въ пылу борьбы, роли распредѣляются сами собой, въ зависимости отъ способностей каждаго, испытанныхъ и оцѣненныхъ на практикѣ: одни управляютъ и отдаютъ приказанія, другіе ихъ исполняютъ. Но никакая функція не становится неподвижной окаменѣлостью, и не обращается въ неотъемлемую принадлежность какой-нибудь личности. Іерархіи и чинопочитанія нѣтъ и въ поминѣ, такъ что вчерашній начальникъ можетъ сегодня сдѣлаться слугой. Ни-

кто не возвышается надъ другими, а если и возвышается, то только для того, чтобы минуту спустя возвратиться, какъ волны моря, къ благотворному уровню равенства.

При этой системѣ власти, въ общепринятомъ значеніи этого слова, не существуетъ. То, что въ данномъ случаѣ власть имѣетъ въ своемъ основаніи коллективную волю всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и, не насилуя индивидуальной свободы каждаго, подобная власть является только регуляторомъ одушевляющаго всѣхъ стремленія; каждый повинуется только потому, что начальникъ этого дня приказываетъ ему то, чего онъ и самъ хочетъ.

Вотъ истинно гуманная дисциплина, необходимая для организаціи свободы. Не такова дисциплина, проповѣдуемая вашими буржуазными республиканцами. Они хотятъ старой французской дисциплины, автоматической, рутинной и слѣпой. Начальникъ, не избранный свободно и только на одинъ день, а навязанный государствомъ надолго, если не навсегда, приказываетъ—и ему надо повиноваться во что бы то ни стало. Только этой цѣною, говорятъ они, можно добиться спасенія и даже свободы Франціи. Пассивное повиновеніе, основа всѣхъ деспотизмовъ, будетъ, слѣдовательно, также краеугольнымъ камнемъ, который вы хотите положить въ основаніе вашей новой республики.

Но если мое начальство прикажетъ мнѣ обратить оружіе противъ этой самой республики или предать Францію пруссакамъ, долженъ ли я ему повиноваться, или нѣтъ? Если я ему буду повиноваться, то измѣню Франціи; а если ослушаюсь, то нарушу эту дисциплину, которую вы хотите мнѣ навязать, какъ единственное средство спасенія Франціи. И не говорите, что я представляю на ваше разрѣшеніе несуществующую дилемму. Нѣтъ, эта дилемма существуетъ какъ несоспоримый фактъ; болѣе того, ее долженъ рѣшить для себя каждый французскій солдатъ. Кто не знаетъ, что ихъ начальники, ихъ генералы и огромное большинство высшихъ офицеровъ душой и тѣломъ преданы императорскому режиму? Кто не видитъ, что они открыто и повсюду составляютъ заговоръ противъ республики? Что же должны дѣлать солдаты? Если они будутъ повиноваться своимъ начальникамъ, они измѣнятъ Франціи; отказъ-же отъ повиновенія будетъ равносиленъ полному уничтоженію послѣдняго остатка вашихъ регулярныхъ войскъ.

Для республиканцевъ, сторонниковъ государства, общественнаго порядка и самой строгой дисциплины, эта дилемма

неразрѣшима. Для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ. она не представляетъ никакого затрудненія. Конечно, солдаты должны взбунтоваться, разрушить до основанія всю современную организацію регулярныхъ войскъ и, во имя спасенія Франціи, стереть съ лица земли государство, безсильное для добра, могущественное для зла,—потому что спасеніе Франціи только въ революціи.

IV.

БУРЖУА — ВРАГИ НАРОДА.

Что же сказать теперь о томъ довѣріи. которое рекомендуется вамъ въ настоящее время какъ высшая добродѣтель республиканцевъ? Прежде, когда люди въ самомъ дѣлѣ были республиканцами, демократіи рекомендовалось недовѣріе. Впрочемъ, ей не надо было даже и совѣтовать этого: демократія недовѣрчива отъ природы, а историческій опытъ еще болѣе развилъ эту природную недовѣрчивость, потому что во всѣ времена демократія была жертвою обмана всѣхъ честолюбцевъ и интригановъ, классовъ и индивидовъ, которые. подъ предлогомъ управленія ею и направленія къ надежной пристани, безсовѣстно эксплуатировали и обманывали ее. До сихъ поръ роль, которую она играла, сводилась къ роли подножки.

Теперь господа республиканцы устами своихъ буржуазныхъ журналистовъ совѣтуютъ ей довѣріе. Но къ кому и въ чемъ? Кто они такіе, чтобы смѣть рекомендовать довѣріе, и что они сдѣлали, чтобы самимъ заслужить его? Они писали фразы съ очень блѣднымъ республиканскимъ колоритомъ, насквозь пропитанныя узко-буржуазнымъ духомъ, по столько-то за строчку. А сколько между ними пресмыкающихся гадовъ? Что общаго между ними, этими корыстными и раболѣпными защитниками интересовъ имущаго. эксплуатирующаго класса и пролетаріатомъ? Выпала-ли когда-нибудь на ихъ долю хоть одна іота страданій того рабочаго міра, къ которому они смѣютъ презрительно обращаться со своими наставленіями и совѣтами? Сочувствовали ли хоть, по крайней мѣрѣ, они этимъ страданіямъ? Защищали ли они когда-нибудь интересы и права рабочихъ отъ эксплуатаціи буржуа? Совсѣмъ наоборотъ, потому что каждый разъ, какъ ставился великій вопросъ нашего времени, вопросъ экономическій. они дѣлались апосто-

лами той буржуазной доктрины, которая осуждаетъ пролетаріатъ на вѣчную нищету и вѣчное рабство, во имя свободы и матеріальнаго благосостоянія привилегированнаго меньшинства.

Вотъ люди, считающіе себя въ правѣ рекомендовать народу довѣріе. Но посмотримъ, кто же заслужилъ и заслуживаетъ въ настоящее время довѣрія?

Не буржуазія ли? Но не говоря уже о той реакціонной ярости, которую этотъ классъ выказалъ въ іюнѣ 1848 года, и о раболѣпной подлости, какую она выказывала двадцать лѣтъ подрядъ, сначала во время президентства, а затѣмъ во время имперіи Наполеона III: не говоря о практикуемой ею безжалостной эксплуатаціи, приносящей въ ея карманы весь результатъ народнаго труда, и едва оставляющей самое необходимое несчастнымъ труженикамъ: не говоря о ненасытной жадности, объ этой жестокой и несправедливой алчности, которая, основывая благоденствіе буржуазнаго класса на нищетѣ и экономическомъ рабствѣ пролетаріата, дѣлаетъ этотъ классъ непримиримымъ врагомъ народа,—посмотримъ: не заслужила ли буржуазія этого довѣрія своимъ поведеніемъ въ послѣдніе дни?

Не заставили-ли ее несчастія Франціи вдругъ переродиться. Можетъ быть, она сдѣлалась искренно патріотичной, республиканской, демократической, популярной и революціонной? Можетъ быть, она высказала намѣреніе подняться всей массою и отдать свою жизнь и свой кошелекъ для спасенія Франціи? Быть можетъ, она раскаялась въ своей подлой несправедливости, въ своей гнусной вчерашней измѣнѣ и искренно бросилась въ объятія народа, полная довѣрія къ нему? Не встала ли она во главѣ этого народа, чтобы спасти страну?

Неправда ли, мой другъ, что достаточно поставить эти вопросы, чтобы всѣ, при видѣ того, что происходитъ въ настоящее время, были принуждены отвѣтить отрицательно. Увы! буржуазія не измѣнилась, не исправилась и не раскаялась. Сегодня, какъ и вчера, совершенно такъ же какъ и раньше, освѣщенная во всей своей наготѣ предательскимъ свѣтомъ, который событія бросаютъ какъ на людей, такъ и на вещи, она является грубой, эгоистичной, алчной, узкой, глупой, жестокой, раболѣпной, а подчасъ и кровожадной, когда она можетъ ею быть, не подвергаясь большой опасности; какъ въ несчастные іюньскіе дни, буржуазія и теперь, какъ всегда,

распростерта ницъ передъ властью и силой, отъ которой она ждетъ своего спасенія и, какъ всегда, враждебна народу.

Буржуазія ненавидитъ народъ за все то зло, которое она ему сдѣлала; она его ненавидитъ, потому что въ нищетѣ, невѣжествѣ и рабствѣ этого народа видитъ осужденіе самой себѣ, ненавидитъ потому, что въ глубинѣ души сознаетъ справедливость народной ненависти, и потому еще, что она чувствуетъ, что эта ненависть угрожаетъ всему ея существованію, становясь съ каждымъ днемъ все интенсивнѣе и непримиримѣе. Буржуазія ненавидитъ народъ, потому что боится его; въ настоящее время она ненавидитъ его вдвойнѣ, потому что народъ, единственный искренній патріотъ, пробужденный отъ своего оцѣпененія несчастіями Франціи, которая, впрочемъ, какъ и всѣ другія страны міра, была для него мачехой,—народъ осмѣлился подняться; онъ начинаетъ сознавать себя, подсчитываетъ свои силы, организуется, возвышаетъ свой голосъ, поетъ Марсельезу на улицахъ и своимъ шумомъ и угрозами по адресу измѣнниковъ Франціи нарушаетъ общественный порядокъ и лишаетъ покоя нечистую совѣсть господъ буржуа.

Довѣріе пріобрѣтается только довѣріемъ. Высказала-ли буржуазія малѣйшее довѣріе къ народу? Ничего подобнаго.

Все, что она сдѣлала, все, что она дѣлаетъ, доказываетъ, наоборотъ, что ея недовѣріе къ народу перешло всякія границы: въ моментъ, когда насущный интересъ, самое спасеніе Франціи съ очевидностью требовали поголовнаго вооруженія всего французскаго народа, она приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы не дать ему оружія и уступила только тогда, когда народъ сталъ угрожать взять его силою. Но, выдавъ ему ружья, она употребила всѣ возможныя усилія, чтобы не дать ему припасовъ. Она должна была еще разъ уступить; и вотъ теперь, когда народъ вооруженъ, онъ сдѣлался отъ этого только болѣе опаснымъ и болѣе ненавистнымъ въ глазахъ буржуазіи.

Вслѣдствіе ненависти и страха передъ народомъ, буржуазія не хотѣла и не хочетъ республики. Не будемъ никогда забывать, милый другъ, что въ Марселѣ, въ Ліонѣ, въ Парижѣ, во всѣхъ большихъ городахъ Франціи, не буржуазія, а народъ, рабочіе провозгласили республику. Даже въ Парижѣ ее провозгласили не мнимые республиканцы крайней лѣвой Законодательнаго корпуса, попавшіе въ настоящее время почти въ полномъ составѣ въ члены правительства Національ-

ной обороны, а рабочіе Виллета и Бельвиля, и провозгласили притомъ вопреки ясно выраженнымъ желаніямъ и намѣреніямъ вашихъ сомнительныхъ республиканцевъ. Красный призракъ соціальной революціи, преступленіе, совершенное господами буржуа въ іюнѣ, заставили ихъ утратить вкусъ къ республикѣ. Не будемъ забывать, что, когда 4-го сентября рабочіе Бельвиля при встрѣчѣ привѣтствовали Гамбетту крикомъ: «Да здравствуетъ республика!» онъ отвѣтилъ имъ словами: «Да здравствуетъ Франція! говорю я вамъ»

V.

ГАМБЕТТА — СТАВЛЕННИКЪ БУРЖУАЗІИ.

Гамбетта, какъ и всѣ другіе, не желалъ республики. Революціи онъ желалъ еще менѣе. Намъ извѣстно, впрочемъ, изъ всѣхъ произнесенныхъ имъ рѣчей, съ тѣхъ поръ какъ его имя стало привлекать къ нему вниманіе публики, что Гамбетта хочетъ слыть государственнымъ человѣкомъ, «мудрымъ, умѣреннымъ, раціональнымъ республиканцемъ, консерваторомъ и сторонникомъ реальной политики *), но къ революціи онъ питаетъ отвращеніе Онъ хочетъ управлять народомъ, а не позволитъ народу управлять собою. Поэтому всѣ усилія Гамбетты и его коллегъ радикальной лѣвой Законодательнаго корпуса клонились 3-го и 4-го сентября только къ одной цѣли. избѣжать во что бы то ни стало народной революціи и, какъ ея неизбѣжнаго послѣдствія, водворенія временнаго правительства, въ которомъ имъ не было-бы мѣста. Въ ночь съ 3-го на 4-е сентября они употребляли неслыханныя усилія, чтобы заставить бонапартистскую правую и министерство Паликао принять проектъ Жюля Фавра. представленный наканунѣ и подписанный всею радикальной лѣвой. скромный проектъ, требовавшій всего только учрежденія правительственной комиссіи, легально назначенной Законодательнымъ корпусомъ, соглашаясь даже на то, чтобы бонапартисты были въ ней въ большинствѣ, и не ставя другого условія, кромѣ вступленія въ эту комиссію нѣсколькихъ членовъ радикальной лѣвой.

*) См. его письмо въ „Progrès de Lyon“.

Всѣ эти козни были разрушены народнымъ движеніемъ, разразившимся вечеромъ 4-го сентября. Но даже въ разгарѣ возстанія парижскихъ рабочихъ, когда народъ захватилъ залу и трибуны Законодательнаго корпуса, Гамбетта, вѣрный своимъ антиреволюціоннымъ идеямъ, еще приказываетъ народу молчать и уважать «свободу преній (!), для того, чтобы никто не могъ сказать, что правительство, выбранное голосованіемъ Законодательнаго корпуса, составилось подъ насильственнымъ давленіемъ народа».

Какъ истый адвокатъ, рѣшительный сторонникъ легальной фикціи, Гамбетта безъ сомнѣнія думалъ, что правительство, назначенное Законодательнымъ корпусомъ, этимъ позоромъ Франціи, на три четверти состоявшимъ изъ ставленниковъ императорскаго правительства, попавшихъ на свои мѣста путемъ подлоговъ, обмановъ и полицейскаго давленія, что подобное правительство будетъ въ тысячу разъ внушительнѣе и почтеннѣе, чѣмъ правительство, вызванное къ жизни отчаяніемъ и негодованіемъ народа, котораго предали. Эта любовь къ конституціональной лжи такъ ослѣпила Гамбетту, что, несмотря на свой умъ, онъ не понялъ, что все равно никто бы не могъ повѣрить въ свободу голосованія, происшедшаго при подобныхъ обстоятельствахъ. Къ счастью, бонапартистское большинство, испуганное все болѣе и болѣе угрожающими проявленіями народнаго гнѣва и презрѣнія, разбѣжалось, и Гамбетта, оставшись одинъ со своими коллегами радикальной лѣвой въ залѣ Законодательнаго корпуса, былъ принужденъ отказаться отъ своихъ мечтаній о власти, пріобрѣтенной легальнымъ путемъ и скрѣпя сердце принужденъ былъ удовольствоваться властью, принятой изъ рукъ народа путемъ революціоннымъ. Я сейчасъ скажу, какое жалкое употребленіе сдѣлалъ онъ и его коллеги за четыре недѣли, протекшія отъ 4-го сентября, изъ этой власти, которая была имъ ввѣрена парижскимъ народомъ для того, чтобы они вызвали во всей Франціи благотворную революцію, и которую они употребляли до сихъ поръ, наоборотъ, только для того, чтобы всюду парализовать ее.

Въ этомъ отношеніи Гамбетта и его коллеги, составляющіе правительство Національной обороны, были лишь вѣрнымъ отраженіемъ преобладающихъ мыслей и чувствъ буржуазіи. Соберите всѣхъ буржуа Франціи и спросите ихъ, что они предпочитаютъ: освобожденіе ли отечества посредствомъ соціаль-

ной революціи,—а въ настоящее время не можетъ быть иной революціи, кромѣ соціальной,—или ея порабощеніе подъ игомъ пруссаковъ? Если они посмѣютъ быть откровенными, и если внѣшнія условія позволятъ имъ безъ опасенія высказать свою мысль, то девять десятыхъ,—что я говорю!—девяносто девять сотыхъ, или даже девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ отвѣтятъ вамъ не колеблясь, что предпочитаютъ порабощеніе революціи. Спросите у нихъ еще: если бы для спасенія Франціи потребовалось пожертвовать значительною частью ихъ имѣній, ихъ движимаго и недвижимаго имущества, чувствуютъ-ли они себя расположенными принести эту жертву? Или, употребляя риторическую фигуру Жюля Фавра, дѣйствительно-ли они рѣшились бы скорѣе быть погребенными подъ развалинами своихъ городовъ и домовъ, чѣмъ отдать ихъ пруссакамъ? Они въ одинъ голосъ отвѣтятъ вамъ, что предпочтутъ сначала отдать, а потомъ выкупить ихъ у пруссаковъ Вы думаете, что если бы парижскіе буржуа не были всегда на глазахъ и подъ угрозой непосредственнаго воздѣйствія парижскихъ рабочихъ, Парижъ оказалъ-бы пруссакамъ такое мужественное сопротивленіе?

VI.

БУРЖУА — СОЮЗНИКИ ПРУССАКОВЪ.

Не клевещу ли я однако на буржуа? Милый другъ, вы хорошо знаете, что нѣтъ. Впрочемъ, въ настоящее время существуетъ неопровержимое и для каждаго очевидное доказательство справедливости всѣхъ моихъ обвиненій противъ буржуазіи. Злая воля и индифферентность буржуазіи слишкомъ ясно выразились въ денежномъ вопросѣ. Всѣмъ извѣстно, что финансы страны разорены; что нѣтъ ни одного су въ кассѣ правительства Національной обороны, которое господа буржуа повидимому поддерживаютъ съ такимъ рвеніемъ. Всѣ понимаютъ, что подобное правительство не можетъ наполнить ее обыкновенными средствами — займомъ и налогами. Не пользующееся довѣріемъ парода правительство не можетъ найти кредита; что касается дохода отъ налоговъ, то онъ свелся къ нулю. Часть Франціи, заключающая въ себѣ наиболѣе промышленныя и богатыя провинціи, занята пруссаками и под-

вергается ими систематическому грабежу. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ торговля, промышленность и всѣ дѣла остановились. Косвенные налоги не даютъ уже ничего или почти ничего. Прямые налоги платятся съ огромными затрудненіями и съ приводящею въ отчаяніе медленностью. И это въ тотъ моментъ, когда Франціи нужны всѣ ея рессурсы и весь кредитъ, чтобы удовлетворить чрезвычайнымъ неисчислимымъ расходамъ Національной обороны. Даже для непосвященныхъ очевидно, что если Франція не найдетъ немедленно денегъ, много денегъ, она не въ силахъ будетъ болѣе бороться съ пруссаками.

Ужъ кажется, кому какъ не буржуазіи, не признающей другой силы, кромѣ силы денегъ, понять ихъ рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ; кому какъ не ей должно быть ясно, что разъ Франція не можетъ изъ обычныхъ государственныхъ рессурсовъ добыть всѣхъ денегъ, которыя необходимы для ея спасенья, то она принуждена, она имѣетъ право и обязана брать ихъ тамъ, гдѣ онѣ есть. А гдѣ же онѣ есть? Ужъ, конечно, не въ карманахъ несчастнаго пролетаріата, которому алчность буржуазіи едва даетъ возможность не умереть съ голоду; деньги находятся единственно, исключительно въ несгораемыхъ сундукахъ господъ буржуа. Одни они обладатели денегъ, необходимыхъ для спасенія Франціи. Предложили ли они свободно, добровольно, хотя бы малую ихъ толику?

Всегда пробнымъ камнемъ для измѣренія искренности буржуазныхъ чувствъ, принциповъ и патріотизма, являются деньги. Общее правило таково: если вы хотите безошибочно узнать, серьезно ли желаютъ буржуа ту или другую вещь или лицемѣрно, то спросите, сколько они могутъ за нее заплатить, и если буржуа страстно желаютъ чего-нибудь, они не отступятъ ни предъ какими расходами. Не они ли затратили огромныя суммы, чтобы убить, чтобы задушить республику въ 1848 году? А позднѣе, не они ли вотировали за всѣ налоги и займы, которыхъ требовалъ у нихъ Наполеонъ III, и не находили ли они въ своихъ несгораемыхъ сундукахъ баснословныя суммы, чтобы подписываться на эти займы? Наконецъ, предложите имъ и укажите вѣрный способъ возстановить во Франціи хорошую, сильную, реакціонную монархію, которая возвратила бы имъ, вмѣстѣ съ столь милымъ для нихъ общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ на улицахъ, и экономическое преобладаніе, т.-е. драгоцѣнную привилегію

VII.

ОБМАНЧИВОСТЬ ВСЕОБЩАГО ГОЛОСОВАНІЯ.

Признаюсь вамъ откровенно, дорогой другъ, что я рѣшительно не раздѣляю суевѣрнаго преклоненія вашихъ буржуазныхъ радикаловъ или вашихъ буржуазныхъ республиканцевъ передъ всеобщей подачей голосовъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь изложить причины, въ силу которыхъ я остаюсь къ ней равнодушнымъ. Здѣсь же удовольствуемся принципіальнымъ констатированіемъ истины, кажущейся мнѣ неоспоримой, и которую потомъ мнѣ не трудно будетъ доказать какъ a priori, такъ и съ помощью большого количества фактовъ, взятыхъ изъ политической жизни всѣхъ странъ съ демократическими и республиканскими учрежденіями. Вотъ эта истина: въ обществѣ, гдѣ надъ народомъ, надъ трудящейся массой экономически господствуетъ меньшинство, владѣющее земельной собственностью и капиталомъ, какъ бы ни было или какъ бы ни казалось свободно въ политическомъ отношеніи всеобщее голосованіе, меньшинство всегда будетъ въ состояніи произвести только кажущіеся выборы, антидемократичные и рѣшительно несоотвѣтствующіе потребностямъ, инстинктамъ и дѣйствительной волѣ населенія.

Развѣ всѣ выборы, производившіеся непосредственно французскимъ народомъ со времени декабрьскаго государственнаго переворота, не были діаметрально противоположны интересамъ этого народа, и развѣ послѣднее голосованіе императорскаго плебисцита не дало семь милліоновъ «да» императору? Безъ сомнѣнія, намъ скажутъ, что въ имперіи голосованіе всегда производится подъ давленіемъ администраціи, что при ней были нарушены элементарныя гарантіи независимости и цѣлесообразности выборовъ: свобода печати, союзовъ и собраній, что народъ былъ отданъ на произволъ развращенной продажной прессы и гнусной администраціи Пусть такъ. Но выборы 1848 года въ Учредительное Собраніе и президентскіе выборы въ маѣ 1849 года въ Законодательное Собраніе были, я думаю, абсолютно свободны. Они были внѣ всякаго давленія и даже внѣ офиціальнаго вмѣшательства, протекали при соблюденіи всѣхъ условій, гарантирующихъ

абсолютную свободу. И однако, что они дали въ результатѣ? Ничего, кромѣ реакціи

«Однимъ изъ первыхъ актовъ, которымъ всего болѣе гордилось временное правительство, говоритъ Прудонъ *), былъ указъ о выборахъ въ Учредительное собраніе путемъ всеобщаго голосованія Въ тотъ самый день, когда былъ обнародованъ указъ, мы написали вотъ именно эти слова, которыя тогда можно было счесть за парадоксъ: «Всеобщее голосованіе есть контръ-революція».—Дальнѣйшія событія показали, ошибались ли мы Выборы 1848 г. были произведены, въ подавляющемъ большинствѣ священниками, легитимистами, приверженцами династіи и вообще всѣми тѣми, что есть во Франціи самаго реакціоннаго, самаго ретрограднаго. Это и не могло быть иначе».

Да, это и не могло быть иначе; и теперь это не можетъ быть иначе и не будетъ иначе до тѣхъ поръ, пока неравенство экономическихъ и соціальныхъ условій будетъ оставаться краеугольнымъ камнемъ общественной организаціи; пока общество будетъ дѣлиться на два класса, изъ которыхъ одинъ, привилегированный и эксплуатирующій, будетъ пользоваться всѣми преимуществами, даваемыми состояніемъ, образованіемъ и досугомъ, въ то время, какъ на долю другого, включающаго въ себя всю массу пролетаріата, выпадаетъ физическій трудъ, изнуряющій и угнетающій, невѣжество, нищета и рабство, какъ ихъ неизбѣжное послѣдствіе.

Да, рабство, не правовое, конечно, но фактическое, потому что какъ бы широки ни были политическія права, предоставляемыя этимъ милліонамъ пролетаріевъ, служащихъ по найму на жалованьѣ, этимъ истиннымъ каторжникамъ голода, вамъ никогда не удастся оградить ихъ отъ гибельнаго вліянія, естественной власти всевозможныхъ представителей привилегированнаго класса, начиная съ священника и кончая буржуазнымъ республиканцемъ, даже самымъ якобинскимъ, самымъ краснымъ; представителей, у которыхъ, какъ бы различны въ политическомъ отношеніи они ни казались, въ дѣйствительности, у всѣхъ одинъ и тотъ же общій, сглаживающій всѣ различія, интересъ: это—эксплуатація нищеты, невѣжества, политической неопытности и наивной вѣры пролетаріата ради экономическихъ преимуществъ класса собственниковъ.

*) Idées révolutionnaires.

Какъ могъ бы городской и сельскій пролетаріатъ противостоять интригамъ клерикальной, дворянской и буржуазной политики? Для защиты отъ нея у него есть только одно оружіе—его инстинктъ, направляющій его почти всегда на вѣрный путь: къ уничтоженію привилегій и къ экономическому равенству.

Но инстинктъ—оружіе слишкомъ несовершенное, не могущее защитить пролетаріатъ противъ реакціонныхъ махинацій привилегированныхъ классовъ. Пока инстинктъ предоставленъ самому себѣ и пока онъ не перешелъ въ обдуманное намѣреніе, въ ясно опредѣленную мысль, его легко сбить съ истиннаго направленія, извратить и обмануть.

Но сдѣлать инстинктъ сознательнымъ можетъ только широкое распространеніе политическихъ знаній и политическій опытъ; но ни того, ни другого у пролетаріата нѣтъ. Отсюда нетрудно вывести заключеніе: пролетаріатъ чего-то хочетъ: ловкіе люди, пользуясь его невѣжествомъ, заставляютъ его дѣлать что-то, но онъ, конечно, не сознаетъ, что дѣлаетъ какъ разъ обратное тому, что ему нужно; а когда онъ, наконецъ, замѣчаетъ это, обыкновенно бываетъ уже слишкомъ поздно, чтобы поправить сдѣланное имъ зло, первой и главной жертвой котораго всегда естественно и неизбѣжно является онъ же, пролетаріатъ.

Такимъ-то образомъ духовенство, знать и крупные землевладѣльцы, вкупѣ съ оставшейся на мѣстахъ, благодаря преступной глупости правительства Національной обороны *), бонапартистской администраціей, могутъ и въ настоящее время спокойно продолжать среди сельскаго населенія свою имперіалистскую пропаганду! Пользуясь круглымъ невѣжествомъ французскаго крестьянина, эти откровенные и наглые реакціонеры стараются возстановить его противъ республики въ пользу пруссаковъ. И увы! они пользуются весьма хорошимъ успѣхомъ! Развѣ мы не слышимъ каждый день не только объ общинахъ, встрѣчающихъ пруссаковъ съ распростертыми объятіями, но и выдающихъ врагамъ вольныхъ стрѣлковъ, явившихся имъ на выручку?

Развѣ французскіе крестьяне перестали быть французами? Вовсе нѣтъ. Наоборотъ, я думаю, что ни въ какой другой средѣ патріотизмъ, понимаемый въ самомъ узкомъ, въ самомъ

*) Не справедливѣе ли было бы назвать его правительствомъ разрушенія Франціи?

исключительномъ смыслѣ этого слова, не сохранился въ такой неприкосновенности, какъ у французскихъ крестьянъ, потому что они болѣе, чѣмъ все остальное населеніе, привязаны къ землѣ, проникнуты культомъ ея, который и составляетъ естественную базу патріотизма Какъ же могло случиться, что они не хотятъ или все еще медлятъ подняться на защиту этой земли противъ Пруссаковъ? Очень просто. Это случилось потому, что крестьяне были введены въ заблужденіе и продолжаютъ заблуждаться. Посредствомъ макіавелевской пропаганды, предпринятой въ 1848 году легитимистами и орлеанистами, заодно съ умѣренными республиканцами во вкусѣ Жюля Фавра и К°, продолженной потомъ съ большимъ успѣхомъ бонапартистской прессой и администраціей, ихъ убѣдили, будто соціалисты — сторонники раздѣленія земли и что они только о томъ и думаютъ, какъ-бы отобрать у крестьянъ землю; разрушить-же козни соціалистовъ и защитить ихъ противъ этого грабежа могъ одинъ только императоръ. И вотъ, чтобы отомстить ему за это, революціонеры-соціалисты предали и его самого, и его армію Пруссакамъ; но что прусскій король теперь помирился съ императоромъ и побѣдоносно введетъ его во Францію, чтобы водворить порядокъ.

Это очень глупо, но это такъ Во многихъ, могу сказать, въ большинствѣ французскихъ провинцій крестьянинъ совершенно искренно вѣритъ во все это. И это единственная причина его инертности, его враждебности къ республикѣ. Это большое несчастіе, такъ какъ ясно, что разъ сельское населеніе останется инертнымъ, и французское крестьянство въ союзѣ съ городскими рабочими не поднимется всей массой, чтобъ прогнать пруссаковъ, то Франція погибла. Какъ бы ни былъ великъ героизмъ городского пролетаріата,—а онъ дѣйствительно великъ!—городское населеніе, не поддержанное крестьянствомъ, будетъ изолировано, какъ оазисъ въ пустынѣ И будетъ неизбѣжно раздавлено

VIII.

ПРОПАГАНДА СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ. ИЗЪЯТІЕ МѢСТНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

Величайшей ошибкой этого нелѣпаго правительства Національной обороны, было, по-моему, то, что оно не приняло съ перваго

дня своего призыва къ власти всѣхъ необходимыхъ мѣръ для освѣдомленія крестьянства относительно современнаго положенія вещей и для того, чтобы вызвать и поднять повсюду вооруженное возстаніе крестьянъ. Развѣ такъ трудно было понять столь простую вещь, такую очевидную для всѣхъ истину, что отъ массового возстанія крестьянъ въ союзѣ съ городскимъ населеніемъ зависѣло и еще теперь зависитъ спасеніе Франціи? А сдѣлало ли правительство Парижа и Тура хоть одинъ шагъ въ этомъ направленіи? Предприняло ли оно хоть одну мѣру для того, чтобы вызвать крестьянское возстаніе? Оно не только ничего не сдѣлало для того, чтобы поднять ихъ, а, наоборотъ, оно сдѣлало все, чтобы это возстаніе стало невозможнымъ. Въ этомъ его безуміе и его преступленіе; безуміе и преступленіе, могущія погубить Францію.

Оно сдѣлало невозможнымъ крестьянское возстаніе прежде всего тѣмъ, что во всѣхъ общинахъ Франціи оставило на мѣстахъ императорскую администрацію: тѣ же мэры, судьи, жандармы, оставлены и гг. кюре, которые избирались, выбирались, утверждались и покровительствовались гг. префектами, супрефектами и епископами ради единственной цѣли: отстаивать интересы династіи во что бы то ни стало, хотя бы даже вопреки интересамъ самой Франціи: это тѣ же чиновники, которые неоднократно фальсифицировали выборы въ имперіи, включая сюда и послѣдній плебисцитъ и которые еще въ августѣ, подъ руководствомъ Г. Шевро, министра внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Паликао, подняли во имя Наполеона III, ужъ послѣ того какъ этотъ несчастный предалъ Францію пруссакамъ, кровавый крестовый походъ противъ либераловъ и демократовъ всѣхъ оттѣнковъ, распространяя во всѣхъ общинахъ смѣшную и вмѣстѣ съ тѣмъ гнусную клевету, будто республиканцы, навязавъ императору эту войну, сами теперь соединились противъ него съ нѣмецкими войсками.

Таковы люди, которыхъ преступное добродушіе или, скорѣй, безнадежная глупость правительства Національной обороны допускаетъ до сего времени стоять во главѣ всѣхъ сельскихъ общинъ Франціи. Эти люди скомпрометированы до такой степени и такъ замаперѣли въ подлогахъ, доносахъ, лихоимствѣ и казнокрадствѣ, что мысль о ихъ внезапномъ перерожденіи въ искреннихъ и убѣжденныхъ республикан-

цевъ можетъ вызвать только гомерическій смѣхъ! Ихъ прошлое роковымъ образомъ вынуждаетъ ихъ говорить и поступать теперь такъ, какъ они говорили и поступали вчера; и они дѣйствительно продолжаютъ отстаивать и защищать дѣло императора противъ республики, династіи противъ Франціи, и пруссаковъ, нынѣ союзниковъ императора, и его династіи противъ Національной обороны. Вотъ чѣмъ объясняется, что всѣ общины открываютъ ворота пруссакамъ вмѣсто того, чтобы оказывать имъ сопротивленіе

Повторяю еще разъ, въ этомъ—величайшій позоръ, огромное несчастіе и страшная опасность для Франціи; и вся вина этого падаетъ на правительство Національной обороны Если дѣла будутъ продолжать идти такимъ же образомъ, если не измѣнится въ ближайшемъ будущемъ отношеніе сельскаго населенія къ непріятелю, т. е если не удастся поднять крестьянъ противъ пруссаковъ—Франція безвозвратно погибла.

Но какъ ихъ поднять? Я подробно останавливался на этомъ вопросѣ въ другой брошюрѣ *). Здѣсь же коснусь его только вскользь. Безъ сомнѣнія, первое условіе, какъ я только что говорилъ, это—немедленное отозваніе всѣхъ теперешнихъ общинныхъ чиновниковъ, потому что, пока эти бонапартисты остаются на мѣстахъ, сдѣлать ничего нельзя. Но это отозваніе есть только отрицательная мѣра Она абсолютно необходима, но одной ея недостаточно

IX

ТЩЕТА БУРЖУАЗНО-РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

На крестьянина, натуру реалистичную и недовѣрчивую, можно воздѣйствовать съ успѣхомъ только при помощи положительныхъ средствъ. Являются ли таковыми предписанія и прокламаціи, хотя бы подписанныя всѣми членами невѣдомаго для него правительства Національной обороны? Нѣтъ; точно также и журнальныя и газетныя статьи не окажутъ на него ровно никакого вліянія по той простой причинѣ, что крестьянинъ ничего не читаетъ. И кромѣ того, его

*) Lettres à un Français sur la crise actuelle. Septembre 1870

воображеніе, какъ и его чувство закрыто для идей, навязываемыхъ ему въ литературной или отвлеченной формѣ. Чтобы овладѣть имъ, идеи должны явиться ему черезъ посредство живого слова живыхъ людей и черезъ посредство силы фактовъ. Тогда онъ слушаетъ, онъ понимаетъ и кончаетъ тѣмъ, что даетъ убѣдить себя.

Слѣдуетъ ли посылать въ деревню пропагандистовъ, апостоловъ республики? Это было бы недурнымъ средствомъ: только это средство трудно и вдвойнѣ опасно. Трудность его заключается въ томъ, что правительство Національной обороны, тѣмъ ревнивѣе оберегающее свою власть, чѣмъ болѣе она колеблется, и вѣрное своей несчастной системѣ политической централизаціи, оказавшись въ положеніи, когда эта централизація стала совершенно невозможной, захочетъ само избрать и послать всѣхъ апостоловъ, или вѣрнѣе, оно возложитъ эту обязанность на своихъ новыхъ префектовъ и особыхъ коммисаровъ, почти поголовно исповѣдующихъ одну съ ней политическую религію, т.-е. на буржуазныхъ республиканцевъ, адвокатовъ, редакторовъ газетъ и проч., иногда безкорыстныхъ, а большею частію и очень даже своекорыстныхъ почитателей республики, о которой они знаютъ не изъ жизни, а изъ книгъ, притомъ республиканцевъ очень умѣренныхъ, консервативныхъ и раціональныхъ, каковъ самъ Гамбетта, и въ качествѣ таковыхъ, ожесточенныхъ враговъ революціи и соціализма и, ужъ конечно, сторонниковъ сильной государственной власти.

Эти почтенные чиновники новой республики, конечно, захотятъ послать въ деревни въ качествѣ миссіонеровъ людей ихъ собственнаго закала и абсолютно согласныхъ съ ними въ политическихъ убѣжденіяхъ. Послѣднихъ понадобится для всей Франціи по меньшей мѣрѣ нѣсколько тысячъ. Гдѣ ихъ взять, чортъ возьми? Буржуазные республиканцы теперь такъ рѣдки, даже среди молодежи. Такъ рѣдки, что въ такомъ городѣ, какъ Ліонъ, напримѣръ, ихъ не найдется въ достаточномъ количествѣ для замѣщенія самыхъ важныхъ должностей, которыя можно довѣрить только самымъ искреннимъ республиканцамъ Префектамъ и супрефектамъ пришлось-бы, пожалуй, для пропаганды въ деревняхъ пригласить невѣдомыхъ молодыхъ людей, но тогда, пожалуй, оказалось бы, что эти новые миссіонеры, благодаря своей революціонной освѣдомленности и энергіи своихъ характеровъ, сдѣ-

лали бы ненужными самихъ префектовъ и супрефектовъ, пославшихъ ихъ, подобно тому какъ дѣятельность этихъ послѣднихъ, съ своей стороны, дѣлала бы ненужными выродившихся эпигоновъ великой революціи, которые, попавъ по недоразумѣнію въ члены правительства Національной обороны, дерзаютъ держать въ своихъ разслабленныхъ рукахъ судьбы Франціи. Такимъ образомъ, чтобы не нарушить іерархіи, спускаясь отъ ничтожества къ ничтожеству, не найдется пожалуй для пропаганды республики въ деревнѣ никого лучше республиканцевъ въ родѣ М. Андріе, прокурора республики, или М-r Евгенія Веронъ, редактора «Progrès» въ Ліонѣ, людей, которые во имя республики будутъ пропагандировать реакцію. Какъ вы думаете, мой другъ, будутъ ли подобные люди въ состояніи расположить крестьянъ въ пользу республики?

Увы, я боюсь обратнаго. Между чахлыми почитателями отнынѣ невозможной буржуазной республики и французскимъ крестьяниномъ, который хотя и не позитивистъ и не раціоналъ, какъ Гамбетта, но тѣмъ не менѣе очень положителенъ и обладаетъ здравымъ смысломъ, нѣтъ ничего общаго. Если бы даже они были воодушевлены лучшими намѣреніями въ мірѣ, они не замедлили бы убѣдиться, что вся ихъ литература, доктринерская и подъяческая, рушится передъ лукавой замкнутостью этихъ грубыхъ деревенскихъ пахарей.

Поднять крестьянъ не невозможно, но очень трудно. Для этого прежде всего нужно носить въ самомъ себѣ глубокую, могучую страстность, которая волнуетъ души и зажигаетъ, которая творитъ то, что въ обыкновенной жизни, въ однообразномъ повседневномъ существованіи, зовется чудомъ; творитъ чудеса энергіи, самопожертвованія, и въ концѣ концовъ неизбѣжно побѣждаетъ. Люди 1792—1793 г., особенно Дантонъ, обладали этой страстностью и она-то имъ и давала силу творить чудеса· они были мастера своего дѣла и достигли того, что вся нація стала мастеромъ этого дѣла; или лучше сказать, они сами были наивысшимъ проявленіемъ страстности, одушевлявшей націю. Есть ли среди нынѣшнихъ или вчерашнихъ людей, составляющихъ радикально-буржуазную партію во Франціи, хоть одинъ, который бы носилъ въ своемъ сердцѣ что-либо хотя немного напоминающее страстность и вѣру, воодушевлявшія людей первой революціи? Не правда-ли, нѣтъ ни одного? Послѣ я изложу вамъ причины, которымъ,

по моему, слѣдуетъ приписать этотъ прискорбный упадокъ буржуазнаго республиканизма. Теперь я удовольствуюсь простымъ констатированіемъ факта, что буржуазный республиканизмъ морально и интеллектуально выродился, поглупѣлъ, сдѣлался слабымъ, лживымъ, подлымъ, реакціонернымъ и, какъ таковой, совершенно вытѣсненъ съ исторической арены революціоннымъ соціализмомъ.

Мы съ вами, дорогой другъ, имѣли случай наблюдать представителей этой партіи въ самомъ Ліонѣ. Да, мы ихъ видѣли за работой. И что-же они говорили, что дѣлали, что продолжаютъ дѣлать среди ужаснаго кризиса, угрожающаго поглотить Францію? Они насаждаютъ реакцію маленькую, жалкую реакцію. На большую у нихъ не хватаетъ смѣлости. Не прошло и двухъ недѣль, какъ Ліонскій народъ убѣдился, что вожаки республики отличаются отъ вожаковъ монархіи только названіемъ. То же ревнивое обереганіе власти, презирающей народъ и боящейся его контроля; то же недовѣріе къ народу, то же тяготѣніе и тѣ же поблажки для привилегированныхъ классовъ. И однако г. Шальмель Лакуръ, бывшій префектъ, сдѣлавшійся, благодаря подобострастной низости Ліонскаго муниципалиста, диктаторомъ этого города, есть задушевный другъ г. Гамбетты, его дорогой избранникъ, довѣренный делегатъ и точный выразитель самыхъ интимныхъ мыслей этого великаго республиканца, этого *homme viril* (твердаго человѣка), отъ котораго Франція наивно ждетъ своего избавленія. А г Андріе, нынѣшній прокуроръ Республики, — и прокуроръ поистинѣ достойный этого имени, потому что онъ обѣщаетъ скоро превзойти своимъ ultra—юридическимъ усердіемъ и своей чрезмѣрной любовью къ общественному порядку самыхъ усердныхъ прокуроровъ имперіи, — при прежнемъ режимѣ слылъ за свободомыслящаго, за фанатичнаго врага поповъ, за преданнаго сторонника соціализма и даже за друга Интернаціонала: незадолго до паденія Имперіи ему даже посчастливилось попасть въ тюрьму, откуда онъ и былъ съ тріумфомъ освобожденъ благодарнымъ Ліонскимъ народомъ.

X.

СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ОТОЖЕСТВЛЯЕТЪ РЕВОЛЮЦІЮ СЪ РЕАКЦІЕЙ.

Какъ же случилось, что эти люди такъ измѣнились? Какъ могли вчерашніе революціонеры сдѣлаться сегодня отъявлен-

ными реакціонерами? Не слѣдствіе ли это удовлетвореннаго честолюбія, или все зло въ томъ, что, занявъ благодаря народной революціи довольно высокое и выгодное положеніе, они во что-бы то ни стало стараются удержать его за собой? Да, конечно, честолюбіе и корысть—могучіе двигатели, развратившіе не мало людей, но я не думаю, чтобы двѣ недѣли власти могли такъ извратить чувства этихъ новыхъ чиновниковъ республики. Въ такомъ случаѣ, не обманывали ли они сознательно народъ, выдавая себя во время имперіи за приверженцевъ революціи? Полагаю, что этого не было: они не хотѣли никого обманывать; они сами обманулись на свой счетъ, думая, что они революціонеры. Свою ненависть къ имперіи, очень искреннюю, хотя не очень энергичную и не очень страстную, они приняли за необузданную страсть къ революціи и, создавъ эту иллюзію, они и не подозрѣвали, что будучи сторонникими республики, они въ то же время и реакціонеры.

«Реакціонная идея *), говоритъ Прудонъ, зародилась—пусть народъ этого никогда не забываетъ!— въ нѣдрахъ республиканской партіи» И далѣе онъ прибавляетъ, что первоисточникомъ этой идеи является чрезмѣрное усердіе революціоннаго правительства, трусливый полицейскій деспотизмъ котораго, подъ предлогомъ спасенія свободы и республики, губитъ первую, а зачастую и вторую

Весьма ошибочно буржуазные республиканцы смѣшиваютъ въ одно ихъ республику и свободу. Въ этомъ-то и есть главная причина ихъ иллюзій, когда они въ оппозиціи, и ихъ ошибокъ и непослѣдовательностей, когда они у власти.

Ихъ республика вся основана на идеѣ власти и сильнаго правительства, которое должно быть тѣмъ болѣе сильно и энергично, что оно поставлено народнымъ избраніемъ, и они не хотятъ понять истину, такую простую и притомъ доказанную опытомъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, что всякая организованная власть, управляющая народомъ, абсолютно несовмѣстима съ народной свободой. Политическое государство имѣетъ своимъ назначеніемъ покровительствовать эксплуатаціи народнаго труда классами, экономически привилегированными. Отстаивая исключительную свободу господствующихъ классовъ, государственная власть вслѣдствіе этой самой причины неизбѣжно должна быть враждебна на-

*) „Idées générales de la révolution".

родной свободѣ. Слова. государство, власть означаютъ господство, а всякое господство подразумѣваетъ массы, надъ которыми господствуютъ. Слѣдовательно, государство не можетъ допускать самопроизвольныхъ дѣйствій, свободныхъ движеній массъ, самые завѣтные интересы которыхъ противорѣчатъ его существованію: государство—ихъ прирожденный врагъ, и. какъ таковой, долженъ быть всегда настороже противъ нихъ.

Вотъ чего не понимаютъ молодые сторонники авторитарной или буржуазной республики, пока они остаются въ оппозиціи и не попробовали еще власти

Презирая до глубины сердца. со всею страстью, на какую способны эти бѣдныя, выродившіяся изнервничавшіяся натуры. монархическій деспотизмъ, они воображаютъ. что презираютъ деспотизмъ вообще. Такъ какъ они хотѣли бы имѣть силу и мужество для того чтобы опрокинуть тронъ, то они и считаютъ себя за революціонеровъ; они и не подозрѣваютъ, что они ненавидятъ не деспотизмъ, а его монархическую форму, и что этотъ самый деспотизмъ, принявъ республиканское обличіе. найдетъ въ ихъ лицѣ самыхъ усердныхъ своихъ защитниковъ

Они не понимаютъ, что деспотизмъ заключается не столько въ ф о р мѣ государства. сколько въ самомъ п р и н ц и пѣ государства и политической власти. и что республиканское государство должно быть по своей сущности такъ же деспотично. какъ и государство, управляемое императоромъ или королемъ.

XI.

РЕСПУБЛИКА — РАЙ БУРЖУА.

Между этими двумя государствами есть только одно существеннее различіе. Оба одинаково имѣютъ своимъ основаніемъ и цѣлью экономическое порабощеніе массъ въ угоду класса собственниковъ; но для достиженія этой цѣли монархическая власть, неизмѣнно стремящаяся къ военной диктатурѣ, хочетъ подчинить послѣдней всѣ классы безъ исключенія, даже и тотъ. которому она покровительствуетъ въ ущербъ народа. Она искренно желаетъ и дѣйствительно служитъ интересамъ буржуазіи, но только не допуская ее самое вмѣшиваться въ управленіе дѣлами страны

Эта система, когда она осуществляется неискусными или не въ мѣру вороватыми руками, или когда она ставитъ въ слишкомъ явную оппозицію интересы династіи съ интересами эксплуататоровъ, какъ это только что случилось во Франціи,— можетъ серьезно скомпрометировать интересы буржуазіи. Кромѣ того, она имѣетъ еще одинъ очень серьезный. съ точки зрѣнія буржуа, недостатокъ: она задѣваетъ ихъ тщеславіе и гордость. Правда, система защищаетъ ихъ и предлагаетъ, съ точки зрѣнія эксплуатаціи народнаго труда, полную безопасность, но въ то же время она унижаетъ ихъ. не даетъ никакого простора ихъ резонерской маніи, а когда они осмѣливаются протестовать, она дурно обращается съ ними. Это возмущаетъ, конечно, самую пылкую, если хотите, самую великодушную и наименѣе разсуждающую часть буржуазнаго класса, и такимъ образомъ въ самыхъ нѣдрахъ его образуется, изъ ненависти къ этому угнетенію, республиканско-буржуазная партія. *)

Чего хочетъ эта партія? Уничтоженія государства? Искорененія эксплуатаціи народныхъ массъ. офиціально покровительствуемой и охраняемой государствомъ? Дѣйствительной и полной эмансипаціи для всѣхъ посредствомъ экономическаго освобожденія народа? Ничуть не бывало. Республиканцы-буржуа самые страстные и ожесточенные враги соціальной революціи. Въ моменты политическихъ кризисовъ, когда они нуждаются въ могучихъ рукахъ народа, чтобы низвергнуть тронъ, они снисходятъ до того, что обѣщаютъ матеріальныя улучшенія этому столь почтенному классу тружениковъ: но такъ какъ въ то же время они одушевлены самымъ твердымъ намѣреніемъ сохранить и укрѣпить всѣ принципы. всѣ священныя основы существующаго общества, всѣ экономическіе и юридическіе институты, которые имѣютъ своимъ непремѣннымъ слѣдствіемъ дѣйствительное порабощеніе народа, то всѣ ихъ обѣщанія естественно всегда превращаются въ дымъ. Обманутый народъ ропщетъ, угрожаетъ. возмущается, и тогда, чтобы предупредить взрывъ народнаго недовольства,

*) Насколько преобладающимъ факторомъ въ дѣлѣ образованія буржуазно-республиканской партіи являются тщеславіе и гордость, указываетъ примѣръ Россіи Наша мелкая и крупная торгово-промышленная буржуазія не обладаетъ ни тѣмъ, ни другимъ Ей по русской пословицѣ: «хоть плюй въ глаза» она все терпитъ, лишь бы начальство покровительствовало И что же? У насъ нѣтъ буржуазно-революціонной партіи. Всѣ русскіе буржуа—друзья и пріятели самодержавнаго правительства, къ вящему недоумѣнію соціалъ-демократовъ, по теоріи которыхъ современной русской революціей должны руководить буржуа.

Прим. ред

буржуазные революціонеры бываютъ вынуждены прибѣгнуть къ всемогущимъ репрессіямъ государства. Отсюда слѣдуетъ, что республиканское государство такъ же угнетаетъ народъ, какъ и государство монархическое; но угнетаетъ только народъ, имущіе же классы пользуются полнѣйшей свободой.

Поэтому никакая форма правленія не была бы такъ благопріятна интересамъ буржуазіи и такъ любима этимъ классомъ, какъ республика, если бы при настоящемъ экономическомъ положеніи Европы она имѣла силу удержаться противъ все болѣе и болѣе угрожающихъ соціалистическихъ стремленій рабочихъ массъ. Если буржуа въ чемъ-нибудь сомнѣваются, то отнюдь не въ принципіальной доброкачественности республики, въ которой все какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ имъ, а въ ея могуществѣ какъ государства, или говоря точнѣе, въ ея способности предохранить и защитить ихъ отъ мятежей пролетаріата. Вы не встрѣтите ни одного буржуа, который ни сказалъ бы вамъ: «Республика—прекрасная вещь, но, къ несчастью, она невозможна; она недолговѣчна, потому что ей недостаетъ необходимыхъ элементовъ, чтобы составить серьезное, почтенное государство, способное заставить себя уважать и внушить массамъ почтеніе къ намъ». Обожая республику платоническою любовью, но сомнѣваясь въ ея возможности или, по крайней мѣрѣ, въ ея продолжительности, буржуа каждую минуту готовъ стать подъ защиту военной диктатуры, которую онъ ненавидитъ, которая его оскорбляетъ, унижаетъ, и которая, въ концѣ-концовъ, рано или поздно разоритъ его, но которая тѣмъ не менѣе гарантируетъ ему необходимыя для эксплуатаціи спокойствіе на улицахъ и общественный порядокъ.

Это роковое пристрастіе огромнаго большинства буржуазіи къ режиму штыка составляетъ отчаяніе буржуа-республиканцевъ. Поэтому они дѣлали и, въ особенности, въ настоящее время дѣлаютъ нечеловѣческія усилія, чтобы заставить это большинство полюбить республику, чтобы доказать ему, что, ничуть не вредя интересамъ буржуазіи, республика будетъ, необороть, вполнѣ благопріятствовать ей, т. е. говоря иначе, она всегда будетъ противъ интересовъ пролетаріата и что она будетъ обладать всею необходимой властью, чтобы внушить народу спасительное уваженіе къ законамъ, гарантирующимъ спокойное экономическое и политическое преобладаніе буржуа.

Такова въ настоящее время главная забота всѣхъ членовъ правительства Національной обороны, такъ же какъ и всѣхъ префектовъ, подпрефектовъ и прочихъ адвокатовъ республики, выбранныхъ въ департаментахъ. Дѣло, какъ видите, идетъ не столько о защитѣ Франціи отъ вторженія пруссаковъ, сколько о томъ, чтобы доказать буржуа, что они, республиканцы и настоящіе обладатели государственной власти, имѣютъ всю добрую волю и всю необходимую власть, чтобы сдержать мятежи пролетаріата. Станьте на эту точку зрѣнія и вы поймете всѣ раньше непонятныя дѣйствія этихъ странныхъ защитниковъ и спасителей Франціи.

Воодушевленные подобными тенденціями и преслѣдующіе эту цѣль, они невольно стремятся къ реакціи Какъ могли бы они служить революціи и вызывать ее, даже если бы они были увѣрены, что революція является единственнымъ средствомъ спасенія Франціи? Какъ могли бы эти люди, носящіе въ самихъ себѣ официально декретированную смерть и параличъ всякаго народнаго дѣйствія, какъ могли бы они внести жизнь и движеніе въ деревни? Что могли бы они сказать крестьянамъ, чтобы поднять ихъ противъ пруссаковъ, въ присутствіи этихъ бонапартистскихъ священниковъ, мировыхъ судей, мэровъ и сельскихъ стражниковъ, которые для усиленнаго обереганія общественнаго порядка оставлены ими на своихъ мѣстахъ, и которые, будучи инспирированы изъ совершенно иныхъ источниковъ, продолжаютъ и будутъ продолжать съ утра до вечера вести совершенно противоположную пропаганду? Удастся ли имъ тронуть крестьянъ фразами, когда всѣ факты будутъ противорѣчить этимъ фразамъ?

Примите къ свѣдѣнію, что крестьянинъ ненавидитъ всякое правительство Онъ переноситъ данное изъ опасенія худшаго, онъ регулярно платитъ ему подати и терпитъ, что они берутъ его сыновей въ солдаты, потому что не видитъ, какъ бы онъ могъ поступить иначе, и онъ не стремится ни къ какой перемѣнѣ, потому что говоритъ себѣ, что всѣ правительства стоятъ одно другого, и что новое правительство, какое бы названіе оно себѣ ни давало, не будетъ лучше стараго, и потому что онъ хочетъ избѣжать риска и издержекъ безполезной перемѣны. Изъ всѣхъ режимовъ, впрочемъ, для него ненавистнѣе всего правленіе республиканское, потому что оно напоминаетъ ему добавочные сантимы 1848 года, и къ тому-же для него не пропали безслѣд-

но двадцатилѣтнія старанія бонапартистовъ очернить республику въ его глазахъ. Для него это — пугало прежде всего потому, что представляетъ въ его глазахъ режимъ насилія, практикуемаго безъ всякой выгоды, а наоборотъ, съ матеріальнымъ убыткомъ. Республика для него—это царство того, что онъ болѣе всего ненавидитъ: это—диктатура адвокатовъ и городскихъ буржуа, а ужъ разъ необходима диктатура, то его дурной вкусъ сказывается въ предпочтеніи диктатуры штыка.

Какъ же послѣ этого надѣяться, что удастся офиціальнымъ представителямъ республики склонить къ ней крестьянина? Если онъ почувствуетъ себя сильнѣйшимъ, онъ будетъ издѣваться надъ ними и выгонитъ ихъ изъ своей деревни; въ противномъ же случаѣ, онъ замкнется въ своемъ молчаніи и въ своей инертности. Посылать буржуа-республиканцевъ, адвокатовъ или редакторовъ газетъ въ деревни для пропаганды республики—это значило бы нанести ей смертельный ударъ.

XII.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ПРОПАГАНДА ЧЕРЕЗЪ ВОЛОНТЕРОВЪ.

Но тогда что же дѣлать?

Есть только одно средство революціонизировать деревни такъ же, какъ и города. Кто же обладатель этого средства? Единственный классъ, который въ настоящее время дѣйствительно искренно носитъ въ груди революцію: классъ городскихъ рабочихъ.

Но какъ могутъ рабочіе приняться за революціонизированіе деревень? Пошлютъ ли они въ каждую деревню отдѣльныхъ рабочихъ апостолами революціи? Но откуда возьмутъ они денегъ, необходимыхъ для покрытія издержекъ этой пропаганды?

Правда, гг. префекты, подпрефекты и генеральные комиссары могли бы послать ихъ на счетъ государства. Но тогда они были бы уже не делегатами рабочаго міра, а делегатами государства, что кореннымъ образомъ измѣнило бы ихъ характеръ, ихъ роль и даже самую природу ихъ пропаганды, которая вслѣдствіе этого неизбѣжно сдѣлалась бы реакціонной вмѣсто революціонной, потому что первое, что они были бы принуждены сдѣлать, это—внушить крестьянамъ довѣріе ко всѣмъ вновь учрежденнымъ или сохраненнымъ республикой властямъ, ня-

губное вліяніе которыхъ продолжаетъ еще тяготѣть надъ деревнями. Впрочемъ, очевидно, что гг. префекты, подпрефекты и генеральные комиссары, сообразуясь съ тѣмъ закономъ природы, который заставляетъ каждаго предпочитать то, что согласуется съ его вкусомъ, а не то, что ему противно, выбрали бы для выполненія роли пропагандистовъ республики рабочихъ наименѣе революціонныхъ, наиболѣе послушныхъ и угодливыхъ. Это была бы опять таки реакція въ рабочей формѣ, а мы уже сказали, что одна только революція можетъ революціонизировать деревни Нужно прибавить, наконецъ, что пропаганда отдѣльныхъ лицъ, если бы даже она велась лицами самыми революціонными въ свѣтѣ, не могла бы имѣть большого вліянія на крестьянъ. Риторика для нихъ не имѣетъ обаянія, и слова, не сопровождаемыя непосредственно дѣлами и не служащія проявленіемъ силы, для нихъ только слова. Рабочій, явившійся въ деревню для произнесенія рѣчей, подвергся бы риску быть осмѣяннымъ и изгнаннымъ такъ же, какъ и буржуа.

Что же надо дѣлать?

Для пропаганды революціи въ деревнѣ нужно посылать волонтеровъ.

Общее правило: кто хочетъ пропагандировать революцію. тотъ самъ долженъ быть открытымъ революціонеромъ. Чтобъ поднять людей на дѣло, надо самому умѣть его дѣлать; иначе слова, не подкрѣпленныя примѣромъ, вызовутъ только безполезный шумъ, не болѣе. Прежде всего, волонтеры-пропагандисты должны быть сами революціонно настроены и организованы. Они должны носить революцію въ своемъ сердцѣ, чтобы быть въ состояніи зажечь ея пламя въ другихъ сердцахъ. Потомъ они должны начертать себѣ систему, правила поведенія, соотвѣтствующіе той цѣли, которой они посвящаютъ себя. Какова же эта цѣль? Цѣль—не навязать революцію деревнѣ, а вызвать, возбудить ее тамъ. Революція, навязанная офиціальными предписаніями или вооруженною силою, вовсе не революція, а нѣчто прямо ей противоположное, потому что возникшая подъ давленіемъ насилія она неизбѣжно вызоветъ реакцію. Волонтеры должны въ деревнѣ представлять изъ себя внушительную силу, способную заставить уважать себя, чтобы мужикамъ и въ голову не пришло посмѣяться надъ ними или дурно съ ними обойтись, прежде чѣмъ выслушать ихъ,—а это легко могло-бы случиться съ

отдѣльными пропагандистами, неподдержанными внушительной силой. Крестьяне грубы, а грубыя натуры легко подчиняются авторитету и проявленію силы, чтобъ потомъ при случаѣ возстать противъ нея, если эта сила навязала имъ условія, слишкомъ противорѣчащія ихъ инстинктамъ и ихъ интересамъ».

Вотъ чего должны остерегаться волонтеры. Они не должны ничего навязывать, а только возбуждать. Первое, что они могутъ и, разумѣется, должны сдѣлать — это устранять все, что вредитъ успѣху пропаганды. Такъ, они должны начать съ устраненія безъ кровопролитія всей общинной администраціи, несомнѣнно проникнутой бонапартизмомъ, если не легитимизмомъ или орлеанизмомъ; они должны изгнать, или, смотря по надобности, арестовывать гг. общинныхъ чиновниковъ, а также и господина кюре, и ни по какой иной причинѣ, какъ только за соучастіе съ пруссаками. Легальный муниципалитетъ долженъ замѣниться революціоннымъ комитетомъ, составленнымъ изъ небольшого числа наиболѣе энергичныхъ и наиболѣе преданныхъ революціи крестьянъ. Но прежде чѣмъ учреждать этотъ комитетъ, надо предварительно распропагандировать хорошенько если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, значительное большинство крестьянъ. Необходимо, чтобъ это большинство были убѣжденными сторонниками революціи. Какъ совершить это чудо? Путемъ матеріальныхъ выгодъ. Говорятъ, французскій крестьянинъ корыстолюбивъ; такъ и нужно, чтобы его корыстолюбіе было заинтересовано въ революціи. Необходимо обѣщать и немедленно дать ему большія матеріальныя преимущества.

XIII.

ЗЕМЛЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

Пусть не сѣтуютъ на безнравственность подобной системы. Въ наши дни и притомъ имѣя предъ собой примѣры, преподанные намъ милостивыми державными властелинами, распоряжающимися судьбами Европы, съ ихъ правителями, генералами, министрами, высшими и низшими чиновниками, и всѣми привилегированными классами: духовенствомъ, дворянствомъ и буржуазіей, было бы неумно возмущаться противъ нея. Это было бы совершенно безполезнымъ лицемѣріемъ. Въ данное время выгоды двигаютъ всѣмъ, объясняютъ все. И

такъ какъ матеріальные интересы и корыстолюбіе буржуазіи губятъ теперь Францію, то почему же выгодамъ и корыстолюбію крестьянъ не спасти ее? Тѣмъ болѣе, что одинъ разъ они уже спасли ее,—въ 1792 году.

Послушайте, что говоритъ по этому поводу великій французскій историкъ Мишле, котораго никто не обвинитъ въ безнравственномъ матеріализмѣ *)

«Никогда не было такой октябрьской пахоты, какъ въ 91 г., когда хлѣбопашецъ, послѣ пораженій подъ Варенной и Пильницемъ впервые серьезно призадумался надъ грозившими ему опасностями. Врагъ надвигался со всѣхъ сторонъ и готовъ былъ отнять у него всѣ побѣды Революціи Его трудъ оживленный воинственнымъ негодованіемъ, былъ уже для него походомъ въ умѣ Онъ пахалъ какъ солдатъ, шелъ за сохою военнымъ шагомъ и, суровѣе обыкновеннаго стегая кнутомъ своихъ быковъ, кричалъ одному: «Но, Пруссія!» а другому: «Впередъ, Австрія!» Быкъ шелъ какъ лошадь, лезвіе жадно и быстро врѣзалось въ землю, черная борозда дымилась дыханіемъ жизни.

«Не могъ этотъ человѣкъ, въ которомъ впервые проснулось его человѣческое достоинство, терпѣливо ждать, пока у него отымутъ его недавнія владѣнія. Свободный и идущій по свободному полю онъ, ударяя ногой, чувствовалъ подъ собою землю безъ податей и десятиннаго сбора, землю, которая уже принадлежитъ ему или будетъ принадлежать ему завтра... Нѣтъ болѣе господъ! Всѣ господа на своей землѣ! Сбывается старая поговорка: бѣдный человѣкъ въ своемъ домѣ король.

«Въ своемъ домѣ и внѣ его. Развѣ вся Франція теперь не его домъ?»

И далѣе, гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ вторженіемъ Брауншвейга:

«Вступивъ въ Верденъ, Брауншвейгъ нашелъ такія удобства, что остался тамъ цѣлую недѣлю. Эмигранты, окружавшіе принца наперебой напоминали ему обѣщанія, данныя имъ прусскимъ королемъ. На что принцъ сказалъ при отъѣздѣ слѣдующія странныя слова (Гарденбергъ слышалъ ихъ): онъ не будетъ вмѣшиваться въ управленіе Франціей, а только возвратитъ королю абсолютную власть. Возвратитъ королю королевскую власть, церкви—священникамъ, имѣнія—помѣщи-

*) Исторія французской революціи Мишле, т III.

камъ,— въ этомъ заключалось все его честолюбіе. И за всѣ эти благодѣянія чего требовалъ онъ отъ Франціи? Никакихъ территоріальныхъ уступокъ. Пруссіи должны быть только возвращены издержки войны, предпринятой для спасенія Франціи.

«Эта маленькая фраза: возвратить имѣнія заключала въ себѣ многое. Крупнымъ помѣщикомъ было духовенство; дѣло шло о томъ, чтобы возвратить ему имущество въ четыре милліарда, значительная часть котораго была по мелочамъ распродана крестьянамъ. Что должно было статься съ безчисленными контрактами, которые были прямымъ или косвеннымъ слѣдствіемъ этой операціи? При этомъ были бы разорены не только пріобрѣтатели, но и тѣ, кто давалъ имъ взаймы деньги, и множество другихъ лицъ... великій народъ, истинно привязанный къ Ревлюціи почтительнымъ интересомъ. Эти имѣнія, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ уклонившіяся отъ благочестивыхъ цѣлей, къ которымъ ихъ предназначала воля жертвователей, были снова призваны Революціей къ ихъ истинному назначенію служить бѣднякамъ. Они перешли изъ мертвыхъ рукъ въ живыя, отъ лѣнтяевъ къ труженикамъ, отъ развратныхъ аббатовъ, пузатыхъ канониковъ, чванныхъ епископовъ къ честному хлѣбопашцу. Новая Франція возникла въ этотъ короткій промежутокъ времени. А эти невѣжды (эмигранты), которые привели иностранцевъ, и не подозрѣвали этого».

. . . . . .

«Услышавъ многозначительныя слова о реставраціи священниковъ, объ отдачѣ назадъ имѣній и т. д., крестьянинъ насторожилъ ухо и понялъ, что контръ-революція вступала во Францію, что должна произойти огромная перемѣна въ вещахъ и людяхъ.—Не у всѣхъ были ружья, но у кого были, тотъ взялъ; у кого были вилы, тотъ взялъ вилы, у кого коса, тотъ взялъ косу.—Необычайныя вещи стали твориться на французской землѣ. Она вдругъ измѣнилась на глазахъ чужестранца. Она обратилась въ пустыню. Хлѣбъ съ полей исчезъ, какъ будто бы его унесъ ураганъ; онъ былъ увезенъ на западъ. Для непріятеля была оставлена только одна вещь—зеленый виноградъ, болѣзнь и смерть».

А еще далѣе Мишле рисуетъ такую картину возстанія французскихъ крестьянъ.

«Населеніе стремилось къ бою съ такимъ увлеченіемъ, что власти начинали бояться этого и удерживали его. Безпорядочныя массы, почти не вооруженныя, устремлялись къ одному и тому же пункту; не знали, гдѣ ихъ помѣстить и чѣмъ кормить. На востокѣ, главнымъ образомъ въ Лотарингіи, холмы и всѣ возвышенные пункты превратились въ лагери, грубо укрѣпленные срубленными деревьями, въ родѣ нашихъ древнихъ лагерей временъ Цезаря. Нѣмцамъ приходилось сильно призадуматься, когда они проходили мимо, оставляя позади себя эти народные лагери. Каково-то имъ будетъ возвращаться?! Не суждено ли имъ пасть подъ ударами этихъ враждебныхъ массъ, которыя потекутъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, какъ вешнія воды?.. Они сразу должны были замѣтить, что имъ приходилось имѣть дѣло не съ арміей, а съ Франціей».

Увы! развѣ не обратное тому видимъ мы теперь?

Но почему та Франція, которая въ 1792 году вся поднялась, чтобы стряхнуть съ себя чужеземное нашествіе, не поднимается теперь, когда ей угрожаетъ гораздо большая опасность, чѣмъ въ 1792 году?

Единственно только потому, что въ 1792 году она была наэлектризована революціей, — а теперь она парализована реакціей, поощряемой и воплощаемой правительствомъ пресловутой Національной обороны. Почему въ 1792 году крестьяне массой поднялись противъ Пруссаковъ, и почему теперь они остаются не только инертными, но скорѣе даже благожелательными къ пруссакамъ и враждебными къ революціи и республикѣ? Это оттого, что для нихъ это уже не та самая республика. Республика, основанная Національнымъ Конвентомъ 21 сентября 1792 года, была вполнѣ народная и революціонная. Она предоставила народу огромное, или какъ говоритъ Мишле, внушительное (respectable) преимущество. Путемъ конфискаціи въ большомъ количествѣ прежде всего церковныхъ имѣній, а потомъ имѣній эмигрировавшихъ или гильотинированныхъ дворянъ, она дала ему землю, и, чтобы сдѣлать невозможнымъ возвратъ этой земли ея прежнимъ владѣльцамъ, народъ поднялся всей массой,—между тѣмъ какъ настоящая республика, вовсе не популярная, наоборотъ, полная непріязни и недовѣрія къ народу, республика адвокатовъ, несносныхъ доктринеровъ, провозглашенная буржуазіей, для буржуазіи, ничего не даетъ ему, кромѣ фразъ, увеличенныхъ

налоговъ и опасностей, безъ малѣйшей матеріальной компенсаціи.

XIV.

ТРУДЪ И НЕНАВИСТЬ КЪ БУРЖУАЗІИ ОБЪЕДИНЯЮТЪ КРЕСТЬЯНЪ И РАБОЧИХЪ.

И крестьянинъ тоже не вѣритъ въ эту республику, хотя и по другимъ причинамъ, чѣмъ буржуа. Онъ не вѣритъ въ нее именно потому, что находитъ ее слишкомъ буржуазной, слишкомъ благоволящей интересамъ буржуазіи, и онъ питаетъ противъ буржуазіи въ глубинѣ своего сердца мрачную ненависть, которая проявляясь въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ ненависть городскихъ рабочихъ, тѣмъ не менѣе такъ же интенсивна

Французскіе крестьяне, по крайней мѣрѣ, огромное большинство крестьянъ,—этого никогда не надо забывать,—хотя и сдѣлались собственниками, но тѣмъ не менѣе живутъ трудами своихъ рукъ. Это отдѣляетъ ихъ непроходимой стѣной отъ класса буржуазіи, большая часть котораго живетъ эксплуатаціей чужого труда, труда народныхъ массъ, а съ другой стороны, соединяетъ съ городскими рабочими, несмотря на все различіе ихъ положеній, которое не въ пользу рабочихъ, несмотря на все различіе идей и принциповъ, къ несчастью слишкомъ усердно подчеркиваемое ихъ друзьями.

Отъ городскихъ рабочихъ крестьянъ особенно отталкиваетъ умышленно выставляемое рабочими напоказъ превосходство ума. Рабочіе, несомнѣнно, болѣе начитаны: ихъ умъ болѣе развитъ, и, пользуясь этимъ маленькимъ превосходствомъ, они не упускаютъ случая обойтись съ крестьяниномъ свысока, дать ему замѣтить свое пренебреженіе. И, какъ я уже отмѣтилъ въ другой статьѣ *), рабочіе очень неправы. Въ этомъ случаѣ они берутъ примѣръ съ буржуа, которые, будучи развитѣе и образованнѣе рабочихъ, имѣютъ, впрочемъ, больше основаній относиться съ презрѣніемъ къ этимъ послѣднимъ: рабочіе ненавидятъ за это буржуа.

*) Lettres à un Français sur la crise actuelle. Septembre 1870.

XV.

СОЦІАЛЬНОЕ ДОКТРИНЕРСТВО И БУРЖУАЗНОЕ ЯКОБИНСТВО РАБОЧИХЪ ОТТАЛКИВАЮТЪ ОТЪ НИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Позвольте мнѣ, дорогой другъ, повторить здѣсь нѣсколько страницъ изъ статьи, о которой я только что упомянулъ: «Крестьяне, -писалъ я въ этой брошюрѣ,—считаютъ городскихъ рабочихъ за приверженцевъ раздѣла земли, и боятся, чтобы соціалисты не пришли отобрать у нихъ ихъ земли, которыя они цѣнятъ превыше всего. Что сдѣлать рабочимъ, чтобы побѣдить это недовѣріе и эту враждебность крестьянъ противъ нихъ? Прежде всего, перестать выражать имъ свое пренебреженіе. перестать презирать ихъ. Это необходимо для спасенія революціи, потому что ненависть крестьянъ несетъ въ себѣ огромную опасность. Не будь этого недовѣрія и этой ненависти, революція совершилась бы уже давно, такъ какъ враждебность, къ несчастью, существующая между городомъ и деревней, составляетъ не только во Франціи. но и въ другихъ странахъ главную основу и силу реакціи. Итакъ, въ интересахъ революціи, которая ихъ освободитъ, рабочіе должны какъ можно скорѣе перестать выражать это презрѣніе къ крестьянамъ. Справедливость требуетъ этого, потому что на самомъ дѣлѣ у рабочихъ нѣтъ никакого основанія, чтобы презиратькрестьянъигнушатьсяими. Крестьяне не лежебоки, они такіе же суровые труженики, какъ и рабочіе: только работа ихъ ведется при иныхъ условіяхъ. Вотъ и все. Передъ лицомъ буржуа-эксплуататора рабочій и крестьянинъ должны чувствовать себя братьями».

«Крестьяне встанутъ вмѣстѣ съ городскими рабочими на защиту родины, какъ только они убѣдятся, что городскіе рабочіе не стремятся навязать имъ ни своей воли, ни какого бы то ни было политическаго и соціальнаго строя, изобрѣтеннаго городомъ для вящаго благополучія деревни; какъ только у нихъ явится увѣренность, что рабочіе не имѣютъ никакихъ притязаній на ихъ землю.

«Итакъ, самое необходимое въ данное время, чтобы рабочіе дѣйствительно отказались отъ всѣхъ подобныхъ притязаній и намѣреній, и отказались бы такъ, чтобъ крестьяне

знали объ этомъ и повѣрили бы этому Всякія реформаторскія притязанія, даже если бы они оказались и осуществимыми, были бы вообще въ высшей степени несправедливы и реакціонны; а теперь, когда это осуществленіе абсолютно невозможно, подобныя притязанія граничили бы съ преступленіемъ и безумiемъ.

„По какому праву рабочіе навязали бы крестьянамъ какую-либо форму правленія и организаціи? По праву революціи, скажутъ. Но чего стоитъ такая революція, которая вмѣсто того, чтобы звать массы къ свободѣ, возбуждаетъ среди нихъ реакцію? Отрицаніе принципа авторитета, во всевозможныхъ его проявленіяхъ, вотъ основная цѣль и главное содержаніе революціи. Революція это—полное уничтоженіе политическаго и юридическаго государства, потому что государство, младшій братъ церкви, какъ это очень хорошо доказано Прудономъ, есть историческое освященіе всѣхъ деспотизмовъ, всѣхъ привилегій, политическая причина всякаго экономическаго и соціальнаго порабощенія, самая сущность и первоисточникъ всякой реакціи. Устраивая именемъ революціи государство, хотя бы временное, тѣмъ самымъ вызываютъ реакцію и работаютъ для деспотизма, а не для свободы, для установленія привилегій вопреки равенству.

„Это ясно, какъ Божій день! Но французскіе рабочіе-соціалисты, воспитанные на политическихъ традиціяхъ якобинцевъ, никогда не умѣли понять этой истины! Теперь они поневолѣ ее поймутъ. А если не поймутъ, то погибнутъ сами и погубятъ революцію. Откуда явилось у нихъ это притязаніе, настолько же смѣшное, высокомѣрное и несправедливое, насколько и пагубное, навязать свой политическій и соціальный идеалъ десяти милліонамъ крестьянъ, не желающимъ его? Очевидно это еще наслѣдство буржуазіи, политическое завѣщаніе буржуазнаго революціонизма. Какова-же теоретическая основа этого притязанія? Это не болѣе какъ мнимое или хотябы даже дѣйствительное превосходство ума, образованія, однимъ словомъ, духовной культуры рабочихъ надъ культурой деревни. Но развѣ вы не знаете, что тотъ-же принципъ узаконяетъ всѣ завоеванія, освящаетъ всѣ притѣсненія? У буржуа, напримѣръ, никогда и не было иного принципа для доказательства своего призванія управлять, или—что одно и тоже—эксплуатировать рабочихъ. Переходя отъ одной націи къ другой, отъ одного класса къ другому, этотъ роковой

принципъ, представляющій изъ себя не что иное, какъ принципъ авторитета. оправдываетъ и устанавливаетъ права захвата и завоеванія. Развѣ не имъ руководствовались нѣмцы для осуществленія всѣхъ своихъ посягательствъ на свободу и независимость славянскихъ народовъ, развѣ не имъ оправдываютъ они всѣ жестокости насильственной германизаціи? Это, говорятъ они, побѣда цивилизаціи надъ варварствомъ. Берегитесь! нѣмцамъ начинаетъ приходить въ голову, что германская протестанская цивилизація вообще гораздо выше католической цивилизаціи, представителями которой являются народы латинской расы. и выше французской цивилизаціи. въ частности. Берегитесь, чтобы имъ не пришло скоро въ голову ,что ихъ назначеніе цивилизовать васъ и осчастливить васъ своей культурой. подобно тому, какъ вы считаете своимъ назначеніемъ цивилизовать и осчастливить вашихъ соотечественниковъ. вашихъ братьевъ. французскихъ крестьянъ! По моему. какъ то. такъ и другое притязаніе гнусно, и я объявляю вамъ. что и въ международныхъ отношеніяхъ, и въ отношеніяхъ одного класса къ другому я всегда буду на сторонѣ тѣхъ. кого хотятъ цивилизовать такимъ способомъ

,,Я возстану вмѣстѣ съ ними противъ всѣхъ этихъ надменныхъ цивилизаторовъ, будутъ ли они называться рабочими или нѣмцами, и, ополчившись противъ нихъ. я тѣмъ самымъ буду служить дѣлу революціи противъ реакціи

,,Но если это такъ. скажутъ мнѣ, то пришлось бы предоставить невѣжественныхъ и суевѣрныхъ крестьянъ всякимъ воздѣйствіямъ и происканъ реакціи? Вовсе нѣтъ. Нужно уничтожить реакцію и въ деревнѣ такъ же, какъ и въ городѣ: но это надо сдѣлать фактически, а не объявляя ей войну посредствамъ предписаній. Я уже говорилъ, предписаніями ее не уничтожить. Наоборотъ, предписанія и всякія проявленія авторитетовъ укрѣпляютъ то, что они хотѣли бы разрушить.

XVI.

СОБСТВЕННОСТЬ КАКЪ ФАКТЪ, НЕ БУДУЧИ ПРАВОМЪ, НЕ ПРОТИВОРѢЧИТЪ СОЦІАЛИЗМУ.

,,Вмѣсто того, чтобы желать отобрать у крестьянъ земли. которыми они въ настоящее время владѣютъ, предоставьте имъ слѣдовать ихъ инстинкту. и вы знаете. что произойдетъ

тогда? Крестьянинъ желаетъ, чтобъ вся земля принадлежала ему. Въ каждомъ знатномъ вельможѣ и богатомъ буржуа, владѣнія которыхъ, обрабатываемыя наемнымъ трудомъ, уменьшаютъ его поле, онъ видитъ чужеземца и узурпатора. Революція 1789 г. предоставила крестьянамъ церковныя земли: другой революціей они захотятъ воспользоваться чтобы завладѣть землями дворянства и буржуазіи.

„Но если бы это случилось, если бъ крестьяне наложили руки на все количество земли, которое имъ еще не принадлежитъ, не укрѣпился ли бы чрезъ это, къ великой досадѣ, принципъ частной собственности и не оказались ли бы крестьяне болѣе чѣмъ когда либо враждебны по отношенію къ городскимъ рабочимъ, соціалистамъ?

„Вовсе нѣтъ, потому что разъ государство будетъ уничтожено, у нихъ не будетъ политическаго и юридическаго освященія, не будетъ гарантіи собственности посредствомъ государства. Собственность не будетъ болѣе правомъ, она будетъ только фактомъ.

XVII.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАКЪ ТВОРЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

„Тогда начнется гражданская война, скажете вы. Если частная собственность не будетъ болѣе гарантирована никакимъ высшимъ авторитетомъ, политическимъ, административнымъ, юридическимъ и полицейскимъ, и будетъ защищена только силою энергіи владѣльца, то каждый захочетъ овладѣть имуществомъ другого, болѣе сильные будутъ грабить болѣе слабыхъ.

„Разумѣется, съ самаго начала событія не пойдутъ абсолютно мирнымъ путемъ: не обойдется безъ борьбы; общественный порядокъ, этотъ кивотъ завѣта буржуазіи, будетъ нарушенъ, и первые факты, вытекшіе изъ подобнаго хода вещей, дадутъ въ результатѣ то, что принято называть гражданской войной. Но неужели вы предпочли бы лучше предать Францію пруссакамъ?..

„Потомъ, не бойтесь, что крестьяне пожрутъ другъ друга; еслибъ у нихъ и было даже это намѣреніе въ началѣ, они

не преминули бы скоро убѣдиться въ матеріальной невозможности упорствовать въ этомъ направленіи, и послѣ этого можно быть увѣреннымъ, что они постараются сговориться, помириться и сорганизоваться. Необходимость ѣсть и кормить свои семьи и, какъ неизбѣжное слѣдствіе отсюда, необходимость продолжать полевыя работы, необходимость оберегать свой домъ, жизнь своихъ близкихъ и свою собственную противъ непредвидѣнныхъ нападеній, все это несомнѣнно скоро заставитъ ихъ вступить на путь взаимныхъ сдѣлокъ.

„И вовсе не надо думать, что въ этихъ сдѣлкахъ, совершаемыхъ внѣ всякой офиціальной опеки, единственно силою вещей, получатъ преобладаніе наиболѣе богатые и сильные. Состояніе богатыхъ, не обезпеченное болѣе юридическими учрежденіями, потеряетъ свою силу. Въ настоящее время богатые имѣютъ вліяніе только потому, что, благодаря небезкорыстной благосклонности къ нимъ государственныхъ чиновниковъ, они находятся подъ спеціальнымъ покровительствомъ государства. Разъ у нихъ не будетъ этой опоры, ихъ могущество тотчасъ исчезнетъ. Что же касается наиболѣе пронырливыхъ и наиболѣе оборотливыхъ, то они будутъ сметены коллективнымъ могуществомъ массы рядовыхъ крестьянъ и сельскихъ батраковъ, въ данное время осужденныхъ на молчаливое страданіе, но которыхъ революціонное движеніе вооружитъ непреодолимой силой.

„Я не утверждаю,—замѣтьте это хорошенько!—что организуясь такимъ образомъ, по направленію отъ низу къ верху, деревни однимъ махомъ создадутъ совершенную организацію, отвѣчающую во всѣхъ своихъ деталяхъ тому идеалу, о которомъ мы мечтаемъ. Въ одномъ убѣжденъ я: - это будетъ живая организація, и, какъ таковая, въ тысячу разъ болѣе цѣлесообразная и эластичная, чѣмъ все существовавшее до сихъ поръ. Притомъ, такъ какъ эта новая организація останется вполнѣ доступной для городской пропаганды и не будетъ болѣе закрѣплена и какъ бы превращена въ окаменѣлость юридической санкціей государства, то она будетъ свободно прогрессировать, развиваясь и совершенствуясь не какимъ-либо предопредѣленнымъ путемъ, разъ навсегда фиксированнымъ, но неизмѣнно живымъ и свободнымъ, до тѣхъ поръ пока не достигнетъ такого совершенства, о которомъ мы въ настоящее время можемъ только мечтать.

„Такъ какъ жизнь и самопроизвольная дѣятельность, въ теченіе долгихъ вѣковъ считавшаяся неотъемлемой прерогативой Государства, перейдетъ къ общинамъ, то естественно, что каждая община возьметъ за отправную точку своего новаго развитія не то мнимое, интеллектуальное и моральное состояніе, которое офиціальная фикція считала уже достигнутымъ, но дѣйствительное, реальное состояніе ея цивилизаціи; и такъ какъ степень существующей цивилизаціи весьма различна въ различныхъ французскихъ общинахъ, какъ и вообще во всѣхъ общинахъ въ Европѣ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ разнообразія будетъ огромное различіе въ подробностяхъ при наличности въ цѣломъ полной гармоніи и равновѣсія, установленныхъ съ общаго согласія и долженствующихъ замѣнить искусственное и насильственное единство государствъ Начнется новая жизнь, зародится новый міръ...

„Вы мнѣ скажете: но не ослабитъ ли эта революціонная агитація, эта внутренняя борьба, которая неизбѣжно должна разгорѣться при разрушеніи политическихъ и юридическихъ учрежденій, не ослабитъ ли она національную защиту и, вмѣсто того чтобъ способствовать изгнанію пруссаковъ, не облегчитъ-ли она, наоборотъ, завоеваніе Франціи?

„Вовсе нѣтъ. Опытъ исторіи намъ показываетъ, что націи достигаютъ вершины своего могущества именно въ эпохи внутреннихъ смутъ и волненій, и, наоборотъ, оказываются всего безсильнѣе и безпомощнѣе въ эпохи кажущагося могущества, послѣ долгихъ лѣтъ могильнаго спокойствія и ничѣмъ невозмущенной общественной тишины. Да иначе и быть не можетъ: борьба, это — активная мысль, это — жизнь, и какъ активная и живая мысль, это — сила. Чтобы убѣдиться въ справедливости этой мысли, стоитъ только сравнить между собою нѣкоторыя эпохи вашей исторіи: возьмите, наприм., Францію въ началѣ царствованія Людовика XIV, только что покончившую съ Фрондой, всколыхнувшуюся, привыкшую къ войнѣ, благодаря Фрондѣ, и Францію въ концѣ того же царствованія, могущественную съ виду, монархію твердо установившуюся, объединенную и умиротворенную великимъ королемъ: первая блистала побѣдами, вторая, идя отъ пораженія къ пораженію, клонилась къ явному упадку. Сравните также Францію 1792 года съ Франціей настоящаго времени. Если когда-нибудь Франція была раздираема гражданской войной, то это въ 1792 и 1793 годахъ: движеніе.

борьба. борьба на жизнь и на смерть кипѣла на всей поверхности республики. и однако Франція побѣдоносно отразила вторженіе почти цѣлой Европы. вступившей въ коалицію противъ нея Въ 1870 году Франція, объединенная и умиротворенная имперіей. побита нѣмецкими войсками и является до такой степени деморализованною. что приходятся дрожать за ея существованіе» .

XVIII.

ЭКСПРОПРІАЦІЯ ШАЙКИ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Здѣсь представляется вопросъ: революція 1792 и 1793 года могла дать крестьянамъ. не даромъ, но по очень низкой цѣнѣ, національныя имѣнія. т.-е. церковныя земли и земли эмигрировавшаго дворянства, конфискованныя государствомъ. Теперь же, возразятъ мнѣ. крестьянамъ больше нечего дать Найдется, если поискать!

Прежде всего церковь и монашескіе ордена обоего пола успѣли за это время опять кое - что прикопить, въ особенности благодаря преступному потворству второй имперіи. Правда, большая часть ихъ богатствъ была благоразумно мобилизована, въ предвидѣніи возможныхъ революцій. Церковь, которая наряду со своими небесными заботами никогда не пренебрегала земными интересами. всегда славилась хитроумностію своихъ экономическихъ спекуляцій. Она, постаралась помѣстить большую часть своихъ земныхъ благъ во всякаго рода коммерческія. промышленныя и банковскія предпріятія. какъ общественныя. такъ и частныя. и въ ренты всѣхъ странъ. такъ что понадобилось бы ни болѣе ни менѣе какъ повсемѣстное банкротство. которое было бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всеобщей соціальной революціи, чтобы лишить ее этого богатства. составляющаго въ настоящее время главное орудіе ея могущества. увы! еще очень грознаго. Но она кромѣ того обладаетъ въ настоящее время огромными имѣніями, въ особенности на югѣ Франціи, а также значительной движимой собственностью, заключающейся въ украшеніяхъ и принадлежностяхъ культа, настоящими сокровищами изъ серебра. золота и драгоцѣнныхъ камней. - Такъ вотъ все это можетъ быть конфисковано, но не въ пользу государства, а въ пользу коммунъ.

Затѣмъ имѣются еще въ запасѣ тысячи помѣстій бонапартистовъ всѣхъ ранговъ, которые въ продолженіе двадцати лѣтъ императорскаго режима всѣми силами его поддерживали и которымъ имперія явно покровительствовала. Конфисковать эти имѣнія нація не только имѣетъ право, а прямо-таки обязана. Потому что бонапартистская клика не есть обыкновенная историческая партія, органически и непроизвольно возникшая изъ послѣдовательнаго, религіознаго, политическаго и экономическаго развитія страны и основанная на какомъ-нибудь національномъ принципѣ, истинномъ или ложномъ. Это просто шайка разбойниковъ, убійцъ и воровъ, которая, опираясь съ одной стороны на реакціонную подлость буржуазіи, дрожащей передъ краснымъ призракомъ возмездія за кровь парижскихъ рабочихъ, пролитую ея руками, а съ другой—на благословеніе священниковъ и на преступное честолюбіе высшихъ офицеровъ, почью завладѣла Франціей: «Дюжина свѣтскихъ Robert-Macaire'овъ, разоренныхъ и потерявшихъ доброе имя, объединенныхъ порокомъ и нуждой, не остановились передъ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ покушеній, извѣстныхъ въ исторіи Вотъ въ немногихъ словахъ вся правда о декабрьскомъ государственномъ переворотѣ.— Разбойники восторжествовали. Они нераздѣльно царствуютъ вотъ уже восемнадцать лѣтъ надъ прекраснѣйшей страной Европы, страной, на которую Европа по справедливости смотритъ какъ на центръ цивилизованнаго міра. Они создали официальную Францію по своему образу и подобію Но наружности они сохранили почти нетронутыми учрежденія и вещи, но вынули изъ нихъ самую сущность, низведя ихъ до уровня своихъ собственныхъ понятій и нравовъ. Всѣ старыя слова остались. Говорятъ, какъ всегда, о свободѣ, справедливости, достоинствѣ, правѣ, цивилизаціи и гуманности; но смыслъ этихъ словъ совершенно измѣнился въ ихъ устахъ, такъ что каждое слово означаетъ въ дѣйствительности нѣчто противоположное тому, что по своему грамматическому смыслу оно должно бы выражать: это похоже на то, какъ если бы какая-нибудь шайка бандитовъ, по какой-то злой иронiи, употребляла самыя благородныя выраженія для обсужденія самыхъ гнусныхъ намѣреній и дѣйствій. Не такова ли еще и въ настоящее время характеръ императорской Франціи? — Есть ли, напримѣръ, что-нибудь презрѣннѣе и отвратительнѣе, чѣмъ императорскій сенатъ, составленный,

согласно конституціи, изъ всѣхъ знаменитостей страны? Не есть ли это, какъ всѣмъ извѣстно, домъ инвалидовъ для всѣхъ сообщниковъ преступленія, для всѣхъ пресыщенныхъ декабристовъ? Гдѣ можно отыскать что-нибудь болѣе безчестное, чѣмъ правосудіе имперіи, чѣмъ всѣ эти суды и магистраты, которые не знаютъ другого долга, какъ поддерживать во всѣхъ случаяхъ и во что бы то ни стало несправедливость креатуръ имперіи *)?»

Вотъ что писалъ одинъ изъ моихъ ближайшихъ друзей въ мартѣ мѣсяцѣ, когда имперія была еще въ полномъ расцвѣтѣ. То, что онъ говоритъ о сенаторахъ и судьяхъ, одинаково относится ко всему официальному и офиціозному міру, къ военнымъ и гражданскимъ чинамъ всѣхъ общинъ и департаментовъ, ко всѣмъ простодушнымъ избирателямъ, равно какъ и ко всѣмъ депутатамъ-бонапартистамъ Разбойничья шайка, вначалѣ немногочисленная, съ каждымъ годомъ все увеличивалась, привлекая въ свою среду возможностью легкой наживы всѣ негодные и развращенные элементы, и затѣмъ, сплотивши ихъ въ силу ихъ солидарности въ подлости и преступленіи кончила тѣмъ, что покрыла собою всю Францію, опутавъ ее своими звеньями, какъ огромная пресмыкающаяся гадина.

Вотъ что называется партіей бонапартистовъ. Если когда-либо существовала преступная и фатальная для Франціи партія, то это именно были бонапартисты Они не только лишили ее свободы, испортили ея характеръ, развратили ея совѣсть, принизили ея умъ, опозорили ея имя; они безумнымъ грабежомъ, практикуемымъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ сряду, уничтожили ея благосостояніе и ея силы и потомъ, разоренную и безоружную, отдали на произволъ прусаковъ А теперь, когда ихъ должны бы терзать упреки совѣсти, когда они должны бы умирать отъ стыда подъ тяжестью сознанія своей подлости и всеобщаго презрѣнія, они, послѣ нѣсколькихъ дней наружнаго бездѣйствія и затишья, снова поднимаютъ голову, осмѣливаются сызнова возвышать свой голосъ и открыто вступаютъ въ заговоръ противъ Франціи, принимая сторону подлаго Бонапарта, съ *этого времени союзника и protegé* прусаковъ.

*) «Берлинскіе медвѣди и петербургскій медвѣдь» Патріотическая жалоба униженнаго и отчаявшагося швейцарца.—Невшатель, 1870.

Это непродолжительное затишье и бездѣйствіе были вызваны не раскаяніемъ, но исключительно страхомъ, испытаннымъ ими при первомъ взрывѣ народнаго негодованія. Въ первыхъ числахъ сентября бонапартисты вѣрили въ революцію и сознавая хорошо, что нѣтъ такого наказанія, котораго бы они не заслужили, они бѣжали и попрятались, какъ подлые трусы, содрогаясь передъ справедливымъ народнымъ гнѣвомъ. Они знали, что революція фразъ не любитъ и, разъ пробудясь отъ сна и начавъ дѣйствовать, народъ шутить не будетъ. Бонапартисты сочли себя политически уничтоженными и въ первые дни провозглашенія республики только и думали, какъ бы повѣрнѣе скрыть свои награбленныя богатства и свои драгоцѣнныя особы.

Они были пріятно удивлены, увидѣвъ, что они могутъ безъ всякаго затрудненія и безъ малѣйшей опасности открыто демонстрировать и то и другое. Какъ въ февралѣ и мартѣ 1848 года, буржуазные доктринеры и адвокаты, стоящіе нынѣ во главѣ новаго временнаго республиканскаго правительства вмѣсто того, чтобы принять спасительныя мѣры, стали довольствоваться фразами. Незнакомые съ революціонной практикой и истиннымъ положеніемъ Франціи, испытывая лишь ужасъ передъ революціей, подобно своимъ предшественникамъ, гг. Гамбетта и К° захотѣли удивить міръ рыцарскимъ великодушіемъ, не только несвоевременнымъ, но и преступнымъ, заключающимъ въ себѣ истинное предательство Франціи такъ какъ они выказали довѣріе и дали оружіе въ руки ея самому опасному врагу—шайкѣ бонапартистовъ.

Воодушевившись этимъ тщеславнымъ желаніемъ, этой фразой, правительство Національной обороны приняло всѣ необходимыя мѣры, на этотъ разъ даже весьма энергичныя, къ тому, чтобъ бонапартистскіе разбойники, грабители и воры, могли спокойно покинуть Парижъ и Францію, захвативъ съ собою ихъ движимое имущество и поручивъ свои дома и земли, которыхъ нельзя было увезти съ собой, его особымъ спеціальнымъ попеченіямъ. Свою поразительную заботливость объ этой разбойничьей шайкѣ они простерли до того, что рисковали потерять свою популярность, оказывая ей покровительство вопреки самому законному негодованію и недовѣрію народа. Именно, во многихъ провинціальныхъ городахъ народъ, ничего не понимающій въ этомъ смѣшномъ проявленіи такъ дурно понимаемаго великодушія, разъ поднявшись, что-

бы дѣйствовать, и идя прямо къ цѣли, арестовалъ нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ имперіи, особенно отличившихся низостью и жестокостью ихъ офиціальныхъ и частныхъ проступковъ. Какъ только правительство Національной обороны и главнымъ образомъ Гамбетта, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, узналъ объ этомъ, онъ, пользуясь той властью диктатора, которую онъ считалъ возложенною на него народомъ, и которую, по странному противорѣчію, онъ считалъ нужнымъ употреблять только противъ народа, а не противъ его враговъ, онъ поспѣшилъ отдать рѣшительный и высокомѣрный приказъ немедленно освободить всѣхъ этихъ мерзавцевъ.

Безъ сомнѣнія, вы помните, мой дорогой другъ, сцены, происходившія во второй половинѣ сентября въ Ліонѣ вслѣдъ за освобожденіемъ бывшаго префекта, генеральнаго прокурора и имперскихъ жандармовъ. Эта мѣра, исходившая непосредственно отъ г. Гамбетты и съ усердіемъ и удовольствіемъ приведенная въ исполненіе Г. Андріе, прокуроромъ республики и членомъ муниципальнаго Совѣта, тѣмъ болѣе возмутила ліонскій народъ, что одновременно съ этимъ въ крѣпости этого города сидѣли закованные въ кандалы солдаты, единственное преступленіе которыхъ состояло въ открытомъ выраженіи ихъ симпатіи къ республикѣ, и освобожденія которыхъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней народъ тщетно добивался.

Я еще возвращусь къ этому инциденту, въ которомъ впервые ясно обнаружилась неизбѣжность разрыва между ліонскимъ народомъ и республиканскими властями, какъ городскими выборными, такъ и поставленными центральнымъ правительствомъ Національной обороны. Теперь же ограничусь тѣмъ, что отмѣчу вамъ болѣе чѣмъ странное противорѣчіе, существующее между крайней, исключительной, скажу больше, непростительной терпимостью этого правительства по отношенію къ людямъ, разорившимъ, опозорившимъ и предавшимъ страну и продолжающимъ еще и теперь ее предавать,—съ одной стороны, и драконовской строгостью, проявляемой имъ противъ республиканцевъ, болѣе республиканскихъ и несравненно болѣе революціонныхъ, нежели они сами,—съ другой. Можно подумать, что диктаторская власть дана ему не революціей, а реакціей, съ единственной цѣлью свирѣпствовать противъ революціи, и что оно носитъ имя республиканскаго правительства лишь для того, чтобъ продолжать маскарадъ Имперіи

Можно подумать, что оно освободило и выпустило изъ тюремъ самыхъ усердныхъ и самыхъ скомпрометтированныхъ слугъ Наполеона III лишь затѣмъ, чтобы очистить мѣста для республиканцевъ. Вы сами были свидѣтелемъ, а отчасти и жертвой жестокости и усердія этихъ опричниковъ, которые, не довольствуясь преслѣдованіями, изгнаніями, арестами и тюрьмой, этими оффиціальными и легальными ресурсами деспотизма, еще прибѣгли къ самой гнусной клеветѣ. Они осмѣлились утверждать, что люди, отважившіеся среди оффиціальной лжи, царящей въ Имперіи и продолжающей разрушать послѣднія надежды Франціи, говорить правду, всю правду народу, были подкупленными агентами пруссаковъ.

Они освобождаютъ бонапартистовъ, доморощенныхъ пруссаковъ, явныхъ, доказанныхъ, потому что кто же теперь можетъ сомнѣваться въ явномъ союзѣ Бисмарка съ приверженцами Наполеона III? Они сами устраиваютъ чужеземное нашествіе, во имя несуществующей фикціи законности и ради поддержанія правительственнаго авторитета, существующаго только на словахъ и на бумагѣ, они повсюду парализуютъ народное движеніе, самопроизвольное возстаніе, вооруженіе и организацію общинъ, которые при настоящихъ ужасныхъ обстоятельствахъ только одни могли бы спасти Францію: и такимъ образомъ призванные защитники націи сами предаютъ ее въ руки пруссаковъ. О, какъ правъ былъ Прудонъ, говоря: (позвольте мнѣ привести здѣсь весь этотъ отрывокъ: мысли, высказанныя въ немъ настолько вѣрны и выражены такъ ярко, что жаль пропустить изъ него хотя одно слово):

«Увы! всегда предателями могутъ быть только свои люди. Въ 1848 г., какъ и въ 1793 году, революцію тормозили тѣ, кто были ея представителями. Нашъ республиканизмъ, какъ и старое якобинство, есть не что иное, какъ буржуазная тиранія безъ принципа и плана, которая и хочетъ и не хочетъ: которая всегда ворчитъ, подозрѣваетъ и тѣмъ не менѣе все-таки остается въ дуракахъ: тиранія, которая видитъ повсюду, кромѣ своей партіи только крамольниковъ и анархистовъ: и роясь въ полицейскихъ архивахъ, умѣетъ въ нихъ находить лишь настоящія или мнимыя погрѣшности патріотовъ, которая, запрещая культъ de Châtel, заставляетъ парижскаго архіепископа служить обѣдни: тиранія, боящаяся называть вещи своими

именами изъ страха скомпрометировать себя; воздерживающаяся отъ всего, ничего не рѣшающая, не довѣряющая яснымъ доводамъ и точнымъ положеніямъ Въ каждомъ буржуазномъ политикѣ проглядываетъ все тотъ же Робеспьеръ, краснобай безъ иниціативы, находящій, что Дантонъ слишкомъ твердъ, порицающій великодушную отвагу, къ которой чувствуетъ себя неспособнымъ, уклоняющійся отъ событій 10 августа (какъ Гамбетта и К° до 4 сентября), не одобряющій, но и не осуждающій сентябрьскую рѣзню (какъ наши республиканцы—республику, провозглашенную парижскимъ народомъ) подающій голосъ за конституцію 93 года и въ то же время за ея отсрочку до полнаго возстановленія мира, омрачающій праздникъ Разума и устраивающій праздникъ Высшаго Существа; преслѣдующій Каррье и поддерживающій Фукье Тинвилля, утромъ обнимающій въ знакъ примиренія Камилла Демулена, а ночью приказывающій арестовать его: предлагающій отмѣну смертной казни и составляющій законъ 22 Преріаля; превозносящій поочередно Сіейса, Мирабо, Барнава, Петіона, Дантона, Марата, Гебера и приговаривающій одного за другимъ къ смертной казни; Гебера, Дантона, Петіона, Барнава, перваго—какъ анархиста, втораго—какъ слишкомъ снисходительнаго, третьяго—какъ федералиста, четвертаго—какъ конституціоналиста; почитающій только правящую буржуазію и строптивое духовенство; дискредитирующій революцію то путемъ установленія церковной присяги, то посредствомъ бумажныхъ денегъ; щадящій лишь тѣхъ, которые находятъ свое прибѣжище въ молчаніи или самоубійствѣ и умирающій наконецъ въ тотъ день, когда, оставшись одинъ съ людьми золотой середины, онъ только что въ сообществѣ съ ними, собрался извлечь изъ революціи свою выгоду» *).

XIX.

МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННИКАМИ, МОНАРХИСТАМИ И РЕСПУБЛИКАНЦАМИ БОЛЬШЕ СХОДСТВА, ЧѢМЪ РАЗЛИЧІЯ.

Главной особенностью всѣхъ буржуазныхъ республиканцевъ, вѣрныхъ учениковъ Робеспьера, является ихъ неизмѣн-

*) Прудонъ. Idée générale de la Révolution.

ное пристрастіе къ авторитету государства и ненависть къ революціи. Эта ненависть и это пристрастіе у нихъ общее съ монархистами всѣхъ оттѣнковъ, включая сюда и бонапартистовъ; и вотъ именно это-то сходство чувствъ, эта инстинктивная и скрытая солидарность заставляетъ ихъ быть такими снисходительными и такими великодушными къ наиболѣе преступнымъ сообщникамъ Наполеона III. Они отлично знаютъ, что многіе изъ чиновниковъ Имперіи заслужили гильотину, а всѣ вмѣстѣ причинили Франціи огромное, почти непоправимое зло. Но все-таки они были слугами государства, эти полицейскіе коммисары, эти патентованные и разукрашенные шпіоны, которые неустанно травили все, что было честнаго во Франціи II даже императорскіе жандармы, эти привилегированные народные убійцы, что бы объ нихъ ни говорили, развѣ они не были въ концѣ концовъ слугами государства? А между государственниками, къ какимъ бы фракціямъ они ни принадлежали, всегда больше сходства, чѣмъ различія; офиціальные же буржуазные республиканцы—государственники par excellence, и считаютъ за обиду всякое сомнѣніе въ ихъ любви къ государству. Прочтите всѣ ихъ рѣчи, въ особенности рѣчи г. Гамбетты. Вы тамъ найдете въ каждомъ словѣ это неизмѣнное пристрастіе къ Государству, это смѣшное и наивное притязаніе демонстрировать себя повсюду какъ государственнаго человѣка

Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этого пристрастія буржуа къ государству, потому что оно объясняетъ многое, что иначе было бы непонятно, какъ напр., ихъ снисходительность къ разбойникамъ Имперіи, и ихъ строгость къ революціоннымъ республиканцамъ. Будь онъ монархистъ, или республиканецъ, государственникъ не можетъ иначе, какъ съ ужасомъ смотрѣть на революцію и революціонеровъ; потому что революція это— ниспроверженіе государства, а истинные революціонеры роковымъ образомъ являются разрушителями буржуазнаго порядка и врагами общественной тишины и спокойствія.

Вы думаете, я преувеличиваю? Нисколько. Я докажу это вамъ фактами?

Тѣ самые республиканцы, которые въ февралѣ и мартѣ 1848 г. апплодировали великодушію временнаго правительства, способствовавшаго бѣгству Луи-Филиппа и его министровъ, и которые, отмѣнивъ смертную казнь за политическое прести-

ленiе, приняли великодушное рѣшенiе не преслѣдовать ни одного общественнаго дѣятеля за преступки, совершенные въ предыдущее правленiе: эти самые буржуазные республиканцы отъ нихъ же первый Жюль Фавръ, самый фанатичный представитель буржуазной реакцiи 1848 г., локализировавшейся сначала въ Учредительномъ, а затѣмъ въ Законодательномъ собранiи, (онъ же министръ иностранныхъ дѣлъ въ нынѣшнемъ правительствѣ Національной обороны) — что провозгласили они въ своихъ декретахъ и что сдѣлали въ iюнѣ того же года? Проявили ли они кротость по отношенiю къ рабочимъ массамъ, голодомъ доведеннымъ до мятежа?

Г. Луи-Бланъ, тоже государственникъ, хотя въ то же время и соцiалистъ, отвѣтитъ вамъ на это: *).

«15000 гражданъ были арестованы послѣ iюньскихъ событiй, и 4348 приговорены къ ссылкѣ безъ суда, ради общественной безопасности. Въ продолженiе двухъ лѣтъ они тщетно требовали суда, и только черезъ два года имъ было даровано помилованiе и ихъ освобожденiе было такъ же произвольно, какъ и ихъ арестъ Можно ли было думать, что въ XIX вѣкѣ найдется человѣкъ, который осмѣлится произнести передъ Законодательнымъ собранiемъ слѣдующiя слова. «Предать суду сосланныхъ на Белль-Иль не было никакой возможности; противъ большинства изъ нихъ не было никакихъ уликъ» И вотъ такъ какъ, по утвержденiю этого человѣка, (Барона — сторонника Бонапарта и ближайшаго сотрудника Жюля Фавра въ 1848 г болѣе чѣмъ кто-либо изъ республиканцевъ принимавшаго участiе въ iюньскихъ преступленiяхъ противъ рабочихъ) —за недостаткомъ фактическихъ уликъ нельзя было съ увѣренностью разсчитывать на обвинительный вердиктъ, то призванные народомъ стражи законности и справедливости рѣшили запросто, безъ всякаго суда и слѣдствiя, сослать на каторгу 468 человѣкъ. Въ число ихъ попалъ Лагардъ, депутатъ Люксембургскихъ рабочихъ: онъ написалъ своимъ товарищамъ хватающее за сердце письмо Вотъ оно: «Братья, тотъ, кто въ февральскiе дни былъ избранъ вами, чтобы идти во главѣ; кто девятнадцать мѣсяцевъ въ молчанiи переносилъ вдали отъ своей семьи страданiя самаго суроваго заключенiя, приговоренъ теперь безъ суда

*) «Исторiя революцiи 1848 г.» Луи-Блана. Томъ седьмой.

къ десяти годамъ каторжныхъ работъ, на основаніи обратно дѣйствующаго закона, написаннаго, вотированнаго и обнародованнаго подъ вліяніемъ ненависти и страха (буржуазными республиканцами); но мнѣ не хотѣлось покинуть родины, не узнавъ мотивовъ, на основаніи которыхъ былъ подписанъ министромъ самый ужасный приговоръ.

«Для этого я обратился къ завѣдующему понтономъ La Guerrière», который далъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія, буквально списанныя съ бумагъ, приложенныхъ къ моему дѣлу

«Лагардъ, делегатъ Люксембурга, человѣкъ несомнѣнной честности, человѣкъ очень мирный, образованный, всѣми любимый и вслѣдствіе этого очень опасный для пропаганды».

«Оцѣнкѣ моихъ согражданъ я предоставляю только этотъ фактъ, убѣжденный, что ихъ совѣсть сумѣетъ хорошо разсудить, кто заслуживаетъ больше ихъ сочувствія, палачи или жертва

«Что касается васъ, братья, то позвольте мнѣ сказать, я уѣзжаю, но я не побѣжденъ, знайте это! я уѣзжаю, но не говорю вамъ: прощайте!

«Нѣтъ, братья, я не говорю вамъ—прощайте! Я вѣрю въ здравый смыслъ народа; я вѣрю въ святость дѣла, которому я посвятилъ всѣ мои умственныя способности; я вѣрю въ республику, незыблемую, какъ міръ! Вотъ почему я говорю вамъ: до свиданья! Да здравствуетъ республика!

На рейдѣ Бреста. Понтонъ «la Guerrière»

Лагардъ.

Бывшій предсѣдатель депутатовъ «Люксембурга».

XX.

СОЛИДАРНОСТЬ ІЮНЬСКИХЪ И ДЕКАБРЬСКИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ! Они даютъ намъ достаточное основаніе утверждать, что іюньская буржуазная реакція, жестокая, кровавая, ужасная, циничная, постыдная, была истинной матерью декабрьскаго переворота. Принципъ былъ одинъ и тотъ же, императорская жестокость

была лишь подражаніемъ буржуазной жестокости, превосходя ее лишь числомъ жертвъ, убитыхъ и сосланныхъ. Относительно убитыхъ съ увѣренностью этого еще нельзя сказать, потому что іюньская рѣзня, короткая расправа національной буржуазной гвардіи съ рабочими, безъ всякаго предварительнаго суда, и даже не въ самый день побѣды, но на другой день послѣ нея, были ужасны. Что же касается числа сосланныхъ, то разница значительна. Буржуазные республиканцы арестовали 15000 и сослали 4348 рабочихъ. Сентябрьскіе разбойники, въ свою очередь, арестовали около 26000 гражданъ и сослали почти половину, около 13000. Очевидно, съ 1848 года до 1852 г. произошелъ прогрессъ, но только въ количествѣ, а не въ качествѣ. Что касается качества, т-. е. принципа, нужно признать, что разбойникамъ Наполеона III можно гораздо больше простить, чѣмъ буржуазнымъ республиканцамъ 1848 года. Они были разбойники, наемные убійцы деспота; убивая искреннихъ республиканцевъ, они, какъ ремесленники, только исполняли взятый заказъ, и даже можно сказать, что, отправляя половину своихъ плѣнниковъ въ ссылку, а не убивая ихъ всѣхъ заразъ, они проявляли въ нѣкоторомъ родѣ великодушіе; между тѣмъ какъ буржуазные республиканцы, ссылая безъ всякаго суда, ради общественной безопасности, 4348 гражданъ, попирали ногами свою совѣсть, плевали въ лицо своему собственному принципу и, подготовивъ и узаконивъ декабрьскій переворотъ, убили республику.

Да, говорю прямо, по моему искреннему убѣжденію, всѣ Морни, Барошъ, Персинье, Флери, Піетри и всѣ прочіе сообщники кровавой имперской оргіи гораздо менѣе виновны чѣмъ Жюль Фавръ, теперешній членъ Національной обороны, менѣе виновны, чѣмъ всѣ другіе буржуазные республиканцы, которые вотировали вмѣстѣ съ нимъ въ Учредительномъ и Законодательномъ собраніяхъ съ 1848 года до декабря 1851 года. Не чувство ли этой виновности и этой преступной солидарности съ бонапартистами дѣлаетъ ихъ теперь такими снисходительными и такими великодушными относительно этихъ послѣднихъ?

Есть еще другой фактъ, который слѣдуетъ отмѣтить и надъ которымъ слѣдуетъ подумать. Исключая Прудона и Луи Блана, почти всѣ историки революціи 1848 года и декабрьскаго переворота, за одно съ знаменитѣйшими писателями буржуазно-радикальнаго направленія, какъ Викторъ Гюго, Кине

и проч. много говорили о декабрьскомъ преступленіи и декабрьскихъ преступникахъ, но никогда не отваживались останавливаться на іюньскомъ преступленіи и іюньскихъ преступникахъ. И однако совершенно очевидно, что декабрь былъ ничѣмъ инымъ, какъ роковымъ слѣдствіемъ іюня и его повтореніемъ en grand!

Почему же молчатъ они объ этомъ? Не потому ли, что іюньскіе преступники были буржуазные республиканцы, съ которыми упомянутые писатели чувствовали себя нравственно солидарными, соучастниками въ принципѣ, а слѣдовательно такъ или иначе косвенными соучастниками въ ихъ дѣлѣ. Такое объясненіе допустимо. Но есть еще и другое, болѣе исчерпывающее: іюньское преступленіе коснулось только рабочихъ, революціонныхъ соціалистовъ, слѣдовательно людей чуждыхъ буржуазному классу и прирожденныхъ враговъ его принциповъ, на служеніе которымъ отдали свой талантъ всѣ эти почтенные писатели; между тѣмъ какъ декабрьское преступленіе затронуло и изгнало тысячи буржуазныхъ республиканцевъ, ихъ братьевъ по соціальному положенію, ихъ политическихъ единомышленниковъ. Къ тому же многіе изъ нихъ сами попали въ число жертвъ. Отсюда ихъ крайнее пристрастіе къ декабрю и ихъ равнодушіе къ іюню.

XXI.

СВОЙ СВОЕМУ ПОНЕВОЛѢ БРАТЪ.

Общее правило: буржуа, какимъ бы краснымъ онъ ни былъ, будетъ гораздо сильнѣе огорченъ и пораженъ неудачей, жертвой которой окажется другой буржуа, хотя бы этотъ послѣдній былъ самый отчаянный монархистъ, чѣмъ несчастіемъ рабочаго, человѣка изъ народа. Подобное лицепріятіе является величайшей несправедливостью, но эта несправедливость непредумышленна, она—инстинктивна. Происходитъ она оттого, что условія жизни и привычки имѣютъ надъ людьми несравненно большую власть, чѣмъ идеи и политическія убѣжденія. Эти условія и эти привычки извѣстнымъ образомъ жить, мыслить и дѣйствовать, всѣ эти соціальныя отношенія, такія сложныя и въ то же время такъ систематически сливающіяся въ одно цѣлое, составляющія буржуазную жизнь, буржуазный міръ, устанавливаютъ между людьми этого класса, какъ бы различны ни были ихъ политическія мнѣнія, солидарность

безконечно болѣе реальную, болѣе глубокую и сильную, и въ особенности, болѣе искреннюю, чѣмъ та, которая могла бы установиться между буржуа и рабочимъ вслѣдствіе большей или меньшей общности убѣжденій и идей.

Жизнь преобладаетъ надъ мыслью и направляетъ волю. Вотъ истина, которую никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, когда хочешь понять что-либо въ политическихъ и соціальныхъ явленіяхъ. Если хотятъ установить между людьми искреннюю и безусловную общность мыслей и желаній, при однородности ихъ интересовъ, нужно поставить ихъ въ однѣ и тѣ же жизненныя условія. А такъ какъ самыя основы ихъ существованія создаютъ пропасть между буржуазнымъ міромъ и міромъ рабочихъ, потому что одинъ изъ нихъ міръ эксплуатирующій, а другой эксплуатируемый, то я вывожу отсюда заключеніе, что если человѣкъ, рожденный и воспитанный въ буржуазной средѣ, хочетъ искренно и безъ фразъ сдѣлаться другомъ и братомъ рабочихъ, онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ условій своего прошедшаго существованія, отъ всѣхъ буржуазныхъ привычекъ, чувствъ и симпатій, рѣшительно порвать съ буржуазнымъ міромъ, и, повернувшись къ нему спиной и объявивъ ему безпощадную, непримиримую войну, безъ возврата слиться съ міромъ рабочихъ.

Если его жажда справедливости не настолько сильна, чтобы внушить ему это рѣшеніе и это мужество, то пусть не обманывается онъ самъ и не обманываетъ рабочихъ: онъ никогда не станетъ ихъ другомъ. Его отвлеченныя мысли, его мечты о справедливости смогутъ временно, въ эпоху теоретической разработки идей, склонить его на сторону пролетаріата, пока послѣдній ничѣмъ не угрожаетъ и не выставляетъ никакихъ требованій. Но пусть только настанетъ моментъ великаго соціальнаго кризиса, когда эти два міра непримиримо враждебные другъ другу, сойдутся лицомъ къ лицу въ пылу ожесточенной битвы, какъ тотчасъ же всѣ его жизненныя привязанности, глубочайшія привычки жизни неизбѣжно отбросятъ его въ міръ эксплуатирующій. Это какъ разъ та самая метаморфоза, которая случилась со многими изъ нашихъ бывшихъ друзей, и рано или поздно случится со всѣми буржуазными республиканцами и буржуазными соціалистами

Соціальная ненависть, какъ и ненависть религіозная, гораздо интенсивнѣе, гораздо глубже, чѣмъ ненависть политическая. Вотъ объясненіе снисходительности вашихъ буржуазныхъ демократовъ по отношенію къ бонапартистамъ и ихъ исключительной строгости къ революціонерамъ-соціалистамъ. Презрѣніе къ первымъ у нихъ несравненно слабѣе, чѣмъ страхъ передъ послѣдними, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего будетъ ихъ слияніе съ бонапартистами въ общей реакціи

XXII.

МОНАРХИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Вначалѣ сильно перепуганные, бонапартисты однакоже скоро замѣтили, что въ quasi-республиканскомъ правительствѣ Національной обороны они имѣютъ могучихъ союзниковъ. Они должны были очень удивиться и очень обрадоваться, когда увидѣли, что это правительство не только бережно отнеслось лично къ нимъ и допустило ихъ на полной свободѣ пожать плоды ихъ грабежа, но оставило во всей военной, юридической и гражданской администраціи новой Республики старыхъ чиновниковъ Имперіи, удовольствовавшись только замѣной префектовъ и су-префектовъ, генеральныхъ прокуроровъ и прокуроровъ Республики, но оставивъ неприкосновенными всѣ бюро префектовъ, такъ же какъ и самыя министерства, переполненныя бонапартистами Точно также огромное большинство французскихъ коммунъ оно оставило подъ развращающимъ игомъ муниципалитетовъ, поставленныхъ правительствомъ Наполеона III, тѣхъ самыхъ муниципалитетовъ, которыми былъ сдѣланъ послѣдній плебисцитъ и которые вели въ деревняхъ, во время управленія министерствомъ Паликао и подъ іезуитскимъ руководствомъ Шевро, такую усиленную пропаганду въ пользу узурпатора.

Они, должно быть, много смѣялись надъ этой глупостью, дѣйствительно непонятной со стороны умныхъ людей, входящихъ въ составъ настоящаго временнаго правительства «Какъ наивны эти республиканцы, полагающіе, что стоитъ имъ захватить центральную власть, какъ тотчасъ-же вся бонапартистская администрація сдѣлается также республиканской». Совсѣмъ иначе дѣйствовали бонапартисты въ декабрѣ Первой

ихъ заботой было смѣнить и изгнать всю республиканскую администрацію, до самыхъ низшихъ чиновниковъ включительно, и поставить на всѣ должности, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, креатуръ бонапартистской банды. Что касается республиканцевъ и революціонеровъ, они почти всѣхъ ихъ засадили въ тюрьмы или изгнали изъ Франціи, оставивъ внутри страны только самыхъ безобидныхъ, наименѣе рѣшительныхъ, наименѣе убѣжденныхъ, самыхъ глупыхъ или же такихъ, которыхъ такъ или иначе можно было купить. Вотъ какими средствами удалось имъ овладѣть страной и затѣмъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ, давить ее, безъ всякаго съ ея стороны сопротивленія. Притомъ, какъ я уже отмѣтилъ и раньше, началомъ бонапартизма нужно считать не декабрь, а іюнь, и истиннымъ его авторомъ—не Бонапарта, а г. Жюля Фавра и его друзей, республиканцевъ Учредительнаго и Законодательнаго собраній.

Надо быть справедливымъ относительно всѣхъ, даже относительно бонапартистовъ. Это, конечно, мошенники, но мошенники очень практичные и послѣдовательные. Повторяю еще разъ, они сознательно и систематически пользовались средствами, ведущими къ намѣченной цѣли, не заботясь о нравственной цѣнности того и другого, и въ этомъ отношеніи они выказали себя безконечно выше лицемѣрныхъ республиканцевъ, которые дѣлаютъ только видъ, будто-бы они управляютъ Франціей. Даже теперь, послѣ ихъ пораженія, бонапартисты кажутся выше и ужъ несомнѣнно сильнѣе, чѣмъ всѣ эти республиканцы, которые заняли ихъ мѣста. И теперь, не республиканцы, а они управляютъ Франціей. Убѣдившись въ великодушіи правительства Національной обороны, видя, повсюду вмѣсто революціи, которая такъ ихъ ужасала, правительственную реакцію, встрѣчая во всѣхъ сферахъ республиканской администраціи своихъ старыхъ друзей, своихъ соучастниковъ, безповоротно связанныхъ съ ними солидарностью въ подлости и преступленіи, и имѣя въ своихъ рукахъ самое сильное орудіе, все огромное богатство, накопленное двадцатилѣтнимъ грабежомъ, бонапартисты рѣшительно подняли голову.

Ихъ скрытое, но могучее вліяніе, въ тысячу разъ болѣе сильное, чѣмъ власть временнаго правительства, засѣдающаго въ Турѣ, чувствуется повсюду Ихъ газеты: «La Patrie», «Le Constitutionnel», «Le Pays», «Le Peuple»—г Дювернуа, «La Liberté» г.

Эмиля Жирардена и много другихъ продолжаютъ выходить. Они поносятъ республиканское правительство и открыто разглагольствуютъ, безъ стыда и боязни, эти подкупленные измѣнники, развратители, предатели и могильщики Франціи. Къ г. Эмилю Жирардену, охрипшему было въ первые сентябрьскіе дни, вновь вернулся его голосъ, его цинизмъ и его несравнимое вѣроломство; какъ и въ 1848 году, онъ великодушно предлагаетъ республиканскому правительству каждый день по новой идеѣ. Ничто его не смущаетъ, ничто не удивляетъ; съ того момента, какъ онъ убѣдился, что и его личность и его карманъ останутся невредимы, онъ успокоился и снова чувствуетъ твердую почву подъ ногами. «Укрѣпите только республику, говоритъ онъ, и я не замедлю предложить вамъ десятки плодотворнѣйшихъ реформъ политическихъ, экономическихъ и философскихъ» Имперскія газеты открыто проповѣдуютъ реакцію въ пользу Имперіи. Іезуитскіе органы вновь начали говорить о благодѣяніяхъ религіи.

Бонапартистская интрига не ограничивается этой пропагандой посредствомъ прессы. Она стала всемогущей и въ деревнѣ такъ же, какъ въ городахъ. Въ деревнѣ, пользуясь поддержкой многихъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ — бонапартистовъ, поддержкой гг. кюре и услугами коммунальныхъ и муниципальныхъ чиновниковъ Имперіи, такъ бережно сохраненныхъ и покровительствуемыхъ республиканскимъ правительствомъ, она проповѣдуетъ страстнѣе чѣмъ когда-либо ненависть къ республикѣ и любовь къ имперіи. Она отвращаетъ крестьянъ отъ всякаго участія въ Національной оборонѣ и совѣтуетъ имъ, наоборотъ, хорошо принять пруссаковъ, этихъ новыхъ союзниковъ Императора. Въ городахъ, опираясь на бюро префектуръ и супрефектуръ, если не на самихъ префектовъ и супрефектовъ, на судей Имперіи, если не на прокуроровъ республики; на генераловъ и почти на всѣхъ высшихъ офицеровъ арміи, если не на солдатъ, которые хотя и патріоты, но связаны старой дисциплиной; опираясь также на огромное большинство крупныхъ и мелкихъ коммерсантовъ, промышленниковъ, землевладѣльцевъ и лавочниковъ; находя себѣ опору даже въ средѣ буржуазныхъ республиканцевъ, умѣренныхъ, боязливыхъ и анти-революціонныхъ, которыхъ боязнь народа безсознательно и вопреки желанію заставляетъ служить бонапартизму; встрѣчая себѣ поддержку во всѣхъ этихъ элементахъ безсознательной и сознательной

реакціи, бонапартисты парализуютъ всякое народное движеніе и всякую попытку свободной организаціи народныхъ силъ и предаютъ пруссакамъ города и деревни, крѣпости и армію, а чрезъ пруссаковъ главѣ своей банды, Императору.. Они убиваютъ Францію.

XXIII.

ЛИШЬ ПОКОНЧИВЪ СО СТАРЫМЪ, МОЖНО СОЗИДАТЬ НОВОЕ.

Какъ можетъ сносить это правительство Національной обороны и имѣетъ-ли оно право оставлять страну во власти Бонапарта? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Его первымъ и самымъ священнымъ долгомъ, съ точки зрѣнія спасенія Франціи, было съ корнемъ вырвать заговоръ бонапартистовъ. Но какимъ образомъ вырвать его съ корнемъ? Для этого было только одно средство: это прежде всего арестовать и посадить въ тюрьму всѣхъ ихъ, въ Парижѣ и въ провинціяхъ, начиная съ императрицы Евгеніи и ея двора, всѣхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ, депутатовъ-бонапартистовъ, генераловъ, полковниковъ, капитановъ, архіепископовъ и епископовъ, префектовъ, супрефектовъ, мэровъ, мировыхъ судей, весь административный и судебный корпусъ, не забывъ и полицію, всѣхъ собственниковъ, явно преданныхъ имперіи,— однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто извѣстенъ подъ собирательнымъ именемъ бонапартистской банды.

Была-ли физическая возможность арестовать всѣхъ?

Ничего не могло быть легче. Правительству Національной обороны и его представителямъ въ провинціи стоило только сдѣлать знакъ, рекомендуя при этомъ населенію не обижать никого, и можно было быть увѣреннымъ, что въ продолженіе немногихъ дней, безъ насилія и безъ всякаго кровопролитія, огромное большинство бонапартистовъ, особенно людей богатыхъ, вліятельныхъ, извѣстныхъ фамилій были бы арестованы по всей Франціи и заключены въ тюрьмы. Развѣ населеніе департаментовъ не арестовало многихъ, по своей собственной иниціативѣ, въ первой половинѣ сентября, и, замѣтьте это хорошенько! арестовывало, не причиняя никому зла, самымъ деликатнымъ и гуманнымъ образомъ?

Жестокость и звѣрство не въ нравахъ французскаго народа, особенно не въ нравахъ городского пролетаріата Фран-

ціи. Если жестокость и свойственна нѣкоторымъ слоямъ французскаго народа, такъ это отчасти крестьянамъ, но въ особенности сословію лавочниковъ, пастолько же тупому, насколько и многочисленному О эти дѣйствительно свирѣпы! Они доказали это въ іюнѣ 1848 года*) и многіе факты указываютъ, что они не измѣнились по натурѣ и до сего дня. Жестокимъ дѣлаетъ лавочника его трусость, рядомъ съ его безнадежной тупостью, его подлостью, и съ его неспасытнымъ скряжничествомъ. Онъ безпощадно мститъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ натерпится страха за свой кошелекъ, составляющій, наряду съ его непомѣрнымъ тщеславіемъ, самое уязвимое мѣсто его мѣщанскаго существа. Но онъ мститъ только тогда, когда можетъ это дѣлать безъ малѣйшаго для себя риска. О, тогда ужъ онъ не знаетъ жалости!

*) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Луи-Бланъ описываетъ другой день послѣ побѣды, одержанной въ іюнѣ буржуазной національной гвардіей надъ парижскими рабочими:

„Трудно представить себѣ положеніе и внѣшній видъ Парижа въ часы, непосредственно предшествовавшіе этой кровавой драмѣ и затѣмъ во время теченія самой драмы. Какъ только было объявлено осадное положеніе, тотчасъ же полицейскіе коммиссары отправились по всѣмъ направленіямъ, приказывая прохожимъ расходиться по домамъ. И горе тому, кто не дожидаясь новаго постановленія, показывался на порогѣ своего дома! Если декретъ захватилъ васъ одѣтымъ какъ буржуа, далеко отъ вашего жилища, васъ препровождали обратно подъ конвоемъ и предписывали не выходить больше Арестовывали женщинъ, подозрѣвая, что онѣ переносятъ вѣсти въ своихъ волосахъ, и искали патроновъ за подкладкой фіакровъ Все давало поводъ къ подозрѣнію. Въ гробахъ могъ быть порохъ: и трупы на пути къ вѣчному успокоенію подвергались обыску. Питье, приготовленное для солдатъ (разумѣется, Національной гвардіи) могло быть отравлено: изъ предосторожности арестовывали бѣдныхъ продавцовъ лимонада и пятнадцатилѣтнихъ маркитантокъ. Боже сохрани гражданину показаться у окна или оставить открытыми ставни,—онъ рисковалъ получить пулю въ голову. Колеблющійся свѣтъ лампы за стекломъ, отраженіе луннаго свѣта на черепицѣ крыши,—этого было достаточно, чтобы къ вамъ ворвалась съ обыскомъ цѣлая шайка полицейскихъ. Оплакивать заблужденіе мятежниковъ; плакать надъ тѣлами побѣжденныхъ, быть можетъ, близкихъ людей, ничто не могло пройти безнаказанно. Одну молодую дѣвушку разстрѣляли за то, что она щипала корпію въ лазаретѣ мятежниковъ.

„Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Парижъ имѣлъ видъ города, взятаго приступомъ. Множество домовъ, обращенныхъ въ развалины или изрѣшетенныхъ ядрами пушекъ, ясно свидѣтельствовали о силѣ сопротивленія доведеннаго до отчаянія народа. Улицы пересѣкались рядами буржуа въ мундирахъ; безчисленные патрули грабили мостовую...

„Нужно ли говорить о репрессіяхъ?

„Рабочіе! и всѣ вы, поднявшіе оружіе противъ республики, въ послѣдній разъ, во имя всего того, что дорого и свято для людей, сложите ваше оружіе! Національное собраніе, вся нація проситъ васъ. Вамъ говорятъ, что васъ ожидаютъ жестокія кары, такъ говорятъ ваши и наши враги! Вамъ говорятъ, что вы хладнокровно будете принесены въ жертву! Но это—ложь! Идите къ намъ, идите, какъ

Кто знаетъ французскихъ рабочихъ, тому извѣстно, что, если гдѣ и сохранились истинно-гуманныя чувства, сильно понижепныя и значительно искаженныя въ наши дни офиціальнымъ лицемѣріемъ и буржуазной притворной чувствительностью, то это именно среди нихъ; это единственный классъ современнаго общества, о которомъ можно сказать, что онъ дѣйствительно великодушенъ, даже слишкомъ великодушенъ и слишкомъ незлопамятенъ. Оставляя безъ возмездія ужасныя преступленія и гнусныя измѣны, жертвой которыхъ ему такъ часто приходилось быть, онъ вновь и вновь побуждаетъ къ нимъ своихъ враговъ. Да, рабочій классъ неспособенъ къ жестокости! Но въ то же время у него есть вѣрный инстинктъ, направляющій его прямо къ цѣли, есть здравый смыслъ, подсказывающій ему, что, если онъ хочетъ положить конецъ эксплуатаціи и насилію, то нужно прежде всего арестовать эксплуататоровъ и насильниковъ и парализовать ихъ дѣятельность. Францію, очевидно, предали: слѣдовало не допустить измѣнниковъ довести свое предательство до конца. Вотъ почему почти во всѣхъ городахъ Франціи первымъ движеніемъ рабочихъ было арестовать и заключить въ тюрьму бонапартистовъ.

раскаявшіеся братья, подчинившіеся закону, и объятія республики готовы принять васъ"!

„Вотъ прокламація, съ которой обратился 26 іюня генералъ Кавеньякъ къ мятежникамъ. Въ прокламаціи того-же дня, обращенной къ національной гвардіи и арміи, онъ говорилъ: „Въ Парижѣ есть побѣдители и побѣжденные. Но пусть имя мое будетъ проклято, если по моей волѣ мостовыя Парижа покроются трупами"!

„Навѣрное никогда въ подобный моментъ не произносились болѣе прекрасныя слова! Но каковы были дѣла, о правосудный Боже!..

„...Во многихъ мѣстахъ репрессаліи принимали дикій характеръ. Такъ, въ Тюльери плѣнниковъ, брошенныхъ въ подземелья, любители разстрѣливали, просовывая ружья въ окна; такъ же наскоро были разстрѣляны плѣнники на кладбищѣ Монпарнассъ, на высотахъ Монмартра, во дворѣ отеля Клюни, въ монастырѣ С. Бенуа и во многихъ другихъ мѣстахъ...

Еще одна подробность докончитъ картину. 3-го іюня, нѣсколько сотъ плѣнниковъ вывели изъ подваловъ Военной школы, чтобы отвести въ полицейскую префектуру, а оттуда разослать по крѣпостямъ. Ихъ скрутили веревками по четверо по рукамъ и ногамъ. Потомъ, чтобы побудить этихъ несчастныхъ идти веселѣе, передъ ними понесли полныя миски супа. Будучи связаны по рукамъ и ногамъ, они были принуждены ложиться на животъ и ползти, какъ животныя, къ мискамъ, при взрывахъ хохота конвойныхъ офицеровъ, которые называли это соціализмомъ на практикѣ! У меня въ рукахъ дѣло одного изъ тѣхъ, которые были подвергнуты этой пыткѣ". (Исторія революціи 1848 года Луи-Блана. Томъ второй).

Вотъ буржуазная гуманность, что-же касается правосудія буржуазныхъ республиканцевъ, то, какъ указано выше, оно проявилось въ ссылкѣ на каторгу безъ суда, подъ предлогомъ общественной безопасности, 4348 гражданъ.

Правительство Національной обороны приказало повсюду ихъ освободить. Кто былъ неправъ, рабочіе или правительство? Безъ сомнѣнія, это послѣднее Выпуская на свободу бонапартистовъ, оно не только было неправо, оно совершало преступленіе. Почему ужъ было не освободить заодно всѣхъ убійцъ, воровъ и всевозможныхъ преступниковъ, которые содержатся во французскихъ тюрьмахъ? Въ чемъ различіе между ними и бонапартистами? Существеннаго я не вижу. А если оно и есть, то говоритъ рѣшительно въ пользу обыкновенныхъ преступниковъ и безусловно противъ бонапартистовъ.

Уголовные преступники обкрадывали, нападали, грабили, убивали отдѣльныхъ лицъ Часть бонапартистовъ совершала буквально тѣ же самыя преступленія, а всѣ вмѣстѣ они грабили, угнетали, позорили, убивали, предавали и продавали цѣликомъ всю Францію, весь народъ. Которое же изъ преступленій больше? Безъ сомнѣнія, преступленіе бонапартистовъ.

XXIV.

ЛУЧШЕ ВЫПУСТИТЬ ИЗЪ ТЮРЕМЪ ВСѢХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ, ЧѢМЪ ОСТАВИТЬ НА СВОБОДѢ СЛУГЪ СТАРАГО РЕЖИМА.

Развѣ правительство Національной обороны причинило бы Франціи больше зла, еслибъ освободило всѣхъ преступниковъ и каторжниковъ, содержащихся въ тюрьмахъ и работающихъ въ острогахъ, чѣмъ ограждая свободу и собственность бонапартистовъ и предоставляя имъ безпрепятственно довершить разореніе Франціи? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Освобожденные каторжники убили бы нѣсколько десятковъ, скажемъ, нѣсколько сотенъ, даже нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ лицъ, — пруссаки же убиваютъ ихъ ежедневно гораздо больше;—потомъ они скоро опять были бы взяты и заключены въ тюрьмы самимъ же народомъ. Бонапартисты убиваютъ народъ, и если и дальше все пойдетъ такъ же, то черезъ короткій промежутокъ времени весь народъ, вся Франція будетъ заключена ими въ тюрьмы

Но какъ арестовать и держать въ тюрьмахъ столько людей безъ всякаго суда? О, за этимъ дѣло не станетъ! Какъ ни мало, но все же найдется во Франціи достаточное количество неподкупныхъ судей, и имъ не будетъ стоить никакого труда, порывшись въ пропломъ этихъ людей, да въ секретныхъ актахъ наполеоновскаго правительства, приговорить три

четверти изъ нихъ къ тюремному заключенію, а около четверти къ смерти, просто примѣнивъ къ нимъ, и безъ всякой особенно исключительной строгости, уголовный кодексъ.

Притомъ, развѣ сами бонапартисты не дали примѣра? Развѣ они не арестовали и не посадили въ тюрьмы во время и послѣ декабрьскаго переворота болѣе 26.000 ч., и развѣ не отправили они въ Алжиръ и Кайену болѣе 13.000 патріотовъ? Скажутъ: имъ позволительно было поступать такимъ образомъ, потому что они были бонапартисты т. е. люди безъ вѣры и безъ убѣжденій, разбойники; но пристало ли республиканцамъ, борющимся во имя права и торжества справедливости, попирать ихъ элементарныя основы? Тогда я приведу другой примѣръ.

Въ 1848 г. послѣ вашей іюньской побѣды, вы, господа буржуазные республиканцы, вы, которые проявляете такую щепетильность въ вопросѣ о правосудіи, потому что теперь рѣчь идетъ о примѣненіи его къ бонапартистамъ т.-е. къ людямъ, которые по своему рожденію, своему воспитанію, своимъ привычкамъ, своему общественному положенію и по своему отношенію къ соціальному вопросу т.-е. къ вопросу объ освобожденіи пролетаріата, принадлежатъ къ одному съ вами классу, суть ваши братья;—такъ вотъ, послѣ тріумфа, одержаннаго вами въ іюнѣ надъ парижскими рабочими, Національное собраніе, въ которомъ засѣдали и вы, г. Жюль Фавръ, и вы, г. Кремье,—это собраніе буржуазныхъ республиканцевъ развѣ не созерцало равнодушно, какъ въ продолженіе трехъ дней подрядъ разсвирѣпѣвшая буржуазія разстрѣливала безъ всякаго суда сотни, а, быть можетъ, и тысячи безоружныхъ рабочихъ? Затѣмъ, развѣ не благодаря его попустительству были б е з ъ в с я к а г о с у д а, п р о с т о р а д и о б щ е с т в е н н о й б е з о п а с н о с т и сосланы на галеры 15.000 рабочихъ? А потомъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ эти несчастные тщетно взывали къ правосудію, во имя котораго такъ энергично вы ратуете теперь въ надеждѣ, что этими фразами вамъ удастся замаскировать ваше единеніе съ реакціей, развѣ не то-же самое собраніе буржуазныхъ республиканцевъ, имѣя во главѣ все васъ же, г. Жюль Фавръ, допустило приговорить 4,348 рабочихъ къ ссылкѣ, опять б е з ъ с у д а и в с е р а д и т о й - ж е о б щ е с т в е н н о й б е з о п а с н о с т и? Прочь, вы всѣ гнусные лицемѣры!

XXV.

ДА ЗДРАВСТВУЮТЪ ПРУССАКИ! ДОЛОЙ СОЦІАЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦІЮ!

Какъ случилось, что г. Жюль Фавръ не нашелъ въ себѣ и не счелъ нужнымъ употребить противъ бонапартистовъ нѣмного той гордой энергіи, немного той безжалостной свирѣпости, которыя онъ такъ щедро расточалъ въ іюнѣ 1848 года, когда дѣло шло объ избіеніи рабочихъ соціалистовъ? Или онъ думаетъ, что рабочіе, требующіе своего права на жизнь въ условіяхъ человѣческаго существованія, требующіе съ оружіемъ въ рукахъ справедливости, равной для всѣхъ, болѣе виновны, чѣмъ бонапартисты, губящіе Францію? Ну да, конечно, его тайная мысль именно такова. Только признаться въ ней откровенно даже самому себѣ, — не говоря уже о публичномъ исповѣданіи, — рѣпится не всякій, но безсознательно этой мыслью проникнуты всѣ декреты правительства Національной обороны такъ же, какъ и всѣ акты его наиболѣе типичныхъ провинціальныхъ представителей: генеральныхъ комиссаровъ, префектовъ, супрефектовъ, генеральныхъ прокуроровъ и прокуроровъ республики, которые, принадлежа или къ сословію адвокатовъ, или къ республиканской прессѣ, представляютъ собою, такъ сказать, fine fleur, цвѣтъ молодого буржуазнаго радикализма. Въ глазахъ всѣхъ этихъ горячихъ патріотовъ соціальная революція представляетъ для Франціи несравненно большую опасность, нежели нашествіе чужеземцевъ. Я твердо убѣжденъ, что, хотя и не всѣ, то во всякомъ случаѣ значительная часть этихъ достойныхъ гражданъ охотно пожертвовали бы своей жизнью, чтобъ спасти славу, величіе и независимость Франціи; но одинаково и съ еще большей увѣренностью я утверждаю, что огромное большинство ихъ предпочло бы скорѣе видѣть Францію подъ игомъ пруссаковъ, чѣмъ быть обязаннымъ своимъ спасеніемъ народной революціи, которая неизбѣжно однимъ ударомъ разрушила бы экономическое и политическое преобладаніе ихъ класса. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго образа мыслей является ихъ возмутительная, но тѣмъ не менѣе послѣдовательная снисходительность къ безчисленнымъ и къ несчастью все такимъ же сильнымъ сторонникамъ бонапартистскаго предательства, и ихъ пристрастная суровость, ихъ неумолимыя гоненія противъ соціа-

листовъ-революціонеровъ, представителей тѣхъ рабочихъ классовъ, которые одни теперь серьезно озабочены освобожденіемъ своей родины.

Очевидно, что не праздныя опасенія нарушить справедливость и правосудіе, но боязнь возбудить и поощрить соціальную революцію, мѣшаетъ правительству отнестись со всей строгостью къ преступному заговору бонапартистовъ. Иначе какъ объяснить то, что оно ничего не предприняло даже 4 сентября? Возможно ли было ему хотя одну минуту сомнѣваться, ему, дерзнувшему взять на себя ужасную отвѣтственность за спасеніе Франціи, сомнѣваться въ своемъ правѣ и въ своемъ долгѣ прибѣгнуть къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ по отношенію къ подлымъ сторонникамъ режима, который, не довольствуясь тѣмъ, что ввергъ Францію въ пропасть, еще и теперь усиленно старается парализовать всѣ ея попытки къ самозащитѣ, въ надеждѣ возстановить императорскій престолъ при помощи и подъ покровительствомъ пруссаковъ?

Члены правительства Національной обороны ненавидятъ революцію. Пусть такъ. Но если доказано, если съ каждымъ днемъ дѣлается все очевиднѣе, что при томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Франція, не остается иной альтернативы, какъ: или революція, или прусское иго, то разбирая этотъ вопросъ только съ точки зрѣнія патріотизма, эти люди, взявшіе на себя диктаторіальную власть во имя спасенія Франціи, не будутъ ли преступниками, не будутъ ли они сами измѣнниками своего отечества, если, изъ страха передъ революціей, они предадутъ Францію или допустятъ предать ее пруссакамъ?

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ императорскій режимъ, опрокинутый прусскими штыками, низвергнутъ въ прахъ. Временное правительство, составившееся изъ буржуа болѣе или менѣе радикальныхъ, заняло его мѣсто. Что же сдѣлано имъ для спасенія Франціи?

Вотъ единственный вопросъ, на который нужно потребовать немедленнаго отвѣта.

XXVI.

ВОПРОСЪ О ЗАКОННОСТИ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Что же касается другого вопроса, о законности правительства Національной обороны или, точнѣе говоря, о томъ,

имѣло ли оно право принять власть изъ рукъ парижскаго народа послѣ того, какъ этотъ послѣдній, наконецъ, вымелъ бонапартистскую сволочь, то этотъ вопросъ былъ выдвинутъ на другой день послѣ постыдной Седанской катастрофы только сторонниками Наполеона III или, что то же самое, врагами Франціи. Г. Эмиль Жирарденъ былъ конечно въ ихъ первыхъ рядахъ *).

*) Никто лучше Эмиля Жирардена не воплощаетъ политическую социальную безнравственность современной буржуазіи. Шарлатанъ мысли подъ личиной серьезнаго мыслителя, подъ внѣшностью, обманувшею многихъ, даже самого Прудона, имѣвшаго наивность повѣрить, что Г. Жирарденъ могъ по совѣсти и искренно служить какой нибудь идеѣ, бывшій редакторъ Pressé и Liberté хуже чѣмъ софистъ, поддѣлыватель, извратитель всѣхъ принциповъ. Достаточно ему затронуть самую простую, самую не преложную, самую полезную идею, какъ она немедленно дѣлается отравленной и лживой. Притомъ, онъ никогда ничего не изобрѣлъ, его дѣло только и состоитъ въ томъ, чтобъ фальсифицировать изобрѣтенія другихъ. Въ извѣстномъ кругѣ на него смотрятъ какъ на исключительнаго издателя и редактора газетъ. Конечно, его натура эксплуататора и фальсификатора чужихъ идей и его наглое шарлатанство должны дѣлать его особенно пригоднымъ къ этому ремеслу!

Вся сущность его природы резюмируется въ двухъ словахъ: реклама и шантажъ. Всѣмъ своимъ состояніемъ онъ обязанъ журнализму, но пресса не могла бы обогатить человѣка, честно держащагося одного и того же убѣжденія, одного и того же знамени. И Э. Жирарденъ усовершенствовался въ искусствѣ ловко и во—время мѣнять свои убѣжденія и свои знамена. Поочередно, онъ былъ орлеанистомъ, республиканцемъ и бонапартистомъ, и сдѣлался бы легитимистомъ или коммунистомъ, еслибъ понадобилось. Можно подумать, что онъ одаренъ крысинымъ инстинктомъ, потому что онъ всегда умѣлъ покинуть государственный корабль наканунѣ кораблекрушенія. Такъ, онъ повернулся спиной къ правительству Луи-Филиппа за нѣсколько мѣсяцевъ до Февральской революціи, но отнюдь не изъ-за побужденій, толкающихъ Францію къ ниспроверженію Іюльскаго трона, а изъ-за своихъ собственныхъ соображеній, изъ которыхъ двумя главными были, безъ сомнѣнія, его обманутое честолюбіе и его любовь къ наживѣ. На другой день послѣ 24 февраля онъ выдаетъ себя за очень горячаго республиканца, болѣе горячаго, чѣмъ республиканцы бывшіе ими наканунѣ; онъ предлагаетъ къ услугамъ республики свои идеи и самого себя; каждый день по идеѣ, разумѣется своровannой у кого-нибудь, но приготовленной и приправленной самимъ Эмилемъ Жирарденомъ, такъ чтобы ею могъ безъ промаха отравиться всякій, кто воспользуется ею изъ его рукъ. Но вотъ на сцену появляется Бонапартъ и Г. Жирарденъ дѣлается неумолимымъ врагомъ Республики. Никто такъ зло не издѣвался надъ нею, никто такъ усердно не способствовалъ ея паденію. Онъ не замедлилъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ пронырливыхъ агентовъ Бонапарта. Этотъ журналистъ и этотъ государственный мужъ были созданы другъ для друга. Наполеонъ III осуществилъ въ дѣйствительности все то, о чемъ мечталъ Эмиль Жирарденъ. Это былъ сильный человѣкъ, умѣвшій жонглировать подобно Э. Жирардену всѣми принципами и одаренный достаточно непосредственной натурой, чтобы умѣть подняться надъ всѣми напрасными угрызеніями совѣсти, надъ всѣми узкими и смѣшными предразсудками честности, деликатности, чести, личной и общественной нравственности, надъ всѣми гуманными чувствами, которыя только мѣшаютъ политикѣ; однимъ словомъ, Наполеонъ III былъ человѣкъ эпохи, очевидно, призванный править міромъ. Въ первые дни вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ, было что-то въ родѣ легкаго облачка между августѣйшимъ государемъ и августѣйшимъ жур-

Еслибы моментъ не былъ такъ ужасенъ, можно было бы смѣяться до упаду при видѣ несравненной наглости этихъ людей. Поистинѣ, они перещеголяли Роберта Макера, свою духовную главу, даже и самого Наполеона III, ихъ политическую главу.

Подумайте! Они убили Республику и возвели на тронъ шутовского императора при помощи средствъ, о которыхъ лучше умолчать Затѣмъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ подъ рядъ они были добровольными и своекорыстными орудіями самыхъ циничныхъ правонарушеній, систематически уродовали, отравляли и развращали Францію, сѣя повсюду невѣжество, и въ концѣ концовъ навлекли на эту несчастную жертву ихъ алчности и ихъ постыднаго честолюбія бѣдствія, превосходящія по своимъ размѣрамъ все, что можетъ вообразить самое

налистомъ Но это было не что иное, какъ ссора влюбленныхъ, а никакъ не разногласіе въ принципахъ. Г. Эмиль Жирарденъ счелъ себя недостаточно вознагражденнымъ Онъ, несомнѣнно, очень любитъ деньги, но ему еще нужны были почести и онъ хотѣлъ причастности къ власти. Вотъ чего Наполеонъ III, при всемъ своемъ желаніи, никогда не могъ ему доставить Всегда около него былъ какой-нибудь Морни, какой-нибудь Флери, какой-нибудь Билло, Руэ, которые мѣшали этому Такъ что только въ концѣ своего царствованія онъ могъ пожаловать г Эмилю Жирардену санъ сенатора Имперіи. Еслибъ Эмиль Оливье, другъ сердца, пріемный сынъ и въ нѣкоторомъ родѣ креатура Эмиля Жирардена не палъ бы такъ быстро, мы увидѣли бы, конечно, великаго журналиста министромъ Г Эмиль Жирарденъ былъ однимъ изъ главныхъ творцовъ министерства Оливье. Съ того времени его политическое вліяніе все возрастало. Это онъ былъ вдохновителемъ и отчасти авторомъ двухъ послѣднихъ политическихъ актовъ императора, которые погубили Францію: плебисцита и войны Съ этого времени поклонникъ Наполеона III, другъ генерала Примъ въ Испаніи, духовный отецъ Эмиля Оливье и сенаторъ Имперіи, Эмиль Жирарденъ почувствовалъ себя наконецъ слишкомъ великимъ человѣкомъ, чтобъ продолжать свое ремесло журналиста Онъ оставилъ редакцію Liberté своему племяннику и ученику, вѣрному пропагандисту своихъ идей, Г. Детруаля; и, подобно молодой дѣвушкѣ, готовящейся къ первому причастію, предался созерцательному настроенію, чтобъ принять со всѣмъ подобающимъ достоинствомъ эту такъ давно желанную власть, которая, наконецъ, готова была упасть въ его объятія. Какое горькое разочарованіе! На этотъ разъ лишившись своего обычнаго инстинкта, г Эмиль Жирарденъ вовсе не почувствовалъ, что имперія рушилась, и что, главнымъ образомъ, это его внушенія и совѣты довели ее до края пропасти Перемѣнить фронтъ уже было поздно. Увлеченный паденіемъ имперіи, г Жирарденъ свалился со всей высоты своихъ честолюбивыхъ мечтаній въ тотъ самый моментъ, когда они были ближе всего къ осуществленію... Свалился, чтобы больше уже не подняться. Начиная съ 4 сентября онъ употребляетъ всевозможныя старанія, пуская въ ходъ всѣ свои старые пріемы, чтобы привлечь къ себѣ общественное вниманіе. Не прошло и недѣли, какъ его племянникъ, новый редакторъ Liberté, объявляетъ его первымъ государственнымъ человѣкомъ Франціи и Европы Но все напрасно! Никто не читаетъ Liberté, а у Франціи слишкомъ много другого дѣла, чтобы заниматься величіемъ г. Эмиля Жирардена. На этотъ разъ онъ умеръ, и дай Богъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ умерло современное шарлатанство слова, достигшее въ его лицѣ своего высшаго расцвѣта

пессимистическое воображеніе. И что-же? Застигнутые этой ужасной катастрофой, подготовленной ихъ стараніями, опасаясь народнаго возмездія, тысячу разъ заслуженнаго, провалились ли они сквозь землю, или, быть можетъ, сгорѣли со стыда, или, по крайней мѣрѣ, бѣжали, подобно своему господину, подъ знамена Пруссаковъ ,единственное мѣсто, гдѣ они могли-бы еще укрыть свою мерзость и свой позоръ. Какъ-бы не такъ! Увѣрившись въ преступной снисходительности правительства Національной обороны, они частью остались въ Парижѣ, частью разсѣялись по всей Франціи, громко понося временное правительство, объявляя его незаконнымъ и агитируя за образованіе новаго правительства, избраннаго всеобщей подачей голосовъ.

Ихъ разсчетъ вѣренъ. Разъ паденіе Наполеона III сдѣлалось безповоротно совершившимся фактомъ, то нѣтъ другого средства снова вернуть его во Францію, кромѣ рѣшительной побѣды пруссаковъ Но чтобы обезпечить и ускорить эту побѣду, нужно парализовать всѣ патріотическія и дѣйствительно революціонныя усилія Франціи, истребить до послѣдняго всѣ средства защиты; а для достиженія этой цѣли кратчайшій и самый вѣрный путь это — немедленный созывъ Учредительнаго Собранія. Къ этому я еще вернусь въ дальнѣйшемъ; здѣсь же умѣстно отмѣтить, что пруссаки могутъ и должны желать возвращенія Наполеона III на французскій престолъ.

XXVII.

ДВА РАЗБОЙНИКА

Какъ ни выгодно положеніе графа Бисмарка и его государя Вильгельма I, но оно далеко не изъ легкихъ. Ихъ цѣль ясна: это наполовину вынужденное, наполовину добровольное объединеніе всѣхъ Германскихъ Государствъ подъ Прусскимъ королевскимъ скипетромъ, который скоро обратится въ скипетръ императорскій; иными словами, ихъ цѣль — основать въ сердцѣ Европы могущественнѣйшую имперію. Всего какихъ-нибудь пять лѣтъ назадъ изъ пяти великихъ державъ Европы, на Пруссію смотрѣли какъ на послѣднюю. Теперь она хочетъ сдѣлаться и безъ сомнѣнія скоро сдѣлается первой; прощай тогда независимость и свобода Европы! особенно горе маленькимъ государствамъ, населеніе которыхъ имѣетъ несчастье принадлежать къ германской расѣ!

Честолюбивые аппетиты нѣмцевъ такъ же ненасытны, какъ велико ихъ раболѣпство, и, опираясь на этотъ патріотическій аппетитъ и на это совершенно нѣмецкое раболѣпство, графъ Бисмаркъ, будучи человѣкомъ не очень разборчивымъ въ средствахъ и слишкомъ государственнымъ человѣкомъ, чтобы щадить народную кровь и беречь его копелекъ, его свободу и его права, вполнѣ былъ бы способенъ приняться за осуществленіе мечты Карла Пятаго, въ пользу своего государя.

Одна часть громадной задачи, взятой имъ на себя, доведена до конца; благодаря соучастію Наполеона III, котораго онъ одурачилъ, и благодаря союзу съ императоромъ Александромъ II, котораго онъ тоже не замедлитъ одурачить, Бисмаркъ уже раздавилъ Австрію. Теперь онъ держитъ ее въ повиновеніи угрозой вторженія своихъ союзниковъ, русскихъ.

Что же касается имперіи Царя, то со времени раздѣла Польши и имѣнно благодаря этому раздѣлу, она стала въ зависимое положеніе по отношенію къ Прусскому королевству такъ же, какъ и это послѣднее по отношенію къ Всероссійской Имперіи. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ когда-либо начавшейся между ними войны было бы провозглашеніе независимости польскими провинціями, доставшимися имъ на долю, чего никакъ не согласятся допустить ни то ни другое, потому что обладаніе этими провинціями составляетъ для каждаго изъ нихъ существенное условіе его могущества, какъ государства. Не имѣя такимъ образомъ возможности вступать въ борьбу одинъ съ другимъ, они volens-nolens должны быть тѣсными союзниками

Достаточно Польшѣ шевельнуться, какъ тотчасъ же Русская имперія и Прусское королевство начинаютъ проявлять по отношенію другъ къ другу самыя нѣжныя чувства. Эта вынужденная солидарность есть роковое, зачастую невыгодное и всегда тягостное слѣдствіе разбоя, совершеннаго ими обоими противъ благородной и несчастной Польши; потому что никакъ нельзя себѣ представить, чтобы русскіе, даже русскіе оффиціальнаго міра, искренно любили пруссаковъ, а еще менѣе, чтобы пруссаки обожали русскихъ; напротивъ, они взаимно ненавидятъ другъ друга, ненавидятъ глубоко: но какъ два разбойника, скованные вмѣстѣ за одно и то же преступленіе, они вынуждены идти рука объ руку и взаимно помогать другъ другу; вотъ источникъ трогательной нѣжности, соединяющей

два двора, Петербургскій и Берлинскій, которую графъ Бисмаркъ никогда не забываетъ поддерживать скромными подарками, напримѣръ, въ видѣ нѣсколькихъ несчастныхъ польскихъ патріотовъ, выдаваемыхъ время отъ времени Варшавскимъ и Виленскимъ палачамъ.

Однако, на горизонтѣ этой безоблачной дружбы уже появляется черное пятно: это вопросъ о балтійскихъ провинціяхъ. Какъ извѣстно, эти провинціи не принадлежатъ ни русскимъ, ни нѣмцамъ, онѣ латышскія или финскія; нѣмецкое населеніе, состоящее изъ дворянства и буржуазіи, составляетъ самое незначительное меньшинство; эти провинціи прежде принадлежали Польшѣ, потомъ Швеціи, затѣмъ позже были завоеваны Россіей. Самое счастливое рѣшеніе для нихъ, съ народной точки зрѣнія,—а я другой не признаю,—по-моему, было бы ихъ возвращеніе, вмѣстѣ съ Финляндіей, не подъ владычество Швеціи, но въ федеративный, очень тѣсный союзъ съ ней, въ качествѣ членовъ скандинавской федераціи, долженствующей включить въ себя Швецію, Норвегію, Данію и всю датскую часть Шлезвига, пусть не прогнѣваются гг. нѣмцы! Это было бы справедливо, это было бы естественно, а этихъ двухъ доводовъ совершенно достаточно, чтобы разсердить нѣмцевъ, такъ какъ съ другой стороны, это положило бы, наконецъ, спасительную границу ихъ военному честолюбію. Русскимъ хочется обрусить эти провинціи, нѣмцамъ—онѣмечить. И тѣ и другіе неправы. Огромное большинство населенія, одинаково ненавидящее нѣмцевъ и русскихъ, хочетъ оставаться тѣмъ, что оно есть, т.-е. финскимъ и латышскимъ, но балтійскимъ провинціямъ могло бы удасться добиться своей автономіи и своего права быть самостоятельными только путемъ Скандинавской Конфедераціи.

Но какъ я уже сказалъ, это вовсе не согласуется съ патріотическими вожделѣніями нѣмцевъ. Съ нѣкоторыхъ поръ этимъ вопросомъ очень интересуются въ Германіи. Причиной этого послужили гоненія русскаго правительства противъ протестантскаго духовенства, нѣмецкаго, въ этихъ провинціяхъ. Эти гоненія гнусны, какъ гнусны всѣ проявленія какого бы то ни было деспотизма, русскаго или прусскаго; но они не превосходятъ тѣхъ, которыя прусское правительство совершаетъ ежедневно въ прусско-польскихъ провинціяхъ и, однако, этотъ же самый нѣмецкій народъ воздерживается протестовать противъ прусскаго деспотизма. Изъ всего этого слѣ

дуетъ, что для нѣмцевъ все дѣло совсѣмъ не въ справедливости, а въ подготовкѣ завоеванія. Имъ очень желательны эти провинціи, которыя дѣйствительно были бы для нихъ очень полезны съ точки зрѣнія ихъ морского могущества на Балтійскомъ морѣ, и я не сомнѣваюсь, что Бисмаркъ лелѣетъ гдѣ-то очень глубоко въ своемъ мозгу намѣреніе овладѣть ими рано или поздно, тѣмъ или инымъ способомъ. Вотъ та черная точка, которая показалась на россійско-прусскомъ горизонтѣ.

Но пока этого еще недостаточно, чтобы разъединить ихъ. Онѣ слишкомъ нуждаются одна въ другой. Пруссію удерживаетъ отъ разрыва опасеніе, что она не найдетъ для себя въ Европѣ другого союзника, потому что всѣ другія государства, не исключая даже Англіи, напуганныя ея не имѣющимъ предѣловъ честолюбіемъ, во всякомъ конфликтѣ будутъ противъ нея;—Пруссія поостережется теперь поднимать вопросъ, могущій поссорить ее съ ея единственнымъ другомъ, Россіей. Ей будетъ нужна ея помощь или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока она не уничтожитъ совершенно или не ослабитъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать могущества Франціи; пока не разрушитъ Австрію, не присоединитъ нѣмецкую Швейцарію, часть Бельгіи, Голландіи и всю Данію; обладаніе этими двумя послѣдними королевствами необходимо для созданія и для упроченія ея военнаго могущества. Все это будетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея побѣды надъ Франціей, если только эта побѣда будетъ полной и окончательной

Но все это, предполагая даже самыя счастливыя для Пруссіи обстоятельства, не сможетъ осуществиться сразу. Выполненіе этихъ грандіозныхъ проектовъ займетъ не мало лѣтъ и въ продолженіе всего этого времени Пруссіи болѣе, чѣмъ когда-либо будетъ нужна поддержка Россіи; потому что навѣрно, остальная часть Европы, какой бы подлой и глупой она ни казалась въ данное время, кончитъ, однако, тѣмъ, что проснется, когда почувствуетъ ножъ у горла, и не допуститъ безъ сопротивленія и борьбы приготовить себя подъ прусско-германскимъ соусомъ. Изолированная, хотя бы даже и побѣдоносная Пруссія, даже послѣ совершеннаго разгрома Франціи, была бы слишкомъ слаба, чтобъ бороться съ коалиціей всѣхъ европейскихъ государствъ Если бы еще и Россія стала противъ нея, она совершенно погибла бы. Она не устояла бы даже при нейтралитетѣ Россіи Ей необходима дѣятельная поддержка Россіи, под-

держка, заключающаяся въ возможности враждебныхъ дѣйствій, подъ угрозой которыхъ теперь находится Австрія; такъ какъ вполнѣ очевидно, что если бы Россія не угрожала Австріи, на другой же день послѣ вступленія нѣмецкихъ войскъ на французскую территорію Австрія перебросила бы свои войска въ Пруссію, чтобы вернуть обратно потерянную территорію и доставить себѣ блестящій реваншъ за Садову.

Г. Бисмаркъ слишкомъ осторожный человѣкъ, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ ссориться съ Россіей. Разумѣется, во многихъ отношеніяхъ этотъ союзъ для него не особенно пріятенъ. Онъ вредитъ его популярности въ Германіи. Но г. Бисмаркъ слишкомъ государственный человѣкъ, чтобы чувствовать потребность въ такомъ сантиментальномъ вздорѣ, какъ любовь и довѣріе народа. Но онъ знаетъ, что эта любовь и это довѣріе составляетъ временами большую силу, а сила въ его глазахъ—единственное, съ чѣмъ должно считаться. Поэтому непопулярность русскаго союза все-же стѣсняетъ его. Безъ сомнѣнія, ему приходится сожалѣть, что единственный союзъ, возможный теперь для Германіи, это именно такой, къ которому Германія чувствуетъ единодушное отвращеніе.

Когда я говорю о чувствахъ Германіи, я, разумѣется, имѣю въ виду чувства ея буржуазіи и ея пролетаріата. Нѣмецкое дворянство вовсе не питаетъ ненависти къ Россіи, такъ какъ изо всей Россіи оно знакомо только съ ея варварской политикой репрессій, которая нравится ему, льститъ его инстинктамъ, совпадаетъ съ его собственной натурой. Что касается Николая I, то онъ вызывалъ у нѣмецкихъ дворянъ восторженное удивленіе, граничившее съ культомъ. Этотъ германизированный Чингисъ-Ханъ или, лучше сказать, этотъ монголизированный политикецъ, осуществлялъ въ его глазахъ высшій идеалъ абсолютнаго владыки. Теперь оно находитъ повтореніе того же идеала въ своемъ звѣроподобномъ королѣ, будущемъ германскомъ императорѣ. Кто-кто, только не нѣмецкое дворянство противъ союза съ русскими. Напротивъ, оно поддерживаетъ его по мѣрѣ возможности; прежде всего, въ силу глубокой симпатіи къ деспотическимъ тенденціямъ русской политики, а также и потому, что ея король желаетъ этого союза, а пока королевская политика будетъ стремиться къ порабощенію народовъ, эта воля для нѣмецкаго дворянства будетъ священна.

Безъ сомнѣнія, дѣло обстояло бы иначе, если бы король, вдругъ переставъ слѣдовать традиціямъ своей династіи, объявилъ бы освобожденіе народа Тогда, и только тогда оно способно было бы возстать противъ него, что впрочемъ не угрожало бы королю никакими серьезными послѣдствіями, такъ какъ нѣмецкое дворянство, несмотря на свою многочисленность, совершенно безсильно. Безсильно потому, что не имѣетъ корней въ народѣ и существуетъ только по милости государства какъ бюрократическая и, въ особенности, какъ военная каста. Въ концѣ-концовъ, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобъ будущій германскій императоръ свободно и по собственному своему побужденію подписалъ когда-либо указъ объ освобожденіи, то можно надѣяться, что трогательная гармонія, существующая между нимъ и его вѣрнымъ дворянствомъ, сохранится навсегда и оно до вѣка пребудетъ вѣрнымъ рабомъ грубаго деспота, готовымъ не за страхъ, а за совѣсть пресмыкаться предъ нимъ и выполнять всѣ его приказанія, какими бы гнусными и жестокими они ни были.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ нѣмецкимъ пролетаріатомъ. Я имѣю въ виду по преимуществу городской пролетаріатъ. Сельскій пролетаріатъ слишкомъ подавленъ, слишкомъ приниженъ какъ своимъ необезпеченнымъ положеніемъ, такъ и привычкой къ подчиненію хозяевамъ, и слишкомъ отравленъ систематической ложью политической и религіозной, сбитъ съ толку нелѣпымъ воспитаніемъ, получаемымъ въ первоначальныхъ школахъ, чтобы уяснить самому себѣ свои чувства и свои желанія; его мысли рѣдко заходятъ за безнадежно узкій горизонтъ его жалкаго существованія. Конечно, по своему положенію и по натурѣ онъ соціалистъ, самъ того не подозрѣвая. Одна только соціальная революція, всеобщая и широкая, болѣе всеобъемлющая и болѣе глубокая, чѣмъ та, о какой мечтаютъ нѣмецкіе демократы-соціалисты, была бы въ состояніи разбудить діавола, сидящаго въ немъ. Этотъ діаволъ, инстинктъ свободы, страстная потребность равенства, святое возмущеніе, разъ проснувшись въ его груди, не уснетъ уже больше. Но до этого послѣдняго момента еще далеко, а пока сельскій пролетаріатъ, по отзывамъ гг. пасторовъ, является покорнымъ подданнымъ своего короля, самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ властей и эксплуататоровъ.

Что же касается крестьянъ-собственниковъ, они въ большинствѣ болѣе склонны поддерживать королевскую политику,

чѣмъ бороться съ ней. Для этого есть много причинъ: прежде всего, антагонизмъ деревень и городовъ, который существуетъ и въ Германіи такъ же, какъ и вездѣ, и который особенно прочно установился тамъ съ 1625 г., когда нѣмецкая буржуазія, во главѣ съ Лютеромъ и Меланхтономъ, такъ постыдно и притомъ во вредъ себѣ самой предала единственную крестьянскую революцію, имѣвшую мѣсто въ Германіи; затѣмъ глубоко ретроградное воспитаніе, о которомъ я уже говорилъ и которое преобладаетъ во всѣхъ германскихъ школахъ, особенно въ Пруссіи: инстинктивный эгоизмъ и консервативные предразсудки, свойственные всѣмъ крупнымъ и мелкимъ собственникамъ; наконецъ, относительная изолированность сельскихъ жителей, которая такъ сильно задерживаетъ циркуляцію идей и развитіе политическихъ страстей. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ причинъ является то, что нѣмецкіе крестьяне-собственники гораздобольше интересуются ближе ихъ касающимися общинными дѣлами, чѣмъ общей политикой. А такъ какъ нѣмецкой натурѣ, разсматриваемой вообще, болѣе свойственно послушаніе, чѣмъ сопротивленіе, благочестивая довѣрчивость, чѣмъ возмущеніе, то отсюда слѣдствіемъ является то, что нѣмецкій крестьянинъ охотно ввѣряетъ мудрости высшихъ, поставленныхъ отъ Бога авторитетовъ, всѣ общіе интересы своей страны.

Безъ сомнѣнія, наступитъ моментъ, когда и нѣмецкій крестьянинъ проснется. Это произойдетъ тогда, когда величіе и слава новой прусско-германской имперіи, которая основывается теперь не безъ нѣкотораго восхищенія и самодовольства съ его стороны, скажутся на немъ тяжелыми налогами и экономическимъ разореніемъ; это произойдетъ, когда онъ увидитъ, какъ его маленькая собственность, отягощенная всевозможными первыми и вторыми закладными, обыкновенными и чрезвычайными налогами, растаетъ и пройдетъ у него между рукъ съ тѣмъ, чтобы округлить все расширяющееся наслѣдственное имѣніе крупнаго землевладѣльца; это произойдетъ, когда для него станетъ очевидно, что въ силу рокового экономическаго закона, онъ, въ свою очередь, долженъ стать въ ряды пролетаріата. Тогда онъ проснется и навѣрное возстанетъ. Но этотъ моментъ еще далекъ, и ожидая его, даже Германія, которую нельзя упрекнуть въ недостаткѣ терпѣнія, можетъ его потерять.

Фабричный и городской пролетаріатъ находится въ совершенно иномъ положеніи: хотя и прикрѣпленные какъ рабы

нуждою къ мѣсту работы, рабочіе, не имѣя собственности, не имѣютъ и мѣстныхъ интересовъ. Всѣ ихъ интересы имѣютъ характеръ общій, даже не національный, а интернаціональный; потому что вопросъ о трудѣ и вознагражденіи, единственный, который дѣйствительно интересуетъ ихъ, непосредственно касается и является центромъ и основаніемъ всѣхъ другихъ вопросовъ, какъ соціальныхъ, такъ и политическихъ и религіозныхъ, вопросъ, который вслѣдствіе всемірнаго распространенія капитализма все болѣе и болѣе принимаетъ международный характеръ. Именно этимъ и объясняется чудесный ростъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ. которая, будучи основана всего шесть лѣтъ тому назадъ, насчитываетъ уже въ одной Европѣ болѣе милліона членовъ.

Нѣмецкіе рабочіе не отстали отъ другихъ. Въ особенности въ послѣдніе годы они сдѣлали значительные успѣхи, и, быть можетъ, не далекъ моментъ, когда они выступятъ какъ могучая сплоченная сила. Правда, къ намѣченной цѣли они идутъ не тѣмъ путемъ, который мнѣ кажется наилучшимъ. Такъ, вмѣсто того чтобы стремиться создать силу открыто-революціонную, отрицательную, разрушительную для государства, единственную, которая, по моему глубокому убѣжденію, можетъ имѣть результатомъ полное и повсемѣстное освобожденіе рабочихъ и труда, они увлекаются или, скорѣе, позволяютъ своимъ вожакамъ увлекать себя мечтами о завоеваніи власти, объ учрежденіи новаго рабочаго или народнаго государства. (Volksstaat), непремѣнно національнаго, патріотическаго и пангерманскаго, что ставитъ ихъ въ явное противорѣчіе съ основными принципами Международной ассоціаціи и въ очень двусмысленное положеніе по отношенію къ прусско-германской имперіи, аристократической и буржуазной, о созданіи которой хлопочетъ Бисмаркъ.

Они надѣются, конечно, что путемъ сначала легальной агитаціи, а позднѣе путемъ болѣе рѣшительнаго и опредѣленнаго революціоннаго движенія имъ удастся завладѣть этой имперіей и превратить ее въ чисто народное государство. Эта политика, на которую я смотрю какъ на призрачную и гибельную, придаетъ всему движенію характеръ реформаторскій, а не революціонный, что, впрочемъ, отчасти зависитъ также отъ прирожденныхъ свойствъ нѣмецкаго народа, болѣе склоннаго къ медленнымъ и постепеннымъ реформамъ, чѣмъ къ революціи. Эта политика имѣетъ, кромѣ того, еще одну

слабую сторону, являющуюся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ основной ошибки: соціалистическое движеніе германскихъ рабочихъ, какъ это ни нелѣпо, идетъ на буксирѣ у буржуазной демократической партіи. Попытка нѣкоторыхъ соціалистовъ на Нюренбергскомъ и Штутгартскомъ конгрессѣ порвать этотъ союзъ неожиданно привела къ принятію большинствомъ буржуазно-соціалистической программы д-ра Якоби, какъ основанія для возможнаго соглашенія между буржуазными демократами и пролетаріатомъ Германіи. Это во всѣхъ отношеніяхъ пагубный союзъ: онъ не можетъ принести рабочимъ никакой пользы, даже партійной, потому что партія демократовъ и буржуазныхъ соціалистовъ въ Германіи слишкомъ ничтожна, чтобы быть въ состояніи сколько-нибудь замѣтно усилить рабочую партію, но она много способствовала ограниченію и извращенію соціалистической программы нѣмецкихъ рабочихъ.

Какъ бы то ни было, это скорѣй ошибка системы, чѣмъ заблужденіе инстинкта: инстинктъ нѣмецкихъ рабочихъ явно революціоненъ и съ каждымъ днемъ будетъ становиться все болѣе и болѣе революціоннымъ. Интриганы, подкупленные Бисмаркомъ, будутъ стараться напрасно: имъ никогда не удастся привлечь массу нѣмецкихъ рабочихъ на сторону своей прусско-германской имперіи. Впрочемъ, въ настоящее время они не особенно и стараются. Имѣя на своей сторонѣ рабскій и тупой энтузіазмъ всей германской буржуазіи, равнодушіе и пассивное подчиненіе, а отчасти и симпатіи деревни, все нѣмецкое дворянство, которое ждетъ только знака, чтобы искоренить «чернь», и организованное могущество огромныхъ военныхъ силъ, вдохновляемыхъ и предводительствуемыхъ этимъ же самымъ дворянствомъ, Бисмаркъ непремѣнно захочетъ раздавить пролетаріатъ и истребить до самаго корня, огнемъ и мечомъ, эту гангрену, этотъ проклятый соціальный вопросъ, въ которомъ сконцентрировался весь остатокъ духа возмущенія, разсѣяннаго въ отдѣльныхъ индивидахъ и націяхъ, это будетъ война на жизнь и на смерть съ пролетаріатомъ въ Германіи, какъ и съ пролетаріатомъ всей Европы. Но призывая тружениковъ всѣхъ странъ готовиться къ борьбѣ, я объявляю, что эта война не страшитъ меня. Наоборотъ, всѣ свои надежды возлагаю я на нее; она одна можетъ вселить дьявола въ души рабочихъ массъ. Война сразу оборветъ всѣ эти без-

конечныя и безцѣльныя умствованія (ins Blaue hinein), *), которыя усыпляютъ, истощаютъ, не приводя ни къ какому результату, и зажжетъ въ груди европейскаго пролетаріата ту страсть, безъ которой никогда не бываетъ побѣды. Что же касается окончательнаго торжества пролетаріата, кто можетъ въ немъ сомнѣваться? Справедливость, логика исторіи—за него.

Былъ въ началѣ этой войны одинъ моментъ, когда нѣмецкій рабочій, несмотря на свою прогрессирующую революціонность, поколебался. Съ одной стороны онъ видѣлъ Наполеона III, съ другой—Бисмарка съ его королемъ-нулемъ, первый угрожалъ вторженіемъ, два послѣднихъ представляли національную защиту. Не вполнѣ-ли было естественно, что, несмотря на все свое отвращеніе къ этимъ двумъ представителямъ нѣмецкаго деспотизма, онъ одну минуту подумалъ, что его обязанность, какъ нѣмца, стать въ ряды подъ ихъ знамя? Но это колебаніе было непродолжительно.

Какъ только первыя извѣстія о побѣдахъ нѣмцевъ дошли до Германіи, тотчасъ же стало очевидно, что французы и не могли-бы перейти Рейнъ, особенно послѣ сдачи Седана и достопамятнаго и безвозвратнаго паденія Наполеона III. Когда война Германіи съ Франціей утратила значеніе законной защиты и приняла характеръ борьбы нѣмецкаго деспотизма съ свободой Франціи, чувства нѣмецкаго пролетаріата сразу измѣнились, война вдругъ утратила въ его средѣ всякую популярность, и въ то-же время пробудилась глубокая симпатія къ французской республикѣ.

И здѣсь я спѣшу отдать справедливость вожакамъ партіи демократовъ-соціалистовъ, всему ихъ центральному комитету, Бебелю, Либкнехту и другимъ, которые среди бѣсовскаго шабаша націонализма, справляемаго оффиціальнымъ міромъ и германской буржуазіей, имѣли мужество громко провозгласить священныя права Франціи. Благородно, геройски исполнили они свою обязанность, потому что на самомъ дѣлѣ требовалось геройское мужество, чтобы отважиться говорить человѣческимъ языкомъ среди всѣхъ этихъ рыкающихъ буржуазныхъ скотовъ.

*) Порыванія въ голубую даль.

XXVIII.

ПРУССКОЕ РАБОЛѢПСТВО И РУССКОЕ БУНТАРСТВО.

Разумѣется, нѣмецкіе рабочіе,—страстные противники союза съ Россіей и русской политики. Русскіе революціонеры не должны ни слишкомъ удивляться, ни слишкомъ огорчаться тѣмъ, что нѣмецкіе рабочіе на весь русскій народъ переносятъ ту глубокую и вполнѣ законную ненависть, какую внушаетъ имъ политика Всероссійской Имперіи и самое ея существованіе. точно такъ-же, какъ и нѣмецкіе рабочіе не должны отнынѣ слишкомъ удивляться и слишкомъ обижаться, если случится, что французскій пролетаріатъ поставитъ на одну доску оффиціальную, бюрократическую, военно-дворянско-буржуазную Германію съ Германіей народной. Чтобы быть справедливыми и не слишкомъ сѣтовать на это, нѣмецкіе рабочіе должны судить по самимъ себѣ. Слѣдуя примѣру и указаніямъ своихъ вожаковъ развѣ не смѣшиваютъ они слишкомъ часто въ одномъ чувствѣ презрѣнія и ненависти Россійскую Имперію и русскій народъ, не подозрѣвая того, что этотъ народъ первая жертва и непримиримый врагъ этой имперіи, всегда готовый возстать противъ нея, какъ я неоднократно имѣлъ возможность доказывать это въ моихъ рѣчахъ и брошюрахъ, и повторю здѣсь снова. Но нѣмецкіе рабочіе могутъ сослаться, что они основываются не на словахъ, что ихъ сужденія основаны на фактахъ, и что всѣ поступки русскихъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ были поступками антигуманными, жестокими, варварскими, деспотичными. Къ сожалѣнію, русскимъ революціонерамъ нечего отвѣтить на это обвиненіе. Они должны признать, что въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкіе рабочіе правы: пока народъ не свергнулъ и не разрушилъ своего правительства, онъ болѣе или менѣе солидаренъ съ нимъ и, слѣдовательно, отвѣтственъ за его поступки, совершаемые именемъ народа и его руками. Но если это соображеніе справедливо для Россіи, то оно одинаково истинно и для Германіи.

Конечно, русская имперія представляетъ и воплощаетъ варварскую систему, антигуманную, подлую, презрѣнную, гнусную. Можете примѣнить къ ней всѣ прилагательныя, какія только захотите; я ничего не буду имѣть противъ. Другъ русскаго народа, но отнюдь не патріотъ своего государства,

Всероссійской Имперіи, я не представляю себѣ, чтобъ кто-нибудь ненавидѣлъ эту послѣднюю больше меня. Но желая быть справедливымъ прежде всего, я предложилъ-бы нѣмецкимъ патріотамъ оглядѣться повнимательнѣе вокругъ себя, и, я увѣренъ, они не замедлили-бы убѣдиться, что, помимо прикрытой лицемѣріемъ приличной внѣшности, ихъ прусское королевство и ихъ старая Австрійская Имперія до 1866 г. не были сколько-нибудь либеральнѣе, ни тѣмъ болѣе гуманнѣе, чѣмъ Всероссійская Имперія. Что-же касается прусско-германской или кнуто-германской Имперіи, воздвигаемой нынѣ нѣмецкимъ патріотизмомъ на развалинахъ и въ крови Франціи, то послѣдняя обѣщаетъ даже превзойти Россію своимъ деспотизмомъ. Посмотримъ: при всей своей гнусности причиняла ли русская имперія когда-либо Германіи или Европѣ хоть сотую часть того зла, какую Германія причиняетъ теперь Франціи и угрожаетъ причинить всей Европѣ? Если кто имѣетъ право презирать Россійскую Имперію и русскихъ,—то это поляки. Если Русскіе обезчестили себя когда-либо, выполняя кровавые приказы своихъ царей, то это въ Польшѣ. Такъ вотъ, я обращаюсь къ самимъ полякамъ: русская армія, солдаты и офицеры, взятые въ массѣ, совершили ли они десятую часть тѣхъ гнусныхъ поступковъ, какіе совершаютъ теперь во Франціи германскія арміи, солдаты и офицеры, взятые въ массѣ? Поляки, сказалъ я, имѣютъ право презирать Россію. Но нѣмцы не имѣютъ права, нѣтъ! если они въ то же время не презираютъ самихъ себя!

Посмотримъ, какое зло причинила имъ когда-либо Россія? Развѣ какой-либо изъ русскихъ императоровъ мечталъ о завоеваніи Германіи? Развѣ онъ когда-нибудь отнималъ у нея провинціи? Развѣ русскіе войска приходили въ Германію, чтобы уничтожить ея республику, которой впрочемъ никогда и не существовало,—и чтобы возвести на тронъ своихъ деспотовъ, вмѣсто ея собственныхъ?

Только два раза съ тѣхъ поръ, какъ установились международныя отношенія между Россіей и Германіей, русскіе императоры причиняли этой послѣдней политическое зло. Первый разъ, это былъ Петръ III, который, только что получивъ тронъ, въ 1761 г. спасъ Фридриха Великаго, и съ нимъ Прусское королевство, отъ неминуемой гибели, приказавъ русской арміи, сражавшейся до того вмѣстѣ съ Австрій

цами противъ Фридриха, соединиться съ нимъ противъ Австрійцевъ. Другой разъ, это былъ Александръ I, который въ 1807 году спасъ Пруссію отъ полнаго уничтоженія.

Вотъ неоспоримо двѣ очень плохихъ услуги, оказанныхъ Россіей Германіи, и если именно эти событія имѣютъ въ виду нѣмцы, презирая и проклиная русскихъ, то я долженъ признать, что они тысячу разъ правы, такъ какъ спасая дважды Пруссію, Россія несомнѣнно если не сковала сама, то, по крайней мѣрѣ, помогала ковать цѣпи для Германіи. Но если они осуждаютъ насъ не за это, то становится совершенно непонятно, на что могутъ жаловаться эти добрые нѣмецкіе патріоты?

Въ 1813 году Русскіе приходили въ Германію какъ освободители и, что бы тамъ ни говорили господа нѣмцы, немало способствовали сверженію ига Наполеона. Или, быть можетъ, озлобленіе противъ русскихъ ведетъ свое начало со временъ Императора Александра I за то, что онъ не допустилъ въ 1814 г. прусскаго фельдмаршала Блюхера, вопреки его настойчивому требованію, разграбить Парижъ. Послѣднее обстоятельство служитъ доказательствомъ, что у пруссаковъ всегда были тѣ же инстинкты и что по натурѣ они остались неизмѣнны. Или они не прощаютъ императору Александру I, что онъ почти принудилъ Людовика XVIII дать Франціи конституцію вопреки условіямъ, высказаннымъ прусскимъ королемъ и австрійскимъ императоромъ, и удивилъ Европу и Францію, выказавъ себя, царя варваровъ болѣе гуманнымъ и болѣе либеральнымъ, чѣмъ два великихъ властелина Германіи?

Можетъ быть, нѣмцы не могутъ простить Россіи гнуснаго раздѣла Польши? Увы! они не имѣютъ на это ни малѣйшаго права, такъ какъ они получили добрую часть пирога. Конечно, этотъ раздѣлъ былъ преступленіемъ. Но среди разбойниковъ, совершившихъ его, изъ нихъ одинъ только русскій, а нѣмцевъ двое: императрица Марія Терезія Австрійская и великій король Фридрихъ II Прусскій. Я даже могъ бы сказать, что всѣ трое были нѣмцы, потому что Екатерина II, гнусной памяти, была чистокровной нѣмецкой принцессой. Фридрихъ II, какъ извѣстно, обладалъ хорошимъ аппетитомъ. Не онъ ли предложилъ своей добрѣй русской кумушкѣ также раздѣлить и Швецію, гдѣ царствовалъ его племянникъ? Инициатива раздѣла Польши принадлежитъ всецѣло ему. Притомъ,

Прусское королевство выиграло отъ дѣлежа гораздо больше, чѣмъ его два другихъ товарища по раздѣлу, такъ какъ его современное могущество началось съ завоеванія Силезіи и раздѣла Польши.

Наконецъ, не ставятъ ли они въ вину Россіи жестокое, варварское, кровавое подавленіе двухъ польскихъ революцій, 1830 года и 1863 года? Но опять-таки они не имѣютъ и на это ни малѣйшаго права, потому что въ 1830 г., какъ и въ 1863 году, Пруссія была вполнѣ солидарна съ петербургскимъ кабинетомъ и любезной и вѣрной поставщицей палачей. Графъ Бисмаркъ, канцлеръ и основатель будущей кнуто-германской имперіи, развѣ не считалъ своимъ пріятнымъ долгомъ выдавать Муравьеву и Бергу всѣ польскія головы, попадавшія ему въ руки? И не тѣ же ли прусскіе лейтенанты, которые теперь во Франціи проявляютъ свою гуманность и свой пангерманскій либерализмъ, организовали въ 1863, 1864 и 1865 гг. въ польской Пруссіи и въ Познанскомъ великомъ герцогствѣ, подобно истымъ жандармамъ, на несчастныхъ польскихъ повстанцевъ, бѣжавшихъ отъ казаковъ, настоящую охоту, чтобы предать ихъ закованными въ цѣпи русскому правительству? Когда въ 1863 г. Франція, Англія и Австрія представили князю Горчакову свои протесты противъ русскихъ звѣрствъ въ Польшѣ, только одна Пруссія не захотѣла, да и не могла присоединиться къ протесту, по той простой причинѣ, что, начиная съ 1860 года всѣ усилія ея дипломатіи были направлены къ тому, чтобъ отговорить императора Александра II сдѣлать хотя бы малѣйшую уступку полякамъ *).

Изъ приведенныхъ соображеній съ очевидностью слѣдуетъ, что нѣмецкіе патріоты не имѣютъ ни малѣйшаго права обращать свои упреки къ Россійской Имперіи. Если послѣдняя поетъ фальшиво, если ея голосъ отвратителенъ, то во всякомъ случаѣ Пруссія, составляющая нынѣ главу, сердце и руку великой объединенной Германіи, никогда не отказывала ей въ услужливомъ акомпаниментѣ. Существуетъ, правда, одно разногласіе, одинъ диссонансъ.

*) Когда Великобританскій посланникъ въ Берлинѣ, лордъ Блумичи, если не ошибаюсь, предложилъ г. Бисмарку подписать отъ имени Пруссіи знаменитый протестъ западныхъ правительствъ, г. Бисмаркъ отказался отъ этого, сказавъ англійскому посланнику „Какъ вы хотите, чтобъ мы протестовали, когда мы вотъ уже три года то и дѣло повторяемъ Россіи, чтобъ она не дѣлала никакихъ уступокъ Польшѣ“.

«Россія, говорятъ нѣмцы, оказывала съ 1815 года до сего дня самое гибельное вліяніе какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю политику Германіи. Если Германія оставалась такъ долго раздѣленною, если и по объединеніи она остается рабскою, то это именно вслѣдствіе этого рокового вліянія».

Признаюсь, этотъ упрекъ всегда мнѣ казался крайне нелѣпымъ, недобросовѣстнымъ и недостойнымъ великаго народа; достоинство каждой націи, какъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, выражается, по-моему, главнымъ образомъ въ томъ, что каждый честно несетъ всю отвѣтственность за свои поступки, не дѣлая жалкихъ усилій свалить свою вину на другихъ. Развѣ іереміады взрослаго мальчика, пришедшаго со слезами жаловаться, что кто-то другой совратилъ его, вовлекъ въ дурное дѣло,— вещь благородная? Ну, а что непозволительно мальчишкѣ, тѣмъ болѣе непростительно націи, и самое элементарное сознаніе своего достоинства должно было-бы удержать ее отъ подобныхъ жалобъ *).

*) Признаюсь, я былъ глубоко изумленъ, найдя эту самую жалобу въ письмѣ, адресованномъ въ прошломъ году Карломъ Марксомъ, знаменитымъ главой нѣмецкихъ коммунистовъ, къ редакторамъ маленькаго русскаго листка, печатавшагося на русскомъ языкѣ въ Женевѣ. К. Марксъ утверждаетъ, что, если Германія еще не демократизировалась, то отвѣтственность за это всецѣло лежитъ на Россіи. Онъ удивительно мало знакомъ съ исторіей своей собственной страны и серьезно трактуетъ о вещахъ, несообразность которыхъ, помимо всѣхъ историческихъ фактовъ, легко можетъ быть доказана опытомъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Развѣ можетъ нація, стоящая на болѣе низкой ступени цивилизаціи навязать или привить свои собственные принципы другой странѣ, несравненно болѣе цивилизованной,—даже хотя бы путемъ завоеванія этой послѣдней. Но Германія, какъ мнѣ извѣстно, никогда не была завоевана Россіей. Возможность усвоенія нѣмцами русскихъ традицій является совершенно невѣроятной, тогда какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что Германія, благодаря своему непосредственному сосѣдству и также благодаря неоспоримому перевѣсу своего политическаго, административнаго, юридическаго, промышленнаго, торговаго, научнаго и соціальнаго развитія, имѣла на Россію значительное идейное вліяніе, съ чѣмъ охотно соглашаются и сами нѣмцы, когда говорятъ не безъ гордости, что Россія обязана Германіи всей той малой долей цивилизаціи, какая у нея имѣется. Къ счастью для нихъ и для будущности Россіи, эта цивилизація не проникла дальше офиціальной Россіи, и совершенно не затронула широкіе народные круги; но, дѣйствительно, нѣмцамъ обязаны мы нашимъ политическимъ, административнымъ, полицейскимъ и военнымъ воспитаніемъ, а также безчисленной сворой генераловъ и губернаторовъ; даже нашу августѣйшую династію предупредительно сосудили намъ нѣмцы. Кто можетъ сомнѣваться, что сосѣдство нѣмецкаго Монголо-Византійско-нѣмецкаго Эмира болѣе по душѣ германскимъ деспотамъ, чѣмъ ихъ подданнымъ, что это сосѣдство болѣе способствуетъ развитію и укрѣпленію нѣмецкаго рабства, чѣмъ распространенію либеральныхъ и демократическихъ идей, вынесенныхъ изъ Франціи. Германія очень много выиграла бы въ смыслѣ равенства и свободы, если бы вмѣсто русской имперіи имѣла своимъ сосѣдомъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, напримѣръ. Но вѣдь раньше у нея и была другая сосѣдка, отдѣлявшая ее отъ варварской Московіи. Это—Польша, правда, не демокра-

Въ концѣ этой статьи, бросивъ бѣглый взглядъ на германско-славянскій вопросъ, я докажу при посредствѣ неопровержимыхъ историческихъ фактовъ, что до 1866 года дипломатическое вліяніе Россіи на Германію какъ въ отношеніи ея

тическая, а дворянская, подобно феодальной Германіи также основанная на рабствѣ крестьянъ, но гораздо менѣе аристократическая, болѣе либеральная, болѣе просвѣщенная во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ эта послѣдняя И что же? Германія, недовольная этимъ неугомоннымъ сосѣдствомъ, такъ противорѣчащимъ ея привычкамъ къ порядку, елейному низкопоклонству, проглотила добрую половину ея, предоставивъ другую половину Московскому царю, царю всея Россіи, непосредственной сосѣдкой которой она и сдѣлалась съ того времени. А теперь она жалуется на это сосѣдство! Это смѣшно!

Также и Россія много бы выиграла, если бы вмѣсто Германіи имѣла бы своей сосѣдкой съ запада Францію, а съ востока, вмѣсто Китая, Сѣверную Америку. Но соціалисты революціонеры, или какъ начинаютъ ихъ называть въ Германіи, русскіе анархисты слишкомъ ревнивы къ достоинству своего народа, чтобъ свалить всю вину своего рабства, на нѣмцевъ или китайцевъ. А между тѣмъ, они имѣютъ гораздо болѣе историческаго права свалить ее какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ Такъ какъ вѣдь извѣстно, что монгольскія орды, завоевавшія Россію, пришли отъ границъ Китая. Извѣстно, что болѣе двухъ вѣковъ они держали ее подъ своимъ игомъ Два столѣтія варварскаго ига! Какое воспитаніе! Къ счастью, это воспитаніе почти не коснулось главнаго ядра русскаго народа—крестьянъ, которые и подъ татарскимъ игомъ продолжали жить, придерживаясь своего обычнаго, общиннаго права, не признавая и совершенно не считаясь съ какой-либо иной политикой и юриспруденціей, какъ они живутъ и до сихъ поръ Но оно совершенно развратило дворянство, а также и большую часть русскаго духовенства, и эти два привилегированные класса, одинаково жестокіе, одинаково раболѣпные, являются цѣпями, сковывающими московскую имперію. Извѣстно, что эта имперія была главнымъ образомъ основана на порабощеніи народа, и русскій народъ, не отличающійся вовсе той прирожденной покорностью, которой въ высшей степени одаренъ нѣмецкій народъ, никогда не переставалъ презирать эту имперію и возмущаться противъ нея. Онъ былъ и теперь есть единственный истинный русскій соціалистъ-революціонеръ. Его бунты или лучше его революціи (въ 1612 г., 1667 г и 1771 г.) часто угрожали самому существованію московской имперіи, и я твердо убѣжденъ, что пройдетъ немного времени и новая народная соціальная революція, на этотъ разъ побѣдоносная, смететъ ее совсѣмъ съ лица земли. Извѣстно, что, если московскіе цари, ставшіе потомъ нетер бургскими императорами, до сихъ поръ торжествовали надъ этимъ упорнымъ и страстнымъ народнымъ сопротивленіемъ, то это благодаря политической, административной, бюрократической и военной наукѣ, заимствованной у нѣмцевъ, которые, одолживъ намъ всѣ эти прекрасныя вещи, принесли еще съ собой, на придачу не восточное, а протестантско-германское преклоненіе предъ высшей властью, предъ властью государства, воплощенной въ лицѣ государя, философію дворянскаго, буржуазнаго, бюрократическаго и военнаго раболѣпства, возведеннаго въ систему. Это было величайшимъ несчастіемъ для Россіи. Потому что восточное рабство, варварское, хищническое, оплотъ нашего дворянства и нашего духовенства, было очень жестокимъ, но совершенно естественнымъ слѣдствіемъ несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ и неблагопріятныхъ экономическихъ и политическихъ факторовъ Это рабство было естественнымъ фактомъ, а не политической системой, и, какъ таковое, могло и должно было смягчиться подъ благотворнымъ вліяніемъ либеральныхъ, демократическихъ, соціалистическихъ и гуманитарныхъ идей Запада. Оно смягчилось, дѣйствительно, до такой степени, что—упомянемъ только наиболѣе характеристичные факты,—въ 1818 и 1825 году мы видѣли, какъ нѣсколько сотъ дворянъ, цвѣтъ нашего дворянства, принадлежащаго къ наиболѣе образованному и богатому классу, образовали значительный заговоръ, серьезно уг-

внутренняго развитія, такъ и въ отношеніи ея территоріальнаго расширенія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, было равно нулю или почти нулю.

А въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ это вліяніе все-таки можетъ быть установлено, оно было несравненно ничтожнѣе, чѣмъ то воображаютъ себѣ эти добряки, нѣмецкіе патріоты, и сама русская дипломатія: и я докажу, что, начиная съ 1866

рожавшій императорскому деспотизму, съ цѣлью образовать на его обломкахъ, согласно желанію однихъ, монархическо-либеральную конституцію, или, согласно желанію другихъ, значительнаго большинства, федеративную и демократическую республику, кладя въ основу какъ того, такъ и другого полное освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Съ тѣхъ поръ не было въ Россіи ни одного заговора, въ которомъ бы не участвовала дворянская молодежь, часто очень богатая. Съ другой стороны, всѣ знаютъ, что по преимуществу сыновья нашихъ священниковъ, студенты академій и семинарій, составляютъ въ Россіи священную фалангу партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Да, пусть господа нѣмецкіе патріоты передъ лицомъ этихъ неоспоримыхъ фактовъ соблаговолятъ сказать мнѣ, много ли было въ Германіи дворянъ и студентовъ-теологовъ, возставшихъ противъ государства и ратовавшихъ за освобожденіе народа? И однако ни въ дворянахъ, ни въ теологахъ у нихъ недостатка никогда не было и нѣтъ. Отчего же происходитъ эта бѣдность, чтобъ не сказать это отсутствіе либеральныхъ и демократическихъ чувствъ въ дворянствѣ, въ духовенствѣ и,—надо до конца быть искреннимъ—я долженъ добавить: и въ буржуазіи Германіи? А это потому, что раболѣпство, присущее всѣмъ этимъ почтеннымъ классамъ, представителямъ нѣмецкой цивилизаціи, возникнувъ какъ естественное слѣдствіе естественныхъ же причинъ, было ими возведено въ систему, въ науку, въ родъ религіознаго культа; и именно вслѣдствіе этого оно обратилось въ неизлѣчимую болѣзнь. Можете вы вообразить себѣ нѣмецкаго бюрократа или же офицера нѣмецкой арміи, который былъ бы способенъ составить заговоръ противъ своего государя и возстать за свободу? Несомнѣнно, нѣтъ. Недавно мы были свидѣтелями заговора офицеровъ и высшихъ чиновниковъ Ганновера противъ Бисмарка, но въ какихъ цѣляхъ? Чтобъ возвести на его тронъ неограниченнаго короля, законнаго монарха. Ну, а бюрократія русская и русскіе офицеры насчитываютъ въ своихъ рядахъ многихъ заговорщиковъ, во имя народа! Вотъ разница, и она всецѣло въ пользу Россіи.

Но если порабощающее дѣйствіе нѣмецкой цивилизаціи не смогло окончательно развратить даже привилегированныя и оффиціальныя сословія въ Россіи, зато на господствующіе классы Германіи оно оказало самое губительное вліяніе. И я повторяю, это очень большое счастье для русскаго народа, что онъ не проникся этой цивилизаціей точно такъ же, какъ не проникся и цивилизаціей монголовъ.

Въ отвѣтъ на всѣ эти факты могутъ ли буржуазные нѣмецкіе патріоты указать хотя одинъ, который бы доказывалъ гибельное вліяніе монголовизантійской оффиціальной Россіи на Германію? Попытка въ этомъ направленіи оказалась-бы совершенно тщетной, потому, что русскіе никогда не приходили въ Германію ни какъ побѣдители, ни какъ профессора, ни какъ администраторы, откуда слѣдуетъ что если Германія и заимствовала что-либо у оффиціальной Россіи,—что я рѣшительно отрицаю,—то это могло быть сдѣлано лишь по склонности и для собственнаго удовольствія.

По истинѣ, несравненно болѣе соотвѣтствовало-бы достоинству лучшаго нѣмецкаго патріота и искренняго соціалиста-демократа, какимъ несомнѣнно является Карлъ Марксъ, и было бы гораздо полезнѣе для пролетаріат.

года Петербургскій кабинетъ, въ благодарность если не за матеріальную, то за моральную поддержку, оказанную ему Берлиномъ въ Крымскую войну, и болѣе чѣмъ когда-либо обязанный прусской политикѣ, теперь, согласившись принять угрожающее положеніе по отношенію къ Австріи, съ избыткомъ уплатилъ свой долгъ и дѣйствительно въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ осуществленію грандіозныхъ проектовъ князя Бисмарка и въ частности окончательному созиданію великой прусско-германской имперіи, вожделѣнной мечты нѣмецкихъ патріотовъ.

Подобно доктору Фаусту, эти достопочтенные патріоты преслѣдовали двѣ цѣли, двѣ противоположныхъ тенденціи: одною изъ нихъ было національное могущество, другою — свобода. Желая согласить эти двѣ несогласимыя вещи, они долго парализовали одну другой до тѣхъ поръ, пока наконецъ на опытѣ не убѣдились въ невозможности ихъ согласовать и не рѣшились пожертвовать одной ради другой. И вотъ такимъ образомъ на развалинахъ не свободы — свободны они не были никогда — но ихъ либеральныхъ мечтаній, они готовятся теперь воздвигнуть великую прусско-германскую имперію. Отнынѣ они, по ихъ собственному признанію, свободно отдаютъ свои силы и способности организаціи могущественнаго государства или, что одно и то же, народнаго рабства.

Германія, если-бы вмѣсто того чтобы стараться успокоить народное тщеславіе, ложно приписавъ ошибки, преступленія и позоръ Германіи чужеземному вліянію, онъ постарался-бы воспользоваться своей громадной эрудицией, для доказательства, согласно съ справедливостью и исторической правдой, что Германіи сама произвела, воспитала и исторически развила въ себѣ всѣ элементы своего настоящаго рабства. Я съ удовольствіемъ предоставилъ бы ему выполненіе такого труда полезнаго съ точки зрѣнія эмансипаціи германскаго народа, труда, который, выйдя изъ его мозга и изъ-подъ его пера, опираясь на его удивительную эрудицію, передъ которой я уже преклонился, оказался бы, разумѣется, несравненно болѣе, полнымъ. Но такъ какъ я не надѣюсь, чтобъ онъ когда-либо счелъ удобнымъ и необходимымъ сказать всю правду по этому предмету, то я ужъ самъ беру на себя трудъ доказать на протяженіи этой статьи, что рабство, преступленія и настоящій позоръ Германіи совершенно мѣстнаго происхожденія и являются слѣдствіемъ четырехъ великихъ историческихъ причинъ: дворянскаго феодализма который, не будучи такъ основательно разрушенъ, какъ во Франціи, и донынѣ благополучно процвѣтаетъ подъ покровомъ германской конституціи; абсолютизма высшей власти, санкціонированной протестантствомъ и чрезъ него возведенной въ предметъ культа; постояннаго и хроническаго рабольпства германской буржуазіи, и непоколебимаго терпѣнія народа. Наконецъ, пятая причина, притомъ весьма близкая къ первымъ четыремъ, это — зарожденіе и быстрое образованіе совершенно механическаго и совершенно анти-національнаго могущества Прусскаго государства.

XXIX.

ИЛЛЮЗІЯ НѢМЕЦКАГО ЛИБЕРАЛИЗМА.

Пятьдесятъ лѣтъ сряду, начиная съ 1815 года и кончая 1866 г., нѣмецкая буржуазія питала по отношенію къ самой себѣ обманчивыя иллюзіи: она считала себя свободной, пребывая въ рабствѣ; въ дѣйствительности же, она утратила послѣдніе проблески инстинкта свободы еще во времена Меланхтона и Лютера, позволивъ подчинить себя и въ религіозномъ отношеніи власти своихъ князей. Уже начиная съ этой отдаленной эпохи, покорность и послушаніе обратились у нея въ привычку, въ сознательное выраженіе ея самыхъ завѣтныхъ убѣжденій, и въ результатѣ привели къ созданію суевѣрнаго культа верховнаго могущества государства. Чувство возмущенія, эта сатанинская гордость, отрицающая власть какого бы то ни было господина, бога или человѣка, чувство, которымъ питается въ человѣкѣ стремленіе къ независимости и свободѣ, это чувство у нѣмца не только отсутствуетъ, но даже самая его возможность отталкиваетъ, смущаетъ и страшитъ его. Германская буржуазія не можетъ жить, не подчиняясь кому-либо: у нея слишкомъ велика потребность въ почитаніи, обожаніи и подчиненіи какому ни на есть господину. Если это не будетъ король, императоръ, ну что-жъ! тогда это будетъ коллективный монархъ,—государство, или, что то же—бюрократія, какъ это и было до сихъ поръ во Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ, городахъ, носящихъ названіе республиканскихъ и свободныхъ, и которые отнынѣ поступятъ во владѣніе новаго германскаго императора, не замѣтивъ даже, что они утратили свою свободу.

Но всего возмутительнѣе въ нѣмецкомъ буржуа не его готовность раболѣпствовать передъ каждымъ господиномъ, а его привычка, его вторая натура, его религіозное преклоненіе передъ властью. Но этого мало: нѣмецкій буржуа, кромѣ того, обладаетъ неосмысленной гордостью, присущей всѣмъ лакеямъ, которые самимъ себѣ приписываютъ важность, богатство, величіе и могущество своего господина.

Этимъ объясняется ретроспективный культъ романтической, и почти миѳической личности Германскаго императора, культъ, зародившійся съ 1815 года, одновременно съ нѣмецкимъ псевдо-либерализмомъ. Слѣдуя въ дальнѣйшемъ рука объ руку

по историческому пути, эти родные братья оказались по истинѣ Каиномъ и Авелемъ; и въ концѣ концовъ, какъ это и случилось въ настоящій моментъ. культъ императора совершенно убилъ Авеля либерализма.

Возьмите всѣ нѣмецкія патріотическія пѣсни, сочиненныя послѣ 1815 года: я не говорю о пѣсняхъ рабочихъ-соціалистовъ, открывающихъ новую эру, пророчествующихъ о новомъ мірѣ, о мірѣ всеобщаго освобожденія. Нѣтъ, возьмите пѣсни мелкой буржуазіи, начиная съ пангерманскаго гимна Арндта. Жестоко то чувство, которое звучитъ въ этомъ гимнѣ! Развѣ свободой проникнуто оно? Нѣтъ, оно проникнуто сознаніемъ національнаго величія и могущества. «Гдѣ нѣмецкое отечество»? спрашивается въ гимнѣ. Отвѣтъ: «Гдѣ слышенъ нѣмецкій языкъ». О свободѣ авторъ гимна упоминаетъ только слегка, такъ сказать изъ приличія; съ искреннимъ же пафосомъ и энтузіазмомъ онъ говоритъ только объ объединеніи.

И даже теперь, какіе аргументы приводятъ они, чтобы убѣдить сдѣлаться нѣмцами жителей Эльзаса и Лотарингіи. крещенныхъ во французы самой революціей и въ данный критическій моментъ чувствующихъ себя французами болѣе чѣмъ когда-либо? Обѣщаютъ-ли они имъ свободу, освобожденіе труда, матеріальное благополучіе. благородное и широкое человѣческое развитіе? Нѣтъ, ничего подобнаго. Эти аргументы такъ мало трогаютъ ихъ самихъ, что они даже не понимаютъ, какъ они могли бы трогать другихъ Притомъ, это было бы безцѣльнымъ обманомъ. такъ какъ весь міръ, и они сами въ томъ числѣ, отлично знаютъ, что ни одной изъ этихъ прекрасныхъ вещей въ Германіи не существуетъ и что Германія можетъ сдѣлаться прусско-германской имперіей лишь отказавшись надолго и не только въ дѣйствительности. но даже и въ мечтахъ, отъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей

А за неимѣніемъ ихъ, о чемъ говорятъ и что судятъ ихъ публицисты, ученые патріоты и поэты нѣмецкой буржуазіи? Они говорятъ о прошломъ величіи Германской имперіи, о Гогенштауфенахъ и объ императорѣ Барбароссѣ. Что съ ними? Съумасшедшіе они? Идіоты? Нѣтъ, они—нѣмецкіе буржуа. нѣмецкіе патріоты. Но почему, чортъ ихъ возьми! они, эти добрые буржуа. эти превосходные нѣмецкіе патріоты такъ почитаютъ это великое католическое, императорское и феодальное прошлое Германіи? Черпаютъ-ли они. подобно потомкамъ гражданъ Итальянскихъ городовъ. въ XII. XIII, XIV и XV

вѣкахъ, въ этомъ прошломъ, память о быломъ могуществѣ, о свободѣ ума, о славѣ буржуазіи? Была-ли тогда буржуазія, или, говоря вообще, нѣмецкій народъ менѣе, чѣмъ теперь, закрѣпощенъ, менѣе угнетенъ своими князьями-деспотами и своимъ наслѣдственнымъ дворянствомъ? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, было гораздо хуже чѣмъ теперь. Но въ такомъ случаѣ, что хотятъ отыскать въ прошедшихъ вѣкахъ эти нѣмецкіе ученые буржуа? Могущество своего государя, и только. Это—честолюбіе лакеевъ. Могущество государя и свобода—синонимы для нѣмецкой буржуазіи. Она никогда иначе не понимала свободу, да и не желала никакой иной. Она живетъ въ своемъ рабскомъ состояніи, спокойная и счастливая, какъ крыса въ сыру, но ей хочется, чтобы сыръ былъ побольше. Начиная съ 1815 года до нашихъ дней она желала только одного; но этого одного она добивалась со страстнымъ, энергичнымъ упорствомъ, достойнымъ лучшей цѣли. Она желала чувствовать себя подъ властью могучаго господина, пусть онъ будетъ даже свирѣпый и жестокій деспотъ, лишь бы онъ далъ ей въ награду за преподнесенное ему рабство то, что она цѣнитъ превыше всего и что называетъ своимъ національнымъ величіемъ, лишь бы онъ заставилъ во имя нѣмецкой культуры трепетать всѣ народы, включая сюда и народъ нѣмецкій.

Мнѣ говорятъ, что буржуазія всѣхъ странъ выражаетъ въ данное время тѣ же стремленія, что, перепуганная, она повсюду спѣшитъ укрыться подъ покровительство военной диктатуры, своего послѣдняго прибѣжища отъ все болѣе и болѣе угрожающихъ выступленій пролетаріата. Слѣдовательно, она отказывается отъ своей свободы во имя спасенія своего кошелька, и отказывается отъ своего права, чтобы спасти привилегіи, что буржуазный либерализмъ во всѣхъ странахъ существуетъ лишь по имени и есть не что иное, какъ обманъ.

Да, это вѣрно. Но, по крайней мѣрѣ, итальянскій, швейцарскій, голландскій, бельгійскій, англійскій и французскій буржуазный соціализмъ дѣйствительно существовалъ, между тѣмъ какъ либерализма германской буржуазіи никогда и не существовало. Ни одного слѣда его вы не отыщете ни до, ни послѣ Реформаціи.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НѢМЕЦКАГО ЛИБЕРАЛИЗМА *).

XXX.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ГЕРМАНІЯ.

Гражданская война, столь пагубная для могущества государствъ, наоборотъ, именно вслѣдствіе этого разрушительнаго дѣйствія на государство, всегда благопріятна для пробужденія народной иниціативы, а также для умственнаго, нравственнаго и даже матеріальнаго развитія народовъ Причина этого весьма проста; необходимость, за отсутствіемъ руководства свыше, самимъ устраивать свою судьбу нарушаетъ въ массѣ ихъ бараньи сноровки, столь драгоцѣнныя для всѣхъ правительствъ и дающія послѣднимъ возможность пасти и стричь народное стадо, какъ имъ заблагоразсудится. Гражданская война нарушаетъ животное однообразіе ихъ ежедневнаго, машинальнаго существованія, лишеннаго мысли, и, заставивъ ихъ призадуматься надъ междуусобными распрями князей или партій, оспаривающихъ другъ у друга право притѣснять и эксплуатировать ихъ, приводитъ ихъ чаще всего если не къ сознательному, то по крайней мѣрѣ инстинктивному уясненію себѣ той глубокой истины, что права однихъ изъ нихъ такъ же неосновательны, какъ и права другихъ, и что ихъ намѣренія одинаково неблаговидны. А какъ только дремавшая дотолѣ мысль пробудится на этомъ пунктѣ, она неизбѣжно реагируетъ и на всѣ другіе. Народный умъ приходитъ въ движеніе, сбрасываетъ свою вѣковую неподвижность, преступая границы машинальной вѣры, освобождаясь изъ-подъ ига традиціонныхъ и окаменѣлыхъ представленій и понятій, занимавшихъ у него мѣсто всякой мысли, онъ подвергаетъ всѣхъ своихъ вчерашнихъкумировъ строгой, страстной критикѣ, направляемой его здравымъ смысломъ и его честной совѣстью, которые зачастую яснѣе видятъ и вѣрнѣе ведутъ къ цѣли, чѣмъ изощренные наукой доктринерскіе умы присяжныхъ политиковъ. Такъ пробуждается народный умъ. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ ума пробуждается и священный инстинктъ возмущенія, присущій человѣку, источникъ всякаго освобожденія, и одновременно подымаются его нравственность и его матеріальный уровень, братья-близнецы свободы. Эта благодѣтельная для народа свобода находитъ опору и черпаетъ воодушевленіе въ самой гражданской

*) Заголовокъ, сдѣланный Бакунинымъ.

войнѣ, которая, разъединяя его притѣснителей, его эксплуататоровъ, его наставниковъ и его господъ, неизбѣжно уменьшаетъ зловредное могущество тѣхъ и другихъ. Когда господа раздираютъ другъ друга, бѣдный народъ, освободившись, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ однообразія общественнаго строя, или лучше сказать, отъ окаменѣлой системы беззаконія и насилія, навязанныхъ ему ненавистной властью подъ именемъ общественнаго строя, можетъ дышать свободнѣе. Потомъ враждебныя партіи, ослабленныя разъединеніемъ и борьбой, нуждаются въ симпатіи массъ для побѣды одной надъ другой. За народомъ начинаютъ ухаживать, заискиваютъ у него, преклоняются передъ нимъ. Дѣлаютъ ему всевозможныя посулы, и когда народъ достаточно уменъ, чтобы неудовольствоваться одними посулами, ему дѣлаютъ всевозможныя существенныя уступки, политическія и матеріальныя. И если въ такое смутное время онъ не съумѣетъ добыть себѣ свободу, то винить въ этомъ долженъ себя самого.

Такимъ путемъ, какой только что описанъ или болѣе или менѣе сходнымъ съ нимъ шло освобожденіе городскихъ средневѣковыхъ общинъ въ Западной Европѣ. По тѣмъ пріемамъ, съ помощью которыхъ они освобождались, и въ особенности, по тѣмъ политическимъ, духовнымъ и соціальнымъ послѣдствіямъ, которыя они умѣли извлечь изъ своего освобожденія, можно судить объ ихъ умѣ, о господствующихъ стремленіяхъ и присущемъ имъ національномъ темпераментѣ.

Такъ, уже въ концѣ XI вѣка мы застаемъ въ Италіи значительный разцвѣтъ ея муниципальныхъ свободъ, ея торговли и ея зарождающихся искусствъ. Итальянскіе города умѣютъ извлекать выгоду изъ борьбы императоровъ съ папами, начатой съ цѣлью покорить Италію. Въ этомъ же вѣкѣ во Франціи и въ Англіи достигаетъ широкаго распространенія схоластическая философія, и какъ слѣдствіе этого перваго пробужденія мысли и этого перваго неясно выраженнаго возмущенія разума противъ вѣры, мы видимъ на югѣ Франціи зарожденіе ереси вальдейцевъ. Въ Германіи-же ничего. Она трудится, молится, поетъ, строитъ свои храмы, высшее выраженіе его грубой и наивной вѣры, и безропотно повинуется своимъ священникамъ, своимъ дворянамъ, своимъ принцамъ и своему императору, которые угнетаютъ и грабятъ ее безъ всякаго стыда и жалости.

Въ XII вѣкѣ образуется великая лига независимыхъ и свободныхъ городовъ Италіи, союзъ организованный противъ

Императора и противъ Папы. На ряду съ завоеваніемъ политической свободы естественно наблюдается пробужденіе и возмущеніе политическаго ума. Мы видимъ великаго Арно де-Брешіа, сожженнаго въ Римѣ за ересь въ 1155 году. Во Франціи сжигаютъ Петра de-Bruys и преслѣдуютъ Абеляра; но что еще зажнѣе, возникаетъ истинно-народная и революціонная ересь Альбигойцевъ, направленная противъ владычества Папы, священниковъ и феодальныхъ сеньоровъ. Преслѣдуемые бѣгутъ во Францію, въ Бельгію, даже въ Болгарію, но только не въ Германію. Въ Англіи король Генрихъ I Beauclerc принужденъ подписать хартію, основаніе всѣхъ послѣдующихъ свободъ. Среди этого движенія лишь одна вѣрная Германія остается неподвижна и безгласна. Ни одной мысли, ни одного движенія, которыя бы указывали на пробужденіе независимой воли или какого-либо стремленія въ народѣ. На протяженіи долгихъ столѣтій заслуживаютъ быть отмѣченными только два факта, созданіе двухъ новыхъ рыцарскихъ орденовъ: ордена Тевтонскихъ Крестоносцевъ и ордена Ливонскихъ Меченосцевъ. На эти ордена была возложена миссія уготовать величіе и могущество будущей кнуто-германской имперіи, путемъ проникнутой католицизмомъ и германизмомъ пропаганды въ Сѣверной и Сѣверо-Восточной Европѣ. Всѣмъ извѣстна обычная и неизмѣнная метода, которую пускали въ ходъ эти милые проповѣдники Христова Евангелія для обращенія въ христіанство и германизированія славянскихъ, варварскихъ и языческихъ народностей. Характерно, что это та же самая метода, которую ихъ достойные преемники употребляютъ въ данное время, чтобы м о р а л и з о в а т ь, ц и в и л и з о в а т ь и г е р м а н и з и р о в а т ь Францію; эти три разные глаголы, въ устахъ нѣмецкихъ патріотовъ, оказываются синонимами: на практикѣ же они означаютъ частное и массовое избіеніе, пожаръ, грабежъ, насиліе, разореніе одной части населенія и порабощеніе остальной. Въ завоеванныхъ странахъ, вокругъ окопаннаго лагеря этихъ вооруженныхъ цивилизаторовъ, слагались постепенно нѣмецкіе города, съ неизбѣжнымъ епископомъ, благословляющимъ всѣ совершонныя или предполагаемыя покушенія этихъ благородныхъ разбойниковъ: вмѣстѣ съ епископомъ появилась цѣлая свора священниковъ, силой крестившая бѣдныхъ язычниковъ, избѣгнувшихъ избіенія, которыхъ потомъ принуждали строить храмы. Руководимые благочестивыми намѣреніями, пребывали наконецъ добрые нѣмецкіе буржуа, смирен-

ные рабол'Ѣпные, подло почтительные по отношенію къ благородному рыцарству, падающіе ницъ передъ всѣми установленными властями, политическими и религіозными, однимъ словомъ, преклоняющіеся земно передъ всѣмъ, что представляло изъ себя какую-либо силу, но до крайности жестокіе, преисполненные презрѣнія и ненависти къ побѣжденному туземному населенію. Къ этому еще нужно прибавить, что буржуазные выходцы соединяли съ этими полезными, хотя и неблагородными качествами, практическій умъ, рѣдкое упорство въ трудѣ и поразительную плодовитость; все это вмѣстѣ взятое дѣлало этихъ трудолюбивыхъ паразитовъ очень опасными для независимости и цѣлости національнаго характера даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ они водворились не по праву завоеванія, но изъ милости, какъ напримѣръ въ Польшѣ. Вотъ такимъ-то образомъ, оказались германизированными въ одинъ прекрасный день Восточная и Западная Пруссія и часть великаго герцогства Познанскаго. Другое дѣло нѣмцевъ, совершенное въ этомъ вѣкѣ, было насажденіе римскаго права, произведенное, конечно, не по народной иниціативѣ, а спеціальной волей императоровъ, которые, покровительствуя и способствуя изученію Пандектовъ, составленныхъ Юстиніаномъ, заложили основаніе современнаго абсолютизма.

Въ XIII вѣкѣ, казалось, начинаетъ пробуждаться наконецъ нѣмецкая буржуазія. Война Гвельфовъ съ Гибелинами, продолжавшаяся около столѣтія, внесла диссонансъ въ ея пѣсни и мечты и, наконецъ, вывела ее изъ благочестивой летаргіи. Начало было недурно. Слѣдуя, несомнѣнно, примѣру итальянскихъ городовъ, у которыхъ были обширныя коммерческія сношенія со всей Германіей, болѣе шестидесяти нѣмецкихъ городовъ образовываютъ торговую и по необходимости политическую, грозную лигу, знаменитый Ганзейскій Союзъ.

Еслибы нѣмецкая буржуазія обладала инстинктомъ свободы, хотя бы зачаточнымъ, единственно возможнымъ въ тѣ отдаленныя времена, она могла бы завоевать свою независимость и утвердить свое политическое могущество даже въ XIII вѣкѣ, какъ это сдѣлала гораздо раньше итальянская буржуазія. Притомъ политическое положеніе нѣмецкихъ городовъ въ эту эпоху очень походило на положеніе итальянскихъ городовъ, съ которыми они были вдвойнѣ связаны, какъ антогонизмомъ со Священной Имперіей, такъ и болѣе существенными торговыми отношеніями.

Подобно республиканскимъ городамъ Италіи, нѣмецкіе города могли разсчитывать только на самихъ себя. Они не могли, какъ французскія общины, опираться на возрастающее могущество монархической централизаціи; власть императоровъ, зависѣвшая гораздо больше отъ ихъ личныхъ способностей и отъ ихъ личнаго вліянія, чѣмъ отъ политическихъ учрежденій, и измѣнявшаяся въ зависимости отъ перемѣны лицъ, никогда не могла упрочиться и утвердиться въ Германіи. Притомъ всегда занятые итальянскими дѣлами и своей нескончаемой борьбой противъ Папъ, императора проводили три четверти своего времени внѣ Германіи. Вслѣдствіе этой двойной причины, могущество императоровъ, всегда непрочное и оспариваемое, не могло представить изъ себя, подобно могуществу французскихъ королей, серьезную и достаточную опору для освобожденія общинъ.

Нѣмецкіе города также не смогли, подобно англійскимъ общинамъ, вступить въ союзъ съ земельной аристократіей противъ императорской власти, чтобъ потребовать свою часть политической свободы: владѣтельные дома и все феодальное нѣмецкое дворянство, въ противоположность англійской аристократіи, всегда отличалось полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла. Это былъ просто сбродъ грубыхъ разбойниковъ, жестокихъ, глупыхъ, невѣжественныхъ, любящихъ только жестокую и грабительскую войну, преданныхъ разврату и пьянству. Они только и умѣли, что нападать на городскихъ купцовъ на большихъ дорогахъ, или же грабили самые города, когда чувствовали себя достаточно сильными для этого, но отнюдь не умѣли понять пользы союза съ этими послѣдними.

Нѣмецкіе города, въ дѣлѣ защиты себя отъ притѣсненій и грабежа императоровъ, владѣтельныхъ принцевъ и дворянъ, могли разсчитывать только на свои собственныя силы и на силу союза. Но чтобы этотъ союзъ, бывшій почти исключительно союзомъ коммерческимъ, могъ оказать имъ достаточное покровительство, было необходимо, чтобы онъ принялъ характеръ и значеніе явно политическаго союза: чтобы онъ вошелъ какъ признанная и значительная сила въ государственную систему и чтобы имперія считалась съ нимъ какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ своихъ дѣлахъ.

Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали этому. Могущество имперіи было значительно ослаблено борьбой Гибелиновъ и Гвельфовъ: и ничто не мѣшало ганзейскимъ городамъ

придать своему союзу политическій характеръ, характеръ грознаго коллективнаго могущества, способнаго привести въ трепетъ всѣхъ коронованныхъ и не коронованныхъ грабителей. Они имѣли возможность сдѣлать даже больше: пользуясь болѣе или менѣе фиктивнымъ союзомъ между Италіей и Германіей, именуемымъ Священной Имперіей, нѣмецкіе города могли бы объединиться, или образовать федерацію съ итальянскими городами, какъ они заключили союзъ съ фламандскими городами, а позднѣе даже съ нѣкоторыми польскими городами; само-собой разумѣется, они должны бы были это сдѣлать не на исключительно нѣмецкихъ началахъ, но на началахъ широко интернаціональныхъ; и кто знаетъ, такой союзъ, присоединившій къ національной силѣ нѣмцевъ немного тяжеловѣсной и грубой, умъ, политическія способности и любовь къ свободѣ, свойственные итальянцамъ, не придалъ ли бы онъ политическому и соціальному развитію Запада совершенно иное направленіе, несравненно болѣе благопріятное для цивилизаціи всего міра Одна только большая невыгода могла явиться слѣдствіемъ подобнаго союза, это—образованіе новаго политическаго міра, могучаго и свободнаго, внѣ земледѣльческихъ массъ и, слѣдовательно, направленнаго противъ нихъ. При подобной политической комбинаціи, итальянскіе и германскіе крестьяне были бы предоставлены болѣе, чѣмъ когда-либо произволу феодальныхъ сеньоровъ, такъ какъ муниципальная организація городовъ всегда имѣла своимъ слѣдствіемъ рѣзкое отдѣленіе крестьянъ отъ буржуа и отъ рабочихъ, въ Италіи такъ же, какъ и въ Германіи.

Но перестанемъ мечтать за этихъ добрыхъ нѣмецкихъ буржуа! Они сами мечтаютъ достаточно; бѣда только въ томъ, что никогда свобода не была предметомъ ихъ мечтаній. У нихъ никогда не было, ни тогда, ни послѣ, необходимаго умственнаго и нравственнаго предрасположенія постичь, полюбить, пожелать и создать свободу. Всегда имъ было чуждо стремленіе къ независимости. Самая мысль о протестѣ и возмущеніи внушаетъ имъ страхъ и отвращеніе Возмущеніе несовмѣстимо съ ихъ покорнымъ и терпѣливымъ характеромъ, съ ихъ мирно и покорно трудолюбивыми привычками, съ ихъ благоразумнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ мистическимъ культомъ власти Можно сказать, что нѣмецкіе буржуа являются на свѣтъ съ шишкой почтенія, общественнаго порядка и послушанія. Съ такими предрасположеніями не добудешь свободу

никогда, даже если она сама падаетъ въ ровъ, и останется рабомъ навсегда!

Такъ обстояло дѣло съ лигой Ганзейскихъ городовъ. Она никогда не выходила за предѣлы умѣренности и благоразумія, добиваясь только трехъ вещей: чтобъ ей предоставили мирно богатѣть съ помощью ея промышленности и торговли: чтобъ признали ея внутреннюю организацію и судопроизводство: чтобъ не требовали отъ нея слишкомъ огромныхъ денежныхъ пожертвованій, взамѣнъ оказываемыхъ ей покровительства и снисходительности. Что касается общихъ дѣлъ имперіи, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, то нѣмецкая буржуазія охотно предоставляла исключительную заботу объ этомъ «важнымъ господамъ» (den grossen Herren), будучи сама слишкомъ скромною, чтобы въ нихъ вмѣшиваться.

Подобная политическая умѣренность является характернымъ признакомъ для націи, процессъ интеллектуальнаго и соціальнаго развитія которой совершается крайне медлительно.

И дѣйствительно, мы видимъ, что въ продолженіе всего XIII вѣка нѣмецкій умъ, несмотря на значительное коммерческое и промышленное движеніе, абсолютно ничего не произвелъ. Въ этомъ же самомъ вѣкѣ въ Парижскомъ университетѣ, несмотря на короля и папу, уже преподавалась доктрина, смѣлость которой могла бы привести въ ужасъ нашихъ метафизиковъ и нашихъ теологовъ, утверждающая, напримѣръ, что міръ, будучи вѣчнымъ, не могъ быть сотворенъ; отрицающая безсмертіе души и свободную волю. Въ Англіи мы встрѣчаемъ великаго монаха, Рожера Бакона, предшественника современной науки и истиннаго изобрѣтателя компаса и пороха, хотя нѣмцамъ и очень хотѣлось бы приписать себѣ это послѣднее изобрѣтеніе, какъ провиденціальное предопредѣленіе военнаго могущества. Въ Италіи писалъ Дантъ. Въ Германіи же полная умственная спячка.

Въ XIV вѣкѣ Италія уже обладаетъ цѣнной національной литературой: Дантъ, Петрарка, Боккаччіо; на политической аренѣ фигурируютъ такія силы, какъ Ріенци и Миттель Ландо, рабочій-чесальщикъ изъ Флоренціи. Во Франціи—общины, представленныя въ Генеральныхъ Штатахъ, ясно опредѣляютъ свой политическій характеръ, поддерживая королевскую власть противъ аристократіи и папы.

Это также вѣкъ Жакеріи, этого перваго возстанія французской деревни, воспоминаніе о которомъ должно будить энтузіазмъ въ сердцахъ искреннихъ соціалистовъ, подобно тому, какъ оно будитъ презрѣніе и ненависть въ сердцахъ дворянъ и буржуа. Въ Англіи начинаетъ свою проповѣдь Жанъ Виклефъ, истинный инициаторъ религіозной реформаціи Въ Ботеміи, славянской странѣ, имѣвшей несчастіе сдѣлаться частью германской имперіи, мы находимъ въ народныхъ массахъ, среди крестьянъ, такую интересную и симпатичную секту, какъ Фратричелли, которые въ распрѣ между небеснымъ деспотомъ и сатаной дерзаютъ брать сторону сатаны, этого духовнаго главы всѣхъ революціонеровъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ; истиннаго творца человѣческаго освобожденія, по свидѣтельству Библіи; отрицателя небесной имперіи, подобно тому, какъ мы являемся отрицателями всѣхъ земныхъ имперій; создателя свободы: того, кого Прудонъ въ своей книгѣ о Справедливости реабилитируетъ съ такимъ неподражаемымъ краснорѣчіемъ Fratricelli приготовили почву для революціи Гусса и Жижки.—Наконецъ, въ этомъ вѣкѣ зарождается швейцарская свобода.

Возстаніе нѣмецкихъ кантоновъ Швейцаріи противъ деспотизма дома Габсбурговъ—фактъ, такой противорѣчащій національному духу Германіи, что онъ своимъ необходимымъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ имѣлъ основаніе новой швейцарской націи, крещенной во имя возмущенія и свободы и, какъ таковой, съ тѣхъ поръ отдѣленной отъ германской имперіи непроходимой пропастью.

Нѣмецкіе патріоты любятъ повторять вмѣстѣ съ знаменитой пангерманской пѣсенкой Арндта, что «ихъ отечество простирается дотолѣ, доколѣ звучитъ ихъ языкъ, возносящій хвалы Господу».

So weit die deutsche Zunge klingt,
Und Gott im Himmel Lieder singt!

Еслибъ они больше согласовались съ господствующимъ духомъ ихъ исторіи, чѣмъ съ внушеніями ихъ всякой фантазіи, они должны были бы сказать, что ихъ отечество простирается на столько, на сколько господствуетъ рабство народовъ и что оно кончается тамъ, гдѣ начинается свобода.

Не только Швейцарія, но и города Фландріи, хотя и связанные съ германскими городами матеріальными интересами, интересами возрастающей и развивающейся торговли,

и несмотря на то, что они составляли часть ганзейскаго союза, начиная именно съ этого вѣка стремятся отдалиться все болѣе и болѣе отъ городовъ германскихъ подъ вліяніемъ того же самаго духа свободы.

Въ Германіи, на протяженіи всего этого вѣка, при все возрастающемъ матеріальномъ благополучіи, не замѣчается ни малѣйшаго умственнаго или соціальнаго движенія. Въ политикѣ заслуживаютъ быть отмѣченными только два факта; первый, это—указъ имперскихъ принцевъ, которые, подражая примѣру французскихъ королей, объявляютъ, что имперія должна быть независима отъ папы и что выше императора одинъ только Богъ; и второй—обнародованіе знаменитой Золотой Буллы Этими актами заканчивается организаціонный періодъ имперіи и учреждается институтъ семи принцевъ избирателей, въ честь семи подсвѣчниковъ апокалипсическихъ.

XXXI.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Наконецъ, мы въ XV вѣкѣ. Это вѣкъ Возрожденія. Италія въ полномъ расцвѣтѣ. Во всеоружіи вновь открытой философіи античной Греціи, она разбиваетъ мрачную темницу, въ которой въ продолженіе пяти вѣковъ католицизмъ держалъ заключеннымъ человѣческій духъ. Падаетъ вѣра, зарождается свободная мысль. Это—блестящая и радостная заря человѣческой эмансипаціи. Подъ небомъ свободной Италіи родятся безъ счету независимые и смѣлые мыслители. Сама церковь становится тамъ языческой; папы и кардиналы, презирая св. Павла, поклоняются Аристотелю и Платону, проникаются матеріалистической философіей Эпикура и, забывъ христіанскаго Юпитера, клянутся только Бахусомъ и Венерой, что не мѣшаетъ имъ однако, время отъ времени, преслѣдовать свободныхъ мыслителей, увлекательная пропаганда которыхъ угрожаетъ уничтожить вѣру народныхъ массъ, этого источника ихъ могущества и ихъ доходовъ. Горячій и знаменитый проповѣдникъ новой вѣры, религіи человѣчества, Пикъ-де-Мирандоль, умершій такимъ молодымъ, особенно навлекаетъ на себя громы Ватикана.

Во Франціи и въ Англіи—застой. Первая половина этого вѣка занята глупой и безсмысленной войной, начавшейся

изъ-за самолюбія англійскихъ королей и, не спросясь разума, поддержанной англійской націей; войной, отодвинувшей на цѣлый вѣкъ назадъ Англію и Францію. Какъ пруссаки въ настоящее время, англичане XV вѣка хотѣли разорить Францію. Они даже овладѣли Парижемъ, — что при всемъ ихъ желаніи нѣмцамъ еще не удалось сдѣлать до сихъ поръ, — и сожгли Жанну д'Аркъ въ Руанѣ, какъ нѣмцы теперь вѣшаютъ добровольцевъ-стрѣлковъ. Наконецъ, они были изгнаны изъ Парижа и изъ Франціи, чѣмъ — будемъ надѣяться — окончится и нѣмецкое нашествіе.

Во второй половинѣ XV вѣка во Франціи мы видимъ зарожденіе истиннаго королевскаго деспотизма, чему усиленно способствовала эта война. Это — эпоха Людовика XI. грубаго мужика, подъ стать Вильгельму I съ его Бисмарками и Мольтке, основателя бюрократической и военной централизаціи Франціи, строителя Государства Онъ благоволитъ еще иногда опираться на своекорыстныя симпатіи своей мелкой буржуазіи, которая съ удовольствіемъ смотритъ, какъ король рубитъ родовитыя и гордыя головы своихъ феодальныхъ сеньоровъ, но буржуазія уже чувствуетъ по манерѣ, съ какой онъ обращается съ ней, что, еслибъ она не захотѣла поддерживать его, онъ сумѣлъ бы ее принудить къ тому. Всякая независимость, со стороны ли двора или со стороны буржуазіи, духовная или свѣтская, ему одинаково ненавистна. Онъ уничтожаетъ остатки феодальнаго строя и рыцарство и учреждаетъ для дворянства военные ордена. Онъ облагаетъ налогами свои вѣрные города по своему усмотрѣнію и диктуетъ свою волю Генеральнымъ Штатамъ Онъ наконецъ запрещаетъ читать номиналистовъ и предписываетъ чтеніе реалистовъ*). Но все же, несмотря на такое суровое притѣсненіе, Франція въ концѣ XV вѣка порождаетъ Рабле, истинно-народнаго генія, глубоко одареннаго духомъ возмущенія, который характеризуетъ собою вѣкъ Возрожденія.

Въ Англіи, несмотря на ослабленіе народнаго духа, который является естественнымъ слѣдствіемъ гнусной войны, веденной съ Франціей, мы видимъ въ продолженіе всего XV вѣка учениковъ Виклефа, проповѣдующихъ, несмотря на жестокія гоненія, доктрину своего учителя, и приготовляющихъ такимъ образомъ почву для религіозной революціи, разразившейся вѣкомъ позже. Въ то

*) Номиналисты, матеріалисты, насколько могли ими быть, схоластическіе философы, не признававшіе реальности отвлеченныхъ идей. реалисты, наоборотъ, правовѣрные мыслители, поддерживали реальное бытіе этихъ идей

же время путемъ индивидуальной пропаганды, невидной на поверхности но тѣмъ не менѣе жизненной, въ Англіи такъ же, какъ и во Франціи, свободный духъ Возрожденія стремится создать новую философію Фламандскіе города, влюбленные въ свою свободу и сильные своимъ богатствомъ, создаютъ самостоятельное значеніе въ наукѣ и искусствѣ, все болѣе и болѣе отдѣляясь отъ Германіи.

Что касается Германіи, то мы видимъ, что она спитъ крѣпкимъ сномъ въ продолженіе всей первой половины этого вѣка. И однако, въ нѣдрахъ имперіи и въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Германіей произошелъ фактъ огромной важности, котораго было бы достаточно, чтобы вывести изъ оцѣпененія всякую другую націю. Я хочу сказать о религіозномъ возстаніи Іоанна Гусса великаго славянскаго реформатора

XXXII.

ГУССЪ И ТАБОРИТЫ

Съ чувствомъ глубокой симпатіи и братской гордости думаю я объ этомъ великомъ національномъ движеніи славянскаго народа! Это было больше чѣмъ религіозное движеніе, это былъ громкій протестъ противъ нѣмецкаго деспотизма, противъ феодально-буржуазной цивилизаціи нѣмцевъ; это было возстаніе древней славянской общины противъ нѣмецкаго Государства.

Два великихъ славянскихъ возстанія имѣли мѣсто уже въ XI вѣкѣ: первое противъ благочестивыхъ насилій бравыхъ тевтонскихъ рыцарей, предковъ современныхъ прусскихъ юнкеровъ. Славянскіе повстанцы сожгли тогда всѣ церкви и истребили всѣхъ священниковъ. Они вполнѣ справедливо ненавидѣли христіанство, представшее предъ ними въ самой своей отвратительной формѣ: подъ личиной храбраго рыцаря, добродѣтельнаго священника и честнаго буржуа, всѣхъ троихъ —чистокровныхъ нѣмцевъ, и, какъ таковыхъ, представителей власти прежде всего, представителей грубаго, жестокаго, высокомѣрнаго гнета. Второе возстаніе было спустя тринадцать лѣтъ, въ Польшѣ. Это было первымъ и единственнымъ чисто польскимъ крестьянскимъ возстаніемъ Оно было подавлено королемъ Казимиромъ. Вотъ каково сужденіе объ этомъ событіи великаго польскаго историка. Лелевеля, въ патріотиз-

мѣ котораго и даже въ извѣстной любви къ классу, называемому имъ „благородная демократія" (la démocratie nobiliaire) никто не можетъ усумниться:

«Возстаніе Мазлава (предводителя Мазовецкихъ крестьянъ-повстанцевъ) было народнымъ движеніемъ, опиравшимся на язычество, которому Казимиръ противопоставилъ силу аристократіи, уже приверженной христіанству» (т. е. германизированной)». Далѣе онъ прибавляетъ. «Несомнѣнно, на это бѣдственное событіе нужно смотрѣть какъ на побѣду, одержанную надъ низшими классами, судьба которыхъ могла вслѣдствіе этого только ухудшиться. Порядокъ былъ возстановленъ, но политическій курсъ съ тѣхъ поръ круто повернулъ къ невыгодѣ низшихъ классовъ». Исторія Польши Іоахима Лелевеля. Т. II стр. 19).

Богемія позволила германизировать себя еще болѣе, чѣмъ Польша: какъ и эта послѣдняя, она никогда не была завоевана нѣмцами, но она допустила ихъ глубоко развратить себя Ставъ членомъ Священной имперіи, со времени ея основанія какъ государства, она на бѣду никогда не могла освободиться отъ нея и приняла всѣ ея клерикальныя, феодальныя и буржуазныя учрежденія Города и дворянство Богеміи частью германизировались: дворянство, буржуазія и духовенство, не будучи нѣмцами по рожденію, превратились въ нихъ, благодаря крещенію, воспитанію и своему политическому и соціальному положенію. Одни Богемскіе крестьяне долго противились этой нѣмецкой проказѣ, не признавая власти ни феодаловъ ни священниковъ, пока въ концѣ концовъ все-таки палимыхъ жертвами, сохранивъ только въ глубинѣ души ихъ инстинктивную, необыкновенную воспріимчивость ко всѣмъ народнымъ ересямъ. Такъ, мы видѣли, что въ XII вѣкѣ по Богеміи распространилась ересь Вальдейцевъ; въ XIV в. — ересь Фратричелли; а къ концу этого вѣка на очереди стояла ересь Виклефа, сочиненія котораго переведены были на богемскій языкъ. Всѣ эти ереси стучались также и въ двери Германіи: прежде чѣмъ добраться до Богеміи, онѣ должны были пройти черезъ всю Германію. Но въ нѣдрахъ нѣмецкаго народа онѣ не встрѣтили ни малѣйшаго отзвука. Неся въ себѣ всѣ элементы возмущенія, онѣ проскользнули безслѣдно по ея поверхности, не проникнувъ въ глубину, не затронувъ ея, даже не нарушивъ ея глубокаго сна. Но зато всѣ онѣ находили благопріятную почву въ Богеміи, народъ которой, порабощенный, но не гер-

манизированный, проклиналъ отъ всего сердца и это рабство и всю феодально-буржуазную цивилизацію нѣмцевъ. Этимъ объясняется, почему на пути религіознаго протестантизма чешскій народъ опередилъ на цѣлый вѣкъ народъ нѣмецкій.

Однимъ изъ первыхъ проявленій этого религіознаго движенія въ Богеміи было массовое изгнаніе всѣхъ нѣмецкихъ профессоровъ изъ Пражскаго университета, ужасное преступленіе, которое нѣмцы никогда не могли простить чешскому народу. И однако, если присмотрѣться ближе, придется согласиться, что этотъ народъ имѣлъ тысячи причинъ для того, чтобъ изгнать этихъ дипломированныхъ раболѣпныхъ развратителей славянскаго юношества. Вспомните только: за исключеніемъ очень короткаго періода, приблизительно около тридцати пяти лѣтъ, между 1813 и 1848 г., когда дерзкій либерализмъ, включая сюда даже французскій демократизмъ, контрабандой проскользнулъ и утвердился въ нѣмецкихъ университетахъ въ лицѣ двухъ-трехъ десятковъ знаменитыхъ ученыхъ, проникнутыхъ искреннимъ либерализмомъ, чѣмъ были нѣмецкіе профессора до этой эпохи и чѣмъ они сдѣлались вновь подъ вліяніемъ реакціи 1849 года? Они были и остались льстецами всѣхъ властей, профессорами низкопоклонства. Происходя изъ нѣмецкой буржуазіи, они являются добросовѣстными выразителями ея стремленій и ея духа. Ихъ наука—вѣрное выраженіе рабской совѣсти. Это—идеальное освященіе историческаго рабства

Нѣмецкіе профессора XV вѣка въ Прагѣ были, по крайней мѣрѣ, такъ же раболѣпны и такіе же лакеи, какъ и современные профессора Германіи. Эти душой и тѣломъ преданы Вильгельму I, свирѣпому будущему государю кнуто-германской Имперіи. Тѣ были заранѣе раболѣпно преданы всѣмъ императорамъ, которыхъ соблаговолили бы выбрать семь германскихъ апокалиптическихъ принцевъ-избирателей для Священной Германской Имперіи. Ихъ мало интересовало, кто былъ государемъ, былъ бы только государь; общество безъ господина казалось имъ чудовищной аномаліей, возмущавшей ихъ буржуазно-германское воображеніе. Это было, по ихъ мнѣнію, ниспроверженіемъ германской цивилизаціи.

Притомъ, какія науки преподавались ими, этими нѣмецкими профессорами XV вѣка? Католическо-римская теологія и кодексъ Юстиніана, два орудія деспотизма Прибавьте сюда схоластическую философію, и это въ ту эпоху, когда, оказавъ

въ прошедшіе вѣка несомнѣнныя услуги освобожденію духа, она остановилась и застыла въ своемъ окаменѣломъ педантизмѣ; въ то время, когда новая мысль, предвозвѣстница современной науки била, уже живой струей въ университетахъ Италіи. Прибавьте сюда немного варварской медицины, преподаваемой какъ и все остальное на латинскомъ языкѣ, котораго не понялъ бы ни одинъ римлянинъ, и вы получите весь научный багажъ этихъ профессоровъ. Стоило ли держать ихъ ради этого? Тѣмъ болѣе, что кромѣ развращенія юношества своимъ преподаваніемъ и своимъ раболѣпнымъ примѣромъ, они еще были очень дѣятельными, очень усердными агентами этого рокового дома Габсбурговъ, который смотрѣлъ на Богемію, какъ на свое достояніе.

Іоаннъ Гуссъ и Іеронимъ Пражскій, его другъ и ученикъ, много способствовали ихъ изгнанію. Характерно, что, когда императоръ Сигизмундъ, нарушивъ данный имъ лично пропускъ, велѣлъ ихъ сперва осудить Констанцскимъ Соборомъ, потомъ обоихъ сжечь, одного въ 1415 году, другого въ 1416 году, передъ лицомъ всей Германіи при огромномъ стеченіи нѣмцевъ, съѣхавшихся издалека для присутствія при этомъ зрѣлищѣ, ни одинъ нѣмецкій голосъ не поднялся, чтобы протестовать противъ этого беззаконія и гнусной жестокости. Нужно было ждать еще сто лѣтъ, чтобъ Лютеръ реабилитировалъ въ Германіи память этихъ двухъ великихъ славянскихъ реформаторовъ и мучениковъ.

Но если нѣмецкій народъ, вѣроятно еще дремавшій и грезившій, оставилъ безъ протеста это ужасное преступленіе, то чешскій народъ отвѣтилъ на него грозной революціей. Поднялся великій, ужасный Жижка, этотъ герой, этотъ мститель народный, память о которомъ, какъ обѣтъ грядущаго, еще живетъ въ нѣдрахъ Богемской деревни.—и во главѣ своихъ Таборитовъ, обойдя всю Богемію, сжегъ церкви, уничтожилъ священниковъ и смелъ всю императорскую или нѣмецкую сволочь, что тогда означало одно и то же, потому что всѣ Богемскіе нѣмцы были сторонниками Императора Вслѣдъ за Жижкой, Прокопъ наполнилъ ужасомъ сердце нѣмцевъ. Сами Пражскіе буржуа, разумѣется безконечно болѣе умѣренные, чѣмъ крестьяне—Гусситы, заставили выпрыгнуть изъ окна, по древнему обычаю этой страны, сторонниковъ императора Сигизмунда (въ 1419 г.), когда этотъ подлый клятвопреступникъ, этотъ убійца Іоанна Гусса и Іеронима

Пражскаго, имѣлъ безстыдство и циничную наглость выставить себя, какъ претендента на освободившуюся Богемскую корону. Примѣръ достойный подражанія! Примѣръ того, какъ слѣдуетъ обращаться друзьямъ всеобщаго освобожденія со всѣми, кому вздумается предстать передъ народными массами въ качествѣ официальной власти, подъ какой бы то ни было маской, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ!

Въ продолженіе семнадцати лѣтъ подрядъ эти грозные Табориты, живущіе между собою въ братскомъ согласіи, разбивали всѣ Саксонскія, Франконскія, Баварскія, Рейнскія и Австрійскія войска, которыхъ императоръ и папа посылали противъ нихъ крестовымъ походомъ; они очистили Моравію и Силезію и перенесли ужасъ своего нашествія въ самую Австрію. Наконецъ, они были разбиты императоромъ Сигизмундомъ. Каковая же причина пораженія? Причина та, что они были ослаблены интригами и предательствомъ чешской партіи, составленной коалиціей мѣстнаго дворянства и Пражской буржуазіи, нѣмцевъ по воспитанію, по положенію, по идеямъ и нравамъ, если не по происхожденію, присвоившихъ себѣ, въ противоположность Таборитамъ, коммунистамъ и революціонерамъ, наименованіе Calixtins, т.-е. людей требующихъ мудрыхъ, возможныхъ реформъ, бывшихъ, однимъ словомъ, въ Богеміи того времени, представителями той самой политики лицемѣрной умѣренности и плутоватаго безсилія, которую не безъ успѣха поддерживаютъ въ современной Австріи гг. Палакки, Ригеръ, Браунеръ и К°.

Съ пораженіемъ Таборитовъ, народная революція быстро пошла къ упадку, смѣняясь сперва дипломатическимъ соглашеніемъ, а вѣкомъ позднѣе уступая мѣсто абсолютному господству австрійской династіи. Умѣренные и ловкіе политики воспользовавшись торжествомъ проклятаго Сигизмунда, овладѣли правительствомъ, какъ имъ это удастся, вѣроятно, сдѣлать, къ ея вящему несчастію, и во Франціи по окончаніи этой войны. Они послужили, одни сознательно и съ большой пользой для своихъ кармановъ, другіе глупо, сами того не подозрѣвая, орудіями австрійской политики, какъ Тьери, Фавры, Симоны, Пикары, и многіе другіе будутъ служить орудіями Бисмарка. Австрія магнетизировала ихъ и вдохновляла ихъ. Спустя двадцать пять лѣтъ послѣ уничтоженія Сигизмундомъ Гусситовъ, эти ловкіе и осторожные патріоты нанесли послѣд-

ній ударъ независимости Богеміи, разрушивъ руками своего короля Подибрада городъ Таборъ или, скорѣе, окопанный лагерь Таборитовъ. Такъ же жестоко поступаютъ республиканскіе буржуа Франціи, заставляющіе своего президента принимать еще болѣе жестокія мѣры противъ соціалистическаго пролетаріата, этого послѣдняго оплота лучшаго будущаго и единственнаго защитника національнаго достоинства Франціи.

Въ 1526 году корона Богеміи, наконецъ, досталась Австрійской династіи, которая уже никогда не выпуститъ ее изъ своихъ рукъ. Въ 1620 г. послѣ агоніи, длившейся немного менѣе ста лѣтъ, Богемія, преданная огню и мечу, опустошенная, разграбленная, разбитая, съ населеніемъ, уменьшившимся наполовину, утратившая все, что еще оставалось отъ ея независимости и ея національныхъ политическихъ правъ, оказалась закованной въ цѣпи, подъ тройнымъ игомъ: императорской администраціи, нѣмецкой цивилизаціи и Австрійскихъ Іезуитовъ. Будемъ надѣяться, во имя счастья и спасенія человѣчества, что этого не произойдетъ съ Франціей!

XXXIII.

ВОЗРОЖДЕНІЕ И РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Въ началѣ второй половины XV вѣка нѣмецкая нація представила наконецъ доказательство жизнеспособности своего генія, казалось, уснувшаго навѣки, и это доказательство, нужно сознаться, было блестящимъ: она изобрѣла книгопечатаніе, и при его посредствѣ она вошла въ соприкосновеніе съ умственнымъ движеніемъ всей Европы. Вѣтеръ Италіи, сирокко свободной мысли, подулъ на нее, и подъ этимъ жгучимъ вѣяніемъ растопилось ея варварское равнодушіе, ея ледяная неподвижность. Германія становится гуманистичной и человѣчной.

Помимо распространенія книгъ, связь съ Италіей поддерживалась еще и путемъ личныхъ сношеній. Нѣмецкіе путешественники, возвращавшіеся изъ Италіи въ концѣ этого вѣка, приносили оттуда новыя идеи, евангеліе человѣческаго освобожденія и пропагандировали ихъ съ религіозной страстностью. На этотъ разъ драгоцѣнныя сѣмена не пропали даромъ. Они нашли въ Германіи почву, готовую для ихъ воспріятія. Эта великая нація, пробужденная къ мысли и

дѣятельности, внесла свой вкладъ въ идейное теченіе вѣка. Но увы! ея духовный подъемъ длился не болѣе двадцати пяти лѣтъ.

Надо различать движеніе Возрожденія и движеніе религіозной Реформаціи. Въ Германіи первое движеніе опередило второе лишь на нѣсколько лѣтъ. Былъ короткій періодъ, между 1517 и 1525 г., когда эти два движенія, казалось, слились, хотя по духу они были совершенно противоположны другъ другу: первое, представленное такими людьми, какъ Эразмъ, Рейхлинъ и великодушный, героическій Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, поэтъ и геніальный мыслитель, ученикъ Пика-де-Мирандоля и другъ Франца Сикингена, Еколампада и Цвингли, являющійся въ нѣкоторомъ родѣ связующимъ звеномъ между чисто философскимъ переворотомъ Возрожденія въ связи съ преобразованіемъ вѣры путемъ протестантской Реформаціи — съ одной стороны, и революціоннымъ возстаніемъ массъ, вызваннымъ распространеніемъ этой послѣдней—съ другой; второе, представленное главнымъ образомъ Лютеромъ и Меланхтономъ, двумя отцами новаго, исключительно религіознаго и богословскаго теченія въ Германіи. Первое изъ этихъ теченій, глубоко гуманитарное, стремилось черезъ посредство философскихъ и литературныхъ трудовъ Эразма, Рейхлина и другихъ къ полному освобожденію духа и къ разрушенію системы наивныхъ и вредныхъ суевѣрій, именуемыхъ христіанствомъ, и въ то же время, въ лицѣ болѣе практическихъ и болѣе революціонныхъ дѣятелей, каковы Ульрихъ фонъ Гуттенъ, Еколампадъ и Цвингли, оно ставило своею цѣлью освобожденіе народныхъ массъ изъ-подъ ига дворянства и владѣтельныхъ принцевъ. Движеніе же Реформаціи, фанатически религіозное, богословское и, какъ таковое, преисполненное почтенія ко всему божескому и презрѣнія ко всему человѣческому, суевѣрное до такой степени, что свято вѣрило въ возможность видѣть діавола и бросать ему въ голову чернильницу,—какъ это произошло, говорятъ, съ Лютеромъ въ замкѣ Вартбургъ, гдѣ еще и теперь показываютъ на стѣнѣ чернильное пятно,—должно было неизбѣжно стать непримиримымъ врагомъ свободы духа и свободы народовъ.

Былъ однакожъ одинъ моментъ, какъ я уже сказалъ, когда эти оба теченія, такія противорѣчивыя по существу: первое революціонное по принципу, второе—въ силу условій народной среды, въ которую оно попало, фактически слились въ

одинъ соціальный потокъ. Этому отчасти способствовала двойственность, присущая самому Лютеру. Какъ богословъ, онъ былъ и долженъ былъ быть реакціонеромъ; но по натурѣ своей, по темпераменту, по инстинкту онъ былъ страстнымъ революціонеромъ. У него была натура человѣка изъ народа, могучая натура, вовсе не созданная для того, чтобы терпѣливо сносить какой бы то ни было гнетъ. Передъ однимъ Богомъ, въ котораго онъ слѣпо вѣрилъ и благодать котораго ощущалъ въ сердцѣ своемъ, готовъ онъ былъ преклониться, и во имя Бога удалось кроткому Меланхтону, ученому богослову, и только богослову, по преданію, его другу и его ученику, а на самомъ дѣлѣ руководителю и укротителю этой львиной натуры, направить его рѣшительно въ сторону реакціи.

XXXIV.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ XVI СТОЛѢТІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Первое рычаніе этого суроваго и великаго нѣмца было совершенно революціонно. Дѣйствительно, трудно себѣ представить что-либо революціоннѣе его воззваній противъ Рима: его обвиненій и угрозъ, брошенныхъ имъ въ лицо Германскимъ принцамъ; его страстной полемики противъ лицемѣрнаго, утопающаго въ роскоши, деспота и реформатора Англіи, Генриха VII. Начиная съ 1517 года до 1525 года только и слышно было въ Германіи что громовые раскаты этого голоса, призывавшаго, какъ казалось, нѣмецкій народъ ко всеобщей революціи, къ обновленію.

Его голосъ былъ услышанъ. Нѣмецкіе крестьяне поднялись съ тѣмъ грознымъ крикомъ, крикомъ соціалистовъ: «Война дворцамъ, миръ хижинамъ!», который въ наши дни превратился въ болѣе опредѣленный грозный призывъ: «Долой всѣхъ эксплуататоровъ и всѣхъ руководителей свобода и равенство въ трудѣ и пользованіи земными благами, братство всѣхъ людей да расцвѣтетъ на развалинахъ всѣхъ государствъ»!

Это былъ критическій моментъ для религіозной реформы и для всей политической судьбы Германіи. Если бы Лютеръ захотѣлъ стать во главѣ этого великаго народно-соціалистическаго движенія, сельское населеніе возстало бы противъ своихъ феодальныхъ владѣльцевъ, городская буржуазія поддержала бы его, и съ имперіей, съ деспотизмомъ вла-

дѣтельныхъ принцевъ и съ наглостью дворянства въ Германіи дѣло было бы кончено.

Но для того чтобы дать этому движенію развиться, нужно было, чтобъ Лютеръ не былъ богословомъ, болѣе заботившимся о прославленіи небеснаго Творца, чѣмъ о достоинствѣ человѣческомъ, если бъ его не возмущало, а напротивъ радовало, что угнетенные люди, безправные крѣпостные вмѣсто того, чтобъ думать о спасеніи своихъ душъ, дерзали требовать свою долю человѣческаго счастья на этой землѣ: нужно было также, чтобъ городскіе буржуа Германіи не были нѣмецкими буржуа.

Подавленное и дезорганизованное равнодушіемъ, а зачастую также и явной недоброжелательностью городовъ и теологическими проклятіями Меланхтона и Лютера гораздо болѣе чѣмъ вооруженной силой дворянъ и владѣтельныхъ князей, это грозное крестьянское возстаніе Германіи было побѣждено Спустя десять лѣтъ также было подавлено другое возстаніе, послѣднее, вызванное въ Германіи религіозной реформой. Я здѣсь хочу сказать о попыткѣ мистико-коммунистической организаціи анабаптистовъ Мюнстера, столицы Вестфаліи. Мюнстеръ былъ взятъ, и Іоаннъ Лейденскій, пророкъ анабаптистовъ, казненъ при рукоплесканіяхъ Меланхтона и Лютера

XXV.

РЕАКЦІОННОЕ ВЛІЯНІЕ РЕФОРМАЦІИ НА ПОСЛѢДУЮЩУЮ ИСТОРІЮ ГЕРМАНІИ.

Но еще за пять лѣтъ до этого печальнаго финала народной революціи, въ 1530 году два германскихъ богослова наложили роковую печать на все будущее страны, какъ религіозное, такъ и соціальное. Я говорю объ Аугсбургскомъ исповѣданіи, представленномъ Лютеромъ и Меланхтономъ германскому императору и владѣтельнымъ князьямъ, которое, сокрушая однимъ ударомъ свободную волю души, уничтожало даже ту свободу совѣсти каждаго, которая и была психологической основой Реформаціи. Человѣкъ былъ безапелляціонно объявленъ игралищемъ небеснаго произвола, предназначеннымъ идти отъ колыбели до могилы по заранѣе предопредѣленному пути, на которомъ его воля безсильна измѣнить хотя бы одну іоту. Но еще пагубнѣе былъ тотъ пунктъ новаго исповѣданія, который признавалъ протестант-

скихъ князей естественными покровителями и главами религіознаго культа, и устанавливалъ новую официальную церковь, которая не замедлила сдѣлаться даже болѣе абсолютной, чѣмъ римско-католическая, и такой же рабольпной относительно свѣтской власти, какъ церковь Византійская. Такимъ образомъ, Реформація, въ своемъ конечномъ результатѣ, дала въ руки протестантскихъ императоровъ и владѣтельныхъ князей орудіе страшнаго деспотизма и повергла всю Германію, протестантскую, а путемъ отраженія также и католическую, по меньшей мѣрѣ въ трехвѣковое грубѣйшее рабство, которое увы! и донынѣ не расположено, какъ мнѣ кажется, уступить свое мѣсто свободѣ *).

Для Швейцаріи было большимъ счастіемъ, что засѣдавшій въ томъ же году Страсбургскій соборъ, руководимый Цвингли и Бюсе, отвергъ эту рабольпную доктрину, отождествляющую власть князей человѣческихъ съ властью самого Господа Бога. Будучи почти исключительно измышленіемъ богословской и ученой головы профессора Меланхтона, созрѣвшая на почвѣ глубокаго, безграничнаго, непоколебимаго и рабольпнаго преклоненія предъ своимъ государемъ, присущаго каждому буржуа, а нѣмецкому профессору въ особенности, эта доктрина была слѣпо принята нѣмецкимъ народомъ, потому что его князья приняли ее.

Реформація создала въ Германіи новую форму историческаго рабства, рабства внутренняго, не за страхъ, а за совѣсть, которая въ соединеніи съ старой грубой формой внѣшняго рабства сковала нѣмецкій народъ такими крѣпкими

*) Чтобы убѣдиться въ духѣ рабольпства, характерномъ для германской ютеранской церкви и въ наши дни такъ же, какъ и прежде, достаточно прочесть формулу клятвеннаго обѣщанія, которое долженъ подписать прусскій министръ исповѣданій, прежде чѣмъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Оно совершенно тождественно, если только не превосходитъ по своему рабольпству присягу русскаго духовенства. Каждый министръ исповѣданій въ Пруссіи клянется быть всю свою жизнь покорнымъ и преданнымъ слугою своего господина и своего государя,—не Господа Бога, а короля прусскаго клянется точно и неуклонно исполнять его святыя повелѣнія и никогда ни ради чего не поступаться священными интересами его величества, и кромѣ того клянется внушать такое же абсолютное почтеніе и послушаніе своей паствѣ и доносить правительству о всѣхъ мысляхъ, о всѣхъ дѣлахъ и о всѣхъ начинаніяхъ своей паствы, идущихъ въ разрѣзъ съ предписаніями и видами королевскаго правительства. И вотъ такимъ-то рабамъ довѣряется исключительное руководство народными школами въ Пруссіи! Это столь хваленое обученіе есть не что иное, какъ развращеніе массъ, систематическое культивированіе доктрины рабства.

цѣпями, что я не знаю, удастся ли ему порвать ихъ прежде, чѣмъ потухнетъ солнце.

Это вполнѣ понятное со стороны германскихъ протестантскихъ князей стремленіе раздѣлить между собою обломки духовной власти папы, и каждому сдѣлаться маленькимъ папой въ предѣлахъ своего государства, мы одинаково встрѣчаемъ и въ другихъ монархическихъ протестантскихъ странахъ Европы, какъ напр. въ Англіи или въ Швеціи, но ни въ той, ни въ другой этой тенденціи не удалось восторжествовать до конца: она столкнулась съ пробудившимся въ народѣ чувствомъ независимости, и принуждена была отступить предъ нимъ. Въ Швеціи, Даніи и Норвегіи народъ и классъ крестьянъ по преимуществу сумѣлъ отстоять свою свободу и свои права какъ отъ притязаній дворянства, такъ и отъ посягательствъ верховной власти Въ Англіи борьба англиканской офиціальной церкви съ свободными церквами: пресвитеріанской, шотландской и независимой (индепендентовъ). заканчивается революціей, отъ которой и ведетъ свое начало національное величіе Великобританіи.

Но въ Германіи этотъ вполнѣ естественный деспотизмъ князей не встрѣтилъ противодѣйствія. Все прошлое германскаго народа, полное грезъ, но бѣдное свободой мысли, чуждое свободныхъ проявленій народной иниціативы, наложило на весь его характеръ печать приниженной и почтительной покорности, и въ этотъ критическій моментъ своей исторіи германскій народъ не нашелъ въ себѣ ни необходимой энергіи, ни достаточной независимости, ни темперамента, чтобы отстоять свою свободу противъ традиціонной и жестокой власти своихъ безчисленныхъ владыкъ, князей и господъ. Въ первый моментъ энтузіазма онъ выказалъ необычайно высокій подъемъ духа и, казалось даже, что предѣлы Германіи слишкомъ узки, чтобы сдержать взрывъ ея революціонной энергіи. Но это былъ только моментъ, только порывъ и какъ бы преходящее и искусственное проявленіе болѣзненно воспаленнаго мозга. Скоро его вдохновеніе выдохлось; тяжеловѣсный, малодушный и безсильный, раздавленный своей собственной тяжестью, онъ покорно позволилъ Лютеру и Меланхтону отвести себя на поводу въ лоно лютеранской церкви и надѣть на шею спасительное и привычное ярмо.

Онъ во снѣ видѣлъ свободу. и проснулся рабомъ болѣе чѣмъ когда-либо. Съ тѣхъ поръ Германія стала истиннымъ

разсадникомъ реакціи въ Европѣ. Не довольствуясь проповѣдью рабства посредствомъ своего примѣра и посылки своихъ принцевъ, принцессъ и своихъ дипломатовъ для насажденія и распространенія его во всѣхъ Европейскихъ странахъ, она избрала рабство предметомъ своихъ наиболѣе глубокихъ научныхъ умозрѣній Во всѣхъ другихъ странахъ администрація, взятая въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ организація бюрократической и фискальной эксплуатаціи, практикуемой государствомъ надъ народными массами разсматривается какъ искусство: искусство водить въ поводу народъ, держать его въ суровой дисциплинѣ и стричь его, не позволяя слишкомъ много кричать при этомъ. Въ Германіи это искусство преподается какъ наука во всѣхъ университетахъ. Эту науку можно было бы назвать современной теологіей культа Государства. Въ этой религіи земного абсолютизма, государь занимаетъ мѣсто Господа Бога, бюрократы—священниковъ, а народъ, разумѣется, жертвы, всегда приносимой на алтарь Государства.

Если вѣрно, что только инстинктъ свободы, ненависть къ притѣснителямъ и способность возставать противъ всевозможной эксплуатаціи и деспотизма, служитъ мѣриломъ человѣческаго достоинства націй и народовъ,—а въ правильности этого сужденія я глубоко убѣжденъ, то нужно сознаться, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ германская нація и до 1848 г., только одни нѣмецкіе крестьяне доказали, своимъ возстаніемъ въ XVI вѣкѣ, что этой націи не абсолютно чуждо это достоинство. Что же касается нѣмецкой буржуазіи, то, судя по ея чувствамъ, по ея поступкамъ, намъ ничего не остается какъ признать ее предназначенной къ осуществленію идеала добровольнаго рабства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

Главы

I Революція - спасеніе Франціи . . . 13
II Противоположность интересовъ рабочихъ и буржуа. рабочіе хотятъ спасти Францію, буржуа - свои карманы. 16
III Дисциплина рабовъ и дисциплина свободныхъ людей 18
IV. Буржуа—враги народа 21
V. Гамбетта—ставленникъ буржуазіи 24
VI. Буржуа—союзники пруссаковъ 26
VII. Обманчивость всеобщаго голосованія . . . 29
VIII. Пропаганда среди крестьянъ. Подготовительныя дѣйствія. Изъятіе мѣстной администраціи . 32
IX. Тщета буржуазно-республиканской пропаганды 34
X. Сильная власть отождествляетъ революцію съ реакціей 37
XI. Республика—рай буржуа. 39
XII. Революціонная пропаганда черезъ волонтеровъ . 43
XIII. Земля и революція. 45
XIV. Трудъ и ненависть къ буржуазіи объединяютъ крестьянъ и рабочихъ 49
XV. Соціальное доктринерство и буржуазное якобинство рабочихъ отталкиваютъ отъ нихъ крестьянъ. . 50
XVI. Собственность какъ фактъ, не будучи правомъ, не противорѣчитъ соціализму 52
XVII. Гражданская война, какъ творческій процессъ . 53
XVIII. Экспропріація шайки разбойниковъ . . . 56
XIX. Между государственниками монархистами и республиканцами больше сходства, чѣмъ различія. 62
XX. Солидарность поньскихъ и декабрьскихъ преступниковъ. 65
XXI Свой своему—поневолѣ братъ . . 67

XXII. Монархическая республика 69
XXIII. Лишь покончивъ со старымъ, можно созидать новое . 72
XXIV. Лучше выпустить изъ тюремъ всѣхъ уголовныхъ преступниковъ, чѣмъ оставить на свободѣ слугъ стараго режима. 75
XXV. Да здравствуютъ пруссаки! Долой соціальную революцію? 77
XXVI. Вопросъ о законности временнаго правительства . 78
XXVII. Два разбойника 81
XXVIII. Прусское раболѣпство и русское бунтарство . . 91
XXIX. Иллюзія нѣмецкаго либерализма. 99
XXX. Происхожденіе нѣмецкаго либерализма. Средневѣковая Германія 102
XXXI. Эпоха Возрожденія. 110
XXXII. Іоаннъ Гуссъ и Табориты. 112
XXXIII. Возрожденіе и реформація въ Германіи 117
XXXIV. Крестьянское возстаніе XVI столѣтія въ Германіи 119
XXXV. Реакціонное вліяніе реформаціи на послѣдующую исторію Германіи. 120

Цѣна 65 к.

Москва.
Типографія „СОКОЛЪ“, Тверская, Глинищевскій пер., домъ Бахрушина